Ш. Р. ПИДАЕВ

ПОСЕЛЕНИЯ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Ш. Р. ПИДАЕВ

ПОСЕЛЕНИЯ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ — 1978

Ш. Р. Пидаев. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. Табл.—2, рис. 52, стр. 144.

В монографии рассматриваются сельские поселения кушанского времени Северной Бактрии. Большое внимание уделяется определению роли сельского населения в создании культуры. Исследуются некоторые вопросы социальной и экономической истории кушанского общества. На основе нового археологического материала, полученного в результате раскопок поселений Мирзакултепа и Аккурган, делается попытка определить место выявленных комплексов среди других кушанских памятников.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов, а также читателей, интересующихся древней историей народов Средней Азии.

Ответственный редактор
доктор исторических наук В. М. Массон

902.7
П 32

Пидаев Ш. Р.
Поселения Кушанского времени Северной Бактрии /Ш. Р. Пидаев АН УзССР, Ин-т археологии; Отв. ред. В. М. Массон.— Т.: «Фан», 1978. С.—144 с.

902.7

П $\frac{10602-752}{355\,(06)-78}$ 78—78 © Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1978 г.

ВВЕДЕНИЕ

Одна из важных проблем древней истории Востока, постоянно привлекающая внимание исследователей, — кушанская. Уже около двух столетий ученые разрабатывают этот вопрос. Однако слабая изученность археологических памятников этого времени и противоречия в отрывочных сведениях письменных источников затрудняют разрешение многих проблем. В настоящее время советские и зарубежные исследователи все больше обращают внимание на изучение археологических памятников. При этом важную роль играет монографический учет существующих памятников и их предварительное описание, что позволит в определенной степени получить материал для решения таких ключевых вопросов, как материальная культура, экономический потенциал и общественные отношения.

Из числа нерешенных вопросов первостепенна проблема роли сельского населения в структуре кушанского общества, его культуры и социального строя, аграрных отношений*. Она почти не исследована, что во многом объясняется отсутствием источников, в первую очередь эпиграфических, и неизученностью сельских поселений в археологическом отношении.

История Кушанской империи тесно связана с одним из древнейших очагов цивилизации,— с древней Бактрией, сельские поселения которой до сих пор не исследованы в археологическом отношении. Поэтому при относительном обилии материалов по истории и культуре античных городов этой столь богатой археологическими памятниками страны сведения о сельских поселениях минимальны. Между тем в структуре кушанского общества сельское население играло весьма важную роль. Следует отметить, что изучение сель-

---

* Советская историография располагает лишь тремя работами соответствующей проблематики: В. М. Массон. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений. В сб. «Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане», Ашхабад, 1971; В. Н. Пилипко. Поселения Северной Парфии (III в. до н. э. и III в. н. э.). Автореф. канд. дисс., Л., 1971; Е. Е. Неразик. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.

ских поселений даст ценный вещественный материал, позволяющий сопоставить культуру и быт сельского и городского населения, в какой-то мере определить уровень благосостояния непосредственных производителей, проследить эволюцию культуры, выявить локальные черты, свойственные местной культуре, поскольку в сельских местностях местные культурные традиции выражаются гораздо ярче, ввиду большой отдаленности от городских центров и относительной замкнутости. Исследование их поможет в определенной степени проследить типологическую связь деревень и городов как видов поселений и превращение сельских центров в городские.

Для рассмотрения этих вопросов в 1972 г. при Институте археологии АН УзССР и ЛОИА АН СССР была организована Бактрийская экспедиция, в задачу которой входило и всестороннее изучение античного общества древней Бактрии, в частности проблема сельского населения. Один из отрядов Бактрийской экспедиции исследовал кушанские памятники, расположенные на территории Сурхандарьинской области Узбекской ССР, являвшейся ядром кушанского государства в период его возвышения. По мнению Г. А. Пугаченковой, здесь первоначально находилась столица кушанского государства, упоминаемая в китайских хрониках под именем Ходзе и отождествляемая с руинами Дальверзинтепа (Пугаченкова, 1966а, с. 247—248; 1971б, с. 202, 1974а, с. 130). Мы вели исследования в двух направлениях: рекогносцировочное и стационарное изучение сельских поселений. Всего здесь стратиграфически обследовали 11 памятников, на двух из них осуществлены широкие раскопки; поселение Аккурган раскопано почти полностью до уровня верхнего строительного горизонта.

Цель данной монографии — ввести в научный оборот новый материал, полученный в результате исследования сельских поселений, определить место полученных комплексов среди других кушанских памятников и на основе этих данных рассмотреть некоторые стороны материальной культуры кушанской Бактрии и возможность использования имеющихся данных для исторических реконструкций. Временные рамки исследования охватывают эпоху от падения греко-бактрийского царства до V в. н. э., когда в Бактрии утверждается политическая власть эфталитского объединения. При всех разногласиях относительно уточненной хронологии правителей «великих кушан» нет сомнения в том, что кушанская культура в широком смысле этого слова функционировала именно в указанных пределах. Мы охарактеризовали территорию, охватывающую правобережье Амударьи в пределах Сурхандарьинской области Узбекской ССР, при этом использовали материалы по этой области и, когда представлялась возможность — по соседней территории. Как известно, античная географическая традиция, нашедшая четкое отражение у Страбона, рассматривала Амударью как границу между Бактрией и Согдом (Страбон, XI, 11, 2), что, однако, как указывал М. М. Дьяконов, противоречит культурно-историческому районированию, воссоздаваемому по материалам археологии (1954,

с. 123). Если для середины I тыс. до н. э. наши материалы по этому вопросу еще можно считать недостаточными, то для рассматриваемой в монографии эпохи по подавляющему большинству культурных показателей области правого и левого берегов среднего течения Амударьи они образуют единое целое, заметно отличающееся от культурной общности, прослеживаемой в долинах Кашкадарьи и Зарафшана. Это дает нам основание применять к районам правобережья понятие «Северная Бактрия», что практически давно широко распространено и в отечественной, и в зарубежной литературе.

Пользуясь случаем автор выражает глубокую благодарность всем участникам полевых работ и тем, кто своими советами, предложениями и замечаниями оказал большую помощь при написании данной монографии. Автор особенно признателен докторам исторических наук В. М. Массону, И. Т. Кругликовой, А. А. Аскарову, кандидатам исторических наук Н. Г. Горбуновой, Э. В. Ртвеладзе и другим. Автор благодарит секретаря Сурхандарьинского обкома КП Узбекистана Х. Х. Халиярова за оказанное в период полевых исследований содействие.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

До Октябрьской революции и в первые годы после нее на территории древней Северной Бактрии, куда входили современные районы юга Узбекистана, Таджикистана и Туркмении, специального археологического изучения древних памятников не проводили. Для этого периода исследования характерны сведения о некоторых памятниках древности в целом, античной в частности, сделанные путешественниками, инженерами-топографами, побывавшими в этих районах (Соболев, 1873; Маев, ,1876, 1879; Мушкетов, 1886; Неуструев, 1915; Умняков, 1929; и др.)*. К сожалению, они отрывочны и в основном носят описательный характер с учетом внешних признаков, к тому же основной упор они делают на средневековую историю, а не на античную. Однако уже к 1925 г. накапливается большое количество разнородных материалов, среди которых преобладают предметы искусства, монеты, керамика, украшения. Особого внимания заслуживает знаменитый Амударьинский клад, найденный в 1877 г. в долине реки Кафирниган (точное местонахождение клада еще не установлено) (Dalton, 1905; Калмыков, 1908). Привлекали внимание археологов и развалины Старого Термеза, сведения и библиографические данные о которых опубликовал М. Е. Массон (1941, с. 13—34, см. также: Т. Зеймаль, 1969а, с. 4—37). Учтя это и во избежание повторений, мы переходим непосредственно к периоду, с которого началось археологическое изучение кушанских памятников Северной Бактрии.

Первые археологические раскопки на территории Северной Бактрии были проведены в 1926—1928 гг. Музеем восточных культур под руководством проф. Б. П. Денике на достаточно высоком для своего времени методическом уровне, на базе научного осмысления значения археологических находок в изучении истории среднеазиатских народностей (Денике, 1928а, 1928б). В результате исследований были открыты остатки буддийской ступы на холме Зурмала, которая была ошибочно датирована IV—VII вв. н. э. (Стрелков, 1927, с. 27—30, 1928, с. 45). Экспедиция впервые уста-

* Здесь мы привели список наиболее важных работ.

новила наличие домусульманских, в частности кушанских, слоев на территории Старого Термеза. После экспедиции Музея восточных культур интерес к изучению древних памятников Термеза и других районов Северной Бактрии сильно возрос. Однако до 1932 г. исследователи в основном изучали слои, относящиеся к средневековью.

В 1932 г. возле урочища Айртам со дна Амударьи были подняты каменные плиты с изображением музыкантов (М. Массон, 1933; Тревер, 1940, с. 29). Эта находка послужила важным источником для изучения памятников кушанского времени Северной Бактрии. Уже в 1933 г. на месте находки работала археологическая экспедиция во главе с М. Е. Массоном. В результате небольших археологических раскопок здесь были открыты остатки буддийского святилища и найдены остальные фрагменты Айртамского фриза, датированные М. Е. Массоном I—II вв. н. э. (1935, с. 129—134), а К. В. Тревер —II в. до н. э. (1940, с. 29). После непродолжительного перерыва, в 1936 г., организуется специальная Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ), возглавляемая М. Е. Массоном,— одна из самых крупных в то время в Средней Азии. Цель экспедиции — проследить историческое развитие города. Особенно большое внимание предполагалось уделить изучению слоев кушанского времени, так как без этого невозможно было решить многие узловые проблемы среднеазиатской истории и культуры. С 1936 по 1937 г. экспедиция производила стационарные раскопки на городище Старого Термеза и в его окрестностях. Исследования ТАКЭ проводились на высоком научном и методическом уровне.

В результате работы Термезской экспедиции была выявлена историческая топография г. Термеза и установлено, что наивысший расцвет его относится к кушанскому периоду, когда появляется крепостная стена, охватившая все городище, включая и два крупных буддийских монастыря (М. Массон, 1940*а*, с. 113, 1940*б*, с. 88—89; Пиотровский, 1940, с. 159—167; Шишкин, 1940, с. 126—158; Жуков, 1945, с. 82—97). В результате разведочных исследований на Каратепа обнаружены остатки одного из самых крупных буддийских монастырей полупещерного типа на территории Северной Бактрии (М. Массон, 1940*а*, с. 114). Отмечено, что скульптура Термеза во многом близка скульптуре Матхуры, а детали архитектуры отражают влияние эллинистической архитектуры (М. Массон, 1940*а*, с. 113). Сооружение крупных магистральных каналов, орошавших поля и снабжавших водой г. Термез, также соответствует кушанскому периоду (М. Массон, 1940*а*, с. 114; Букинич, 1945, с. 191—195).

Не менее интересны находки на городище Айртам, где в 1937 г. М. И. Вязьмитина продолжила раскопки остатков буддийского святилища, начатые еще в 1933 г. М. Е. Массоном (Вязьмитина, 1945*а*, с. 23—34). Обилие керамических изделий позволило ей впервые классифицировать кушанскую керамику (Вязьмитина, 1945*б*,

с. 35—64). И сейчас эта работа не утратила своего значения, хотя датировка керамики во многом относительная и общая в рамках кушанского периода. Ценны и наблюдения Г. А. Пугаченковой в области античной архитектуры (1945, с. 65—81).

Термезская экспедиция предприняла маршрутные выезды в районы античных памятников правобережья Амударьи, в частности в Ходжа Гульсуар, являвшемся каменоломней мергелистого известняка, где в 1904 г. была найдена золотая монета Канишки (М. Массон, 1936. с. 103).

В целом трехгодичные исследования ТАКЭ дали гораздо больше археологических данных по древней истории этой области, чем все предыдущие экспедиции, что справедливо отметил Л. И. Альбаум (1960, с. 10). Дальнейшие исследования в этой области были прерваны Великой Отечественной войной.

До 1945 г. в Южном Таджикистане специальных археологических раскопок кушанских памятников не проводили, хотя некоторые памятники Кобадианского оазиса изучали сотрудники экспедиции Музея восточных культур и краевед В. Р. Чейлитко.

Таким образом, довоенный период изучения характеризуется ростом количественного накопления сведений по отдельным археологическим памятникам и фактологического фундамента: монет, предметов искусства, эпиграфики, керамики и других объектов; осуществлением профессиональных раскопок, проведенных на достаточно высоком методическом уровне. Кроме того, впервые попытались восстановить историю и культуру народов Северной Бактрии в кушанский период на основании интерпретации существующего материала. Здесь уместно отметить, что объектом исследований в этот период был в основном Старый Термез и его окрестности, другие районы Северной Бактрии не были обследованы даже рекогносцировочно, что отрицательно отразилось на датировке слоев и находок.

После окончания Великой Отечественной войны исследование древних памятников Северной Бактрии возобновилось на более широкой основе. Уже в 1946 г. были обнаружены новые, ценные памятники кушанского периода на юге Узбекистана и в Таджикистане. Сначала эти исследования носили рекогносцировочный характер и раскопки проводили в небольших масштабах. Так, в 1946—1947 гг. один из отрядов Таджикской археологической экспедиции вел работы на могильнике Тупхана около Гиссара (Дьяконов, 1950). За два полевых сезона здесь было вскрыто 22 погребения, из которых выделили четыре разновременных типа (Дьяконов, 1959, с. 156). Самые древние М. М. Дьяконов отнес ко II в. до н. э., а поздние — к IV—VI вв. н. э. Основная часть погребений датирована кушанским периодом. Позднее эта датировка могильника Тупхана в свете новых археологических находок была уточнена (Мандельштам, 1966, с. 153—157). Считают, что это — могильник земледельцев.

В 1949 г. возобновились археологические раскопки и на юге Узбекистана. Здесь под руководством Л. И. Альбаума работал Сурхандарьинский отряд Узбекистанской археологической экспедиции Института истории и археологии АН УзССР. Первоначально отряд провел маршрутную разведку по течению р. Сурхандарьи, зафиксировал ряд новых памятников кушанского периода или наличие слоев этого времени. Это Хайитабадтепа, Кала-Кульмет, Исмаилтепа в Джаркурганском районе, Зартепа, Хайрабадтепа в Ангорском, городище Тахта-Кувад и Мела в правобережье Амударьи и др. (Альбаум, 1955*а*, 1955*б*, 1960).

С 1950 г. началось крупномасштабное стационарное стратиграфическое изучение отдельных городищ кушанского времени, особое внимание уделялось разработке отдельных ключевых проблем, связанных с историей и культурой кушанской империи.

В 1950—1951 гг. в долине реки Кафирниган проводили раскопки на городищах Калаи-Мир, Кейкобадшах и Мунчактепа (Дьяконов, 1953; Забелина, 1953), в результате которых в истории этих городищ выделили пять стратиграфических этапов (Дьяконов, 1953, с. 279—293). В данной периодизации собственно кушанскому периоду соответствовал слой Кобадиан III—V (там же, с. 287—293). Выделение слоев Кобадиана базировалось в основном на керамических материалах и небольшом количестве монет без достаточных стратиграфических данных. Несмотря на это периодизация Кобадиана долгое время служила эталоном при изучении древних, в том числе кушанских, памятников Северной Бактрии. Позднее в свете новых материалов она была уточнена (Заднепровский и В. Массон, 1955, с. 82—85; Мандельштам, 1966, с. 153—157; Т. Зеймаль, 1969, с. 7; и др.), однако и сейчас она требует существенных коррективов. В это время в Сурхандарьинской области проводили небольшие раскопки на городище Зартепа и Хайрабадтепа (Альбаум, 1960, с 14—41).

В 1952—1960 гг. были продолжены археологические раскопки на городищах Кейкобадшах, Мунчактепа (Мандельштам, 1954*а*; Мандельштам и Певзнер, 1958) и начаты раскопки новых кушанских памятников в соседней Бишкентской долине (Мандельштам, 1956, 1959*а*, 1959*б*, 1959*в*, 1961*а*, 1961*б*, 1964, 1966). В Кейкобадшахе был вскрыт юго-западный угол города. Полученный материал датирован II в. до н. э. —IV в. н. э. (Мандельштам и Певзнер, 1958). Раскопки Кейкобадшаха дали новые материалы, отразившие историческую топографию города. Было обнаружено, что в первые века нашей эры он стал центром плодородного Кафирниганского оазиса (Мандельштам, 1964, с. 26), где в этот период появился ряд новых поселений, начал расти экономический потенциал и культурный уровень оазиса.

В Бишкентской долине основной упор делался на изучение шести могильников II в. до н. э. — I в. н. э. — Артуктауского, Тулхарского, Каккумского, Караджарского и др. Особого внимания заслуживает изучение Тулхарского и Артуктауского могильников,

поскольку они были отождествлены как принадлежащие кочевникам-юечжам, сокрушившим Греко-Бактрийское царство и положившим начало великой Кушанской империи в I—IV вв. н. э. (Мандельштам, 1966, с. 161—162). Одновременно с изучением упомянутых могильников производили небольшие раскопки на городищах Хангаза, Актепа для выяснения вопроса, кому принадлежат курганные могильники — кочевникам или оседлому населению. В результате раскопок обнаружено, что оба городища обживались с конца I в. до н. э. по IV в. н. э. (Мандельштам, 1964, с. 24—25; 1966, с. 149—153) и значит не могли быть одного возраста с курганным могильником. Отсюда следует, что курганные могильники были оставлены кочевниками, а не оседлым населением. С последним связан Караджарский могильник, где тип погребальных сооружений совершенно отличается от Тулхарских и Аруктауских (Мандельштам 1961*б*).

Для выяснения существования на Каменном городище монументальной каменной архитектуры провели раскопки, подтвердившие данное предположение. На городище было установлено шесть строительных горизонтов, относящихся к III—II вв. до н. э.—III—IV вв. н. э. (Мандельштам, 1966. с. 146—148).

Не менее интересны раскопки и в соседней Вахшской долине, где с 1958 г. работает Хуттальский отряд Таджикской археологической экспедиции (начальник Б. А. Литвинский). Особенно широкие исследования развернулись в 1956—1966 гг. в связи с составлением археологической карты Таджикистана. В 1954 г. отряд исследовал городище Кухна-Кала (Ворошиловобадское городище) (Литвинский, Давидович, 1954; Литвинский, 1956). По мнению Б. А. Литвинского (1956, с. 79—80), городище было не достроено и не обжито. В I—II вв. н. э. многие помещения городища использовали как погребальные камеры (Литвинский и Давидович, 1954, с. 59—60). В этом же году небольшие раскопки производили и на городище Кумтепа (Литвинский, 1956, с. 82—87). Здесь в основном изучали оборонительные сооружения и прилегающий к ним участок. Богатый материал, отражающий материальную культуру Вахшской долины кушанского времени, был получен при раскопках поселения в урочище Халкаджар (Т. Зеймаль, 1961).

Существенный вклад в изучение истории и культуры кушанской Бактрии внесли открытия на Халчаяне близ г. Денау. Это городище изучала с 1959 по 1963 гг. Узбекистанская искусствоведческая экспедиция Института искусствознания им. Хамзы под руководством Г. А. Пугаченковой (1960—1967, 1971 и др.). В результате раскопок установлено появление населенного пункта на территории Халчаяна в середине I тыс. до н. э. и его интенсивное обживание вплоть до III в. н. э. Городище Халчаян исследовано максимально полно, что позволило детально проследить историческую топографию — динамику города. Следует отметить, что раскопки Халчаяна дали весьма богатый, разносторонний археологический материал, отражавший высокий уровень материальной и духовной куль-

туры его обитателей. Изучение Халчаяна позволило проследить пути формирования кушанской культуры и восполнить пробел в истории культуры античной Бактрии. Проведение же раскопок на высоком методическом уровне помогло более конкретно датировать слои и находки.

Не менее интересные наблюдения сделаны и в полупещерном буддийском монастыре Каратепа в Старом Термезе, где с 1961 г. систематически ведет раскопки Б. Я. Ставиский. За 17 лет количество раскопанных помещений, дворов, храмов и найденных археологических вещей намного увеличилось, что позволило с большой точностью говорить о времени, условиях и путях распространения буддизма в Северной Бактрии (Ставиский, 1964, 1969, 1972)*. Расширились наши представления о буддийской храмовой архитектуре Северной Бактрии кушанского времени, о значении буддизма в истории народов Средней Азии. В Каратепа найдено много статуй, связанных с буддийским пантеоном, росписей (Ставиский, 1964, 1969, 1972), керамики (Сычева, 1968, 1969*а*, 1969*б*, 1972). В 1962 г. впервые на территории Северной Бактрии были найдены надписи «кушанского письма» (Б. Я. Ставиский, 1964). Позднее количество таких надписей из Каратепа возросло, что в свою очередь заметно продвинуло вперед изучение кушанской письменности (Лившиц, 1964, 1969; Харматта, 1969*а*, с. 32—39; Harmatta, 1969*б*, с. 82—125; Грек и Лившиц, 1972).

В 1963—1965 гг. провели раскопки одного из наиболее интересных «стерильных» памятников кушанского времени, расположенных на территории Вахшской долины — на городище Яван (Юркевич, 1965; Литвинский, 1967; Т. Зеймаль, 1969). Раскопки, проведенные в довольно большом масштабе, дали чрезвычайно важные и интересные материалы, отражающие историческую топографию города. На основе массового материала была разработана довольно надежная хронологическая шкала для кушанской керамики Явана, которую вполне можно использовать при классификации кушанской керамики всей Северной Бактрии, но с учетом локальных вариантов, характерных для тех или иных центров (Юркевич, 1965; Т. Зеймаль, 1969),

Слои кушанского времени были зафиксированы и в таких памятниках Вахшской долины, как Балдайтепа, Уртабоз II, Заргар III, Искитепа и др. (Т. Зеймаль, 1959, 1961, 1969; Юркевич, 1965). В 1965 г. Э. А. Юркевич на основе своих наблюдений и анализа опубликованного материала предложил классификацию памятников Северной Бактрии кушанского времени (1965, с. 166—167). Это была первая попытка, предпринятая в данном направлении. При построении этой классификации исследователь опирался на работу Ю. А. Заднепровского (1954). Классификация базировалась

---

* Здесь мы привели только основные работы: более подробная библиография дана в статье О. Н. Щеголева «Исследования Кара-тепе в 1961—1970 гг. в освещении печати». 1972.

на чисто визуальных наблюдениях: размер, планировка, наличие цитадели и укрепления и т. д. В настоящее время она требует существенных изменений и при дальнейшем исследовании может быть использована только как приблизительная.

В 1965—1967 гг. были проведены большие раскопки на городище Саксонахур (Литвинский, 1967*а*, 1967*б*; Литвинский, Мухитдинов, 1969, Мухитдинов, 1968, 1973*а*, 1973*б*). Были вскрыты остатки «дворцово-храмового» комплекса и ремесленный квартал. Городище обживалось со II в. до н. э. по III в. н. э.

В 1961 г. начались археологические раскопки одного из самых крупных городищ Северной Бактрии кушанского времени на Дальверзинтепа, где Сурхандарьинский отряд под руководством Л. И. Альбаума проводил небольшие зачистки городской стены (Альбаум, 1960, 1966). В 1962—1963 гг. сотрудники Узбекистанской искусствоведческой экспедиции вели здесь разведочные раскопки (Пугаченкова 1971*б*, с. 186—203). После недолгого перерыва, в 1967 г., эта экспедиция во главе с Г. А. Пугаченковой приступила к широкому и стационарному исследованию городища Дальверзинтепа. Первые же раскопки дали представление о динамике сложения города. Древнейший материал относится к III—II вв. до н. э. Главным же объектом раскопок явились остатки буддийского святилища, расположенного недалеко от городской стены, среди полей. Здесь найдены первоклассные статуи, позволяющие проследить эволюцию сложения бактрийской школы ваяния после халчаянского этапа. Судя по находкам, раскопанное святилище было сооружено в I—II вв. н. э. (Пугаченкова, 1971, с. 200). Результаты раскопок последующих годов отражены лишь в информационных публикациях (Пугаченкова, 1973*а*, 1973*б*, 1973*в*, 1973*г*). В настоящее время на Дальверзинтепа ведутся работы в основном на двух раскопочных площадках (Пугаченкова, Тургунов, 1974*б*). Наибольший интерес представляют раскопы ДТ-6 и ДТ-5. В 1972 г. в раскопе ДТ-5, из-под пола одного из помещений (13) извлекли кувшин с золотыми вещами, среди которых были золотые дискообразные слитки, прямоугольные брусочки с надписями, браслеты, серьги, фигурные пряжки и др. (Пугаченкова, Тургунов, 1974, с. 65—66). Художественное значение этих золотых украшений неоценимо.

В 1968 г. начаты раскопки еще одного из интереснейших памятников буддизма на территории Северной Бактрии кушанского времени — Фаязтепа (Альбаум, 1974). Холм Фаязтепа расположен недалеко от буддийского монастыря Каратепа. Памятник в настоящее время почти полностью раскопан.

В последние годы особое внимание исследователи уделяют фиксации и предварительному археологическому изучению всех памятников кушанского времени Сурхандарьинской области. В настоящее время в Сурхандарьинской области известно более 110 пунктов этого времени (Ртвеладзе, Хакимов, 1973; Ртвеладзе, 1974). Сплошной учет этих памятников позволил Э. В. Ртвеладзе предварительно классифицировать памятники этого времени по четырем

группам: крупные городища, поселения полугородского типа, полусельского и сельского типов и горные поселения. За критерии классификации он взял площадь, планировку, наличие цитадели, характер оборонительных сооружений.

Первые шаги в изучении кушанских памятников Северной Бактрии сделала и Бактрийская экспедиция, созданная в 1972 г. Институтом археологии АН УзССР и ЛОИА АН СССР под общим руководством проф. В. М. Массона. В 1972 г. эта экспедиция производила раскопки на городище Зартепа, где вскрывала остатки монументального здания кушанского времени (Шетенко, 1974) и крепостную стену городища (Сабиров и Пилипко, 1974). Кроме того, были проведены разведочные выезды по отдельным памятникам античности. Один из отрядов экспедиции вел раскопки в сельских поселениях Шерабадского оазиса (Пидаев, 1974).

В 1973 г. были продолжены археологические раскопки на тех же объектах в Зартепа и начаты раскопки буддийского святилища. Кроме того, один из отрядов экспедиции под руководством В. А. Козловского заложил стратиграфический раскоп на городище Старого Термеза, где было установлено пять больших периодов в истории обживания городища. Отряд по изучению сельской округи производил раскопки на поселениях Аккурган в Шерабадском районе и Мирзакултепа в Термезе. Особого внимания заслуживают раскопки на поселении Аккурган. Верхний строительный горизонт поселения вскрыли полностью, в результате чего получили много ценных археологических материалов, отражающих материальную и духовную культуру непосредственных производителей. Сделаны интересные наблюдения и по социальной и экономической жизни.

В 1974 г. Бактрийская экспедиция продолжила свои работы на городище Зартепа и поселении Мирзакултепа. На городище Зартепа раскопки производили на раскопе 1, где вскрывали монументальный архитектурный комплекс. На раскопе был получен богатый комплекс керамики, монет и других вещей. Здесь же был заложен стратиграфический шурф. Кроме того, небольшие разведочные раскопки производили и в других частях городища. Особо следует отметить раскопки крепостной стены восточного фаса городища, где археологические работы были начаты в 1973 г. (Р-4). Всего на раскопе 4 был расчищен участок стены длиной в 100 *м* с массивными полукруглыми в плане башнями. Разрез этой стены и примыкающих к ней участков позволил установить в функционировании стены четыре больших периода. В 1974 г. отряд по изучению сельских поселений в основном продолжал раскопки на Мирзакултепа. Результаты этих работ подробно приводим в главе III.

Таким образом, послевоенный период изучения кушанских памятников Северной Бактрии характеризуется первоклассными открытиями, ростом количественного накопления фактологического материала, интерпретацией отдельных памятников и постановкой ряда ключевых проблем, связанных с историей, культурой и эконо-

микой кушанской Бактрии. В этот период особое внимание уделяли изучению крупных городских центров с выяснением их исторической топографии. Раскопки производят в больших масштабах, что дает массовый материал, позволяющий разработать предварительную хронологическую шкалу для керамики Северной Бактрии. Большие успехи в этот период отмечены в изучении культовых сооружений Бактрии и связанных с ними проблем. В свете этих открытий проясняется такая дискуссионная проблема в истории древней Бактрии, как пути формирования бактрийской школы художественного ваяния. В последние годы возник вопрос о классификации памятников. В разрешении его огромную роль будет играть выработка единой системы критериев для всех памяников Северной Бактрии, что в настоящее время очень важно, так как одни и те же памятники исследователи называют то городищами, то поселениями. Рост количества керамического материала все чаще требует разработки единой терминологии и критериев для них.

ОБЩИЙ ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ (по ирригационным районам)

Сурхандарьинская область расположена на юге Узбекской ССР. Общая площадь ее —20 000 *км*², т. е. 4,6% территории республики. Протяженность с севера на юг — 190—200 *км*. Территория области напоминает треугольник, обращенный узкой (ширина 20—25 *км*) стороной на северо-восток; в юго-западную сторону она расширяется, достигая 120—140 *км*. С севера Сурхандарьинскую область окружает Гиссарский хребет, с запада — Байсунтау и Кугитангтау, с востока — Бабатаг, а с юга — Амударья, т. е. территория Сурхандарьи со всех сторон окружена высокими хребтами, препятствующими проникновению холодных воздушных масс с севера, запада и юго-запада. Этим определяется ее значительная прогретость летом и относительная зимой. Среднегодовая температура воздуха здесь составляет около 17—18°. «Осадки выпадают преимущественно в зимний период, лето сухое, бездождевое. В долинах, подгорной равнине и низких предгорьях в среднем за год выпадает до 200—300 *мм* осадков» (Эргашев, 1974, с. 17). Количество осадков увеличивается с юго-запада на северо-восток.

Половину территории области занимают горы. Основная равнинная депрессия, представляющая глубокую синклинальную впадину, расположена между горными хребтами Байсун и Бабатаг. В центре ее расположена протянувшаяся с севера на юг высокая песчаная возвышенность Хаудаг, разделяющая равнину на две части. Основные водные артерии области — Сурхандарья и Шерабаддарья, берущие начало высоко в горах Гиссара и Байсуна. Растительный покров Сурхандарьинской области определяется географическим положением. Предгорья и нижние пояса гор заняты травянистой и кустарниковой растительностью, верхние пояса — лесной и горно-луговой.

Благоприятные природные условия — субтропические широты, мозаичность ландшафта и относительная годовая прогретость — способствовали интенсивному освоению этой территории с древнейших времен. Равнинная часть области была очень благоприятна

для ведения поливного земледелия, а предгорная и горная для пастбищного животноводства.

Максимальное освоение всей площади области относится к кушанскому периоду, свидетельством чего является обилие памятников этого времени на данной территории. В настоящее время здесь известно около 110 (рис. 1) памятников кушанского времени или с наличием слоев этого времени (Ртвеладзе, Хакимов, 1973; Ртвеладзе, 1974; Пидаев, 1974)*.

Памятники кушанского времени Сурхандарьинской области в основном представляют остатки земледельческих поселений, сосредоточенных в долинах рек и по берегам каналов. Всего здесь можно выделить пять основных ирригационных районов (табл. 1): долина реки Шерабад; район верхнего течения Сурхандарьи; район нижнего течения Сурхандарьи; Зангский район; правобережье Амударьи.

Переходим к классификации памятников Сурхандарьинской области кушанского времени. Ранее этим вопросом в определенной степени занимались Э. А. Юркевич и Э. В. Ртвеладзе. Э А. Юркевич выделил две группы памятников: к первой он отнес города и поселения городского типа, ко второй — поселения сельского типа.

По Э. А. Юркевичу, первая группа делится на три типа: городища крупных размеров — Шахринауское (350 *га*); городища средних размеров без цитадели — Қейкобадшах (12) и Қухнакала; городища средних размеров с цитаделью — Дальверзинтепа (30), Зартепа (15 *га*). Вторая группа — на два типа: поселения с площадью не более 4 *га* — Қатта Джелаил (3,5 *га*), Мунчактепа (1), Қумтепа (0,6), Хайдарабадтепа (2,5) и др.; небольшие дома-усадьбы (Юркевич, 1965, с. 166—167).

В дальнейшем эта классификация существенно была дополнена и уточнена Э. В. Ртвеладзе (1974, с. 83—85). Он выделил четыре группы памятников: крупные городища (эта группа памятников делится на четыре типа, причем третий тип включает три варианта); поселения полугородского, полусельского типа; сельские поселения; горные поселения. В существующих классификациях кушанских памятников, предложенных Э. А. Юркевичем и Э. В. Ртвеладзе, по абсолютной величине памятников выделяли группу мелких поселений. В качестве дополнительных признаков для внутригрупповой типологии Э. В. Ртвеладзе старался использовать и данные о планировке памятников. Несколько поспешным для собственно археологической классификации является, на наш взгляд, использование обоими авторами терминов «городской» и «сельский», не являющихся археологическими категориями.

---

* Характеристику памятников, открытых в последние два года, мы не приводим; в общее число они включены. См.: Э. Ртвеладзе, Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана, в сб. «Бактрийские древности», Л., 1976, с. 93—103.

При обобщении всех известных материалов мы группировали их по абсолютным размерам. Следует отметить, что эти памятники лишь предварительно изучали Э. В. Ртвеладзе и автор данной работы. Поэтому, например, отсутствие инструментальных планов вызвало ряд затруднений при составлении типологии, кото-

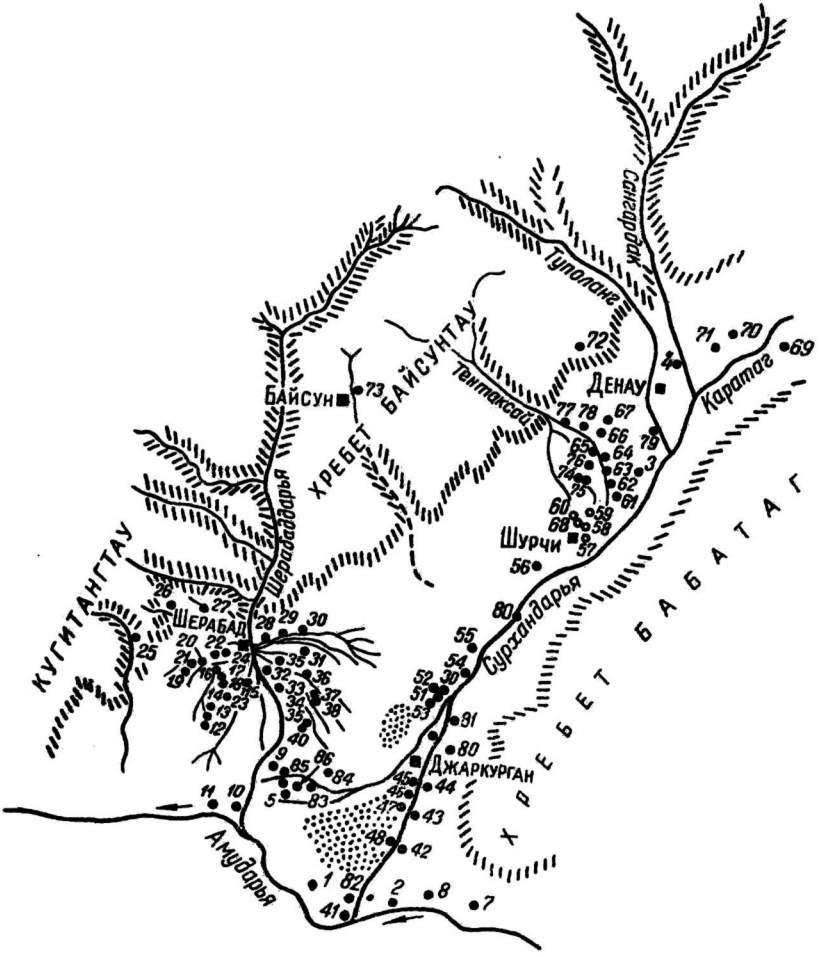

Рис. 1. Карта-схема археологических памятников Сурхандарьинской области.

рая с расширением фактической базы будет уточнена. По абсолютным размерам четко выделяется четыре типа памятников: площадью до 1 *га;* площадью от 1 до 6 *га;* площадью от 6 до 15 *га;* свыше 15 *га.* Для рассматриваемого вопроса особенно показательны памятники двух первых типов.

Ниже приводим краткую характеристику отдельных памятников

Сурхандарьинской области по ирригационным районам и типам внутри района с упором на памятники двух первых типов.

1. Памятники Шерабадского района сосредоточены вдоль каналов, выведенных из Шерабаддарьи и у небольших ее притоков. Всего здесь известно 23 памятника. Расстояние между ними небольшое, в отдельных случаях они отстоят друг от друга всего на 300—500 *м*. Это свидетельствует об интенсивном обживании района, максимальном использовании орошаемой земли и размерах площадей (земли), принадлежавших жителям того или иного поселения, что в определенной степени указывает на численность жи-

Таблица 1

Район	Тип			
	I	II	III	IV
Долина Шерабаддарьи	16	6	1	—
Верховья Сурхандарьи	15	2	2	2
Низовья Сурхандарьи	10	5	1	—
Памятники Занга	4	4	1	—
Правобережье Амударьи	3	2	1	2

телей поселения. Видимо, мелким поселениям принадлежали небольшие территории земли. Не случайно поэтому поселения более крупных размеров располагались на значительном расстоянии.

В Шерабадском районе, судя по топографии расположения памятников, существовала разветвленная система каналов, которая стала основой для интенсивного обживания этой территории в кушанский период. Большинство этих каналов действует до настоящего времени. В древности протяженность магистральных каналов достигала 20—25 *км*. Головные сооружения их, судя по топографии, находились в той части реки, где она выходила в предгорную зону, что обусловливало самотечное движение воды на поля.

В Шерабадском районе обнаружено 16 памятников первого типа: Б-14, Б-16, Б-17, Б-18, Б-19, Б-20, Б-21, Б-23, Б-24, Б-28, Б-29, Б-31, Б-32, Б-36, Б-39, Б-40*. Большинство из них оказалось в зоне орошения, в результате чего некоторые частично разрушились и потеряли первоначальную форму, другие же использованы под кладбище. Однако сохранившиеся остатки указывают на то, что в древности почти все они были правильной конфигурации — прямо-

* Описание археологических памятников Сурхандарьинской области дано по единой нумерации, опубликованной в сборниках «Древняя Бактрия», Л., 1974 и «Бактрийские древности», Л., 1976. (Б обозначает Бактрия).

угольник, квадрат. Одни поселения (Халинчактепа — Б-14; Айсарытепа) имели оборонительные стены, у других (Аккурган—Б-19; Мазарбабатепа—Б-20 и др.) эту функцию выполняли наружные стены помещений, отличавшиеся от внутренних относительной толщиной. Почти во всех поселениях этой группы, в одной из частей каждого из них, обнаружено небольшое возвышение, являющееся, видимо, остатками монументальной постройки. На 10 поселениях этого района были заложены небольшие разведочные стратиграфические шурфы, а поселение Аккурган раскопано почти полностью. Ниже приводим краткое описание произведенных стратиграфических раскопок на этих поселениях; результаты раскопок поселения Аккурган подробно изложены в третьей главе.

Мазарбабатепа (Б-20) расположен в 2 *км* севернее Аккургана. В настоящее время тепа имеет неправильную конфигурацию, вытянутую с востока на запад, и возвышается над окружающими его полями на 2,5—3 *м*. Площадь тепа — около 0,3 *га*. Почти вся территория его занята кладбищем позднего времени, вследствие чего внутренний рельеф памятника сильно изменился. В результате стратиграфического изучения, проведенного Институтом искусствознания им. Хамзы и Бактрийской экспедицией, установлена мощность культурных напластований, которая на памятнике составила 3 *м*. Слои, соответствующие I и II ярусам шурфа, сильно перемешаны погребениями. Ниже идут нетронутые культурные напластования красноватого цвета с зольными и гумусными отложениями. На площади (6 $км^2$) шурфа остатки архитектурных построек не зафиксированы. Из керамических изделий в шурфе обнаружены ножки красноглиняных кубков, бокалов и венчики чаш. Ножки кубков и бокалов — обычно высокие и сложные по профилировке. В шурфе, заложенном сотрудниками Института искусствознания на глубине 50 *см* от дневной поверхности, была обнаружена монета Васудевы II. Основываясь на керамических материалах, появление поселения на месте Мазарбабатепа можно отнести к раннекушанскому времени; обживалось оно до позднекушанского времени.

Халинчактепа (Б-14) расположен севернее Б-12. Тепа квадратной формы (50×50 *м*), в углах находятся округлые башни. В юго-западном углу расположена небольшая цитадель высотой до 6—7 *м*, остальная часть тепа возвышается на 4—5 *м*. Во внутреннем рельефе наблюдается постепенный скат к центру тепа, который, видимо, указывает на наличие здесь двора. Проведенные в центре небольшие расчистки подтверждают этот довод. Здесь были зафиксированы мощные зольные наслоения. При рекогносцировочном обследовании Э. Ртвеладзе нашел здесь монету Канишки (1974, стр. 75—76). В 1973 г. на южном склоне была обнаружена база от колонны. Памятник частично обживался в средневековье.

Хаджакия (Б-21) расположен западнее Мазарбабатепа (Б-20) и северо-западнее Аккургана (Б-19). От памятника сохранилась

небольшая часть, видимо, цитадель, общей площадью 0,02 *га* и высотой 3—4 *м*. Весной 1973 г. здесь произвели небольшую зачистку в южной части памятника, где виднелись остатки стены. Позднее у основания стены был заложен шурф размером 2×2 *м*. На глубине 20 *см* XIV яруса от репера работы в шурфе были приостановлены из-за выступления грунтовых вод. В шурфе удалось выявить четыре строительных горизонта, стены которых выложены из пахсы. Керамический материал малочислен, что затрудняло определение времени существования стен в частности и памятника в общем. Однако нижние слои памятника, бесспорно, относятся к кушанскому периоду, а два верхних — к раннему средневековью.

Чаллатепа (Б-16) расположен недалеко от Хаджакия. Сохранившаяся площадь памятника — 0,8 *га;* в плане он — прямоугольник со сторонами 110 и 80 *м*. Восточная часть памятника частично разрушена. В северо-западном углу находилась цитадель размером около 20×30 *м*. Высота памятника у цитадели около 7 *м*, в остальной части до 1—2. Восточная сторона памятника частично снесена, к западу от памятника расположены две небольшие тепа.

В 1973 г. в юго-западной части тепа был заложен шурф размером 2×2 *м*. Материковый слой обнаружен в середине VIII яруса. В шурфе выявлены остатки двух строительных горизонтов, соответствующих четырем культурным слоям. Стены нижнего строительного горизонта стоят непосредственно на материковом слое и возведены из сырцового кирпича. Керамический материал очень выразительный. Второй культурный слой отделен от первого зольной прослойкой, содержит завал кирпичей, небольшое количество керамики и костей (V ярус). Характер третьего слоя аналогичен второму. Верхний, четвертый, слой мощностью 1,2 *м* характеризуется остатками сырцовых кладок, угля и костей животных. В этом слое были найдены и фрагменты поливной керамики, что указывает на частичное обживание памятника в развитом средневековье. Толщина слоя с наличием керамики кушанского времени около 3 *м*. Здесь найдены ножки бокалов, чаш, кубков и др.

Чопаната (Б-17) расположен на территории колхоза имени В. И. Ленина. Площадь памятника — около 1 *га*. В плане поселение квадратное, со стороной около 90 *м*, ориентировано по странам света и возвышается над окружающей местностью на 2—3 *м*. В настоящее время памятник используют под кладбище. В 1973 г. в южной части тепа был заложен шурф размером 2×2 *м*. Общая глубина его — 4,70 *м*. Внизу лежит слой плотной глины (толщина 80 *см*), не содержащий органических остатков, однако в нем находили фрагменты керамики (1-й культурный слой). На глубине 3,90 *м* по всем стенкам шурфа проходит зольно-гумусная прослойка зеленоватого цвета. Выше нее — плотное сырцовое заполнение (2-ой слой). В западной стене шурфа на глубине 3,70 *м* зафиксирован слой гальки. На глубине 30 *см* VII яруса проходит тонкая из-

вестняковая прослойка, являющаяся полом. Выше нее, на уровне VII яруса, зачищен очаг. На глубине 2,60 *м* прослежены остатки стены, выложенной из сырцовых кирпичей размером 40×36×12—13 *см;* 40×40×13 *см* (3-ий слой). Выше этой стены идет слой с зольными прослойками. Верхние слои (4—5-ый) толщиной до 2 *м* сильно перемешаны из-за рытья ям для могил. Нижние слои шурфа насыщены керамическими материалами. Здесь обнаружены фрагменты красноангобированных бокалов, чаш и кувшинов, венчики сероглиняных чаш. Существенных различий между керамикой 1-, 2-, 3-его слоев не отмечено. Керамика 4- и 5-го слоев резко отличается от керамики нижележащих слоев. Здесь найдены фиалы, кубкообразные чаши с лощением по красному ангобу, фрагменты столовых тагора. Эти два слоя синхронизируются двумя верхними слоями Аккургана (Б-19).

Небольшие раскопки были произведены на поселении Коштепа (Б-29), Шерабадском районе (Пидаев, 1974, стр 40—41). Коштепа, что в переводе означает «Два холма», состоит из двух отдельных, но расположенных рядом холмов. В настоящее время один из них заасфальтирован и используется под хирман. В другом холме (45×40 *м*) мы заложили разведочный раскоп площадью 70 *м*^{2}. В результате проведенных исследований обнаружено два строительных горизонта. Верхний относится к позднекушанскому времени. Керамический материал малочислен: венчики красноангобированных кубкообразных чаш, тарелки и хум. Строительным материалом служил сырцовый кирпич прямоугольного формата (42—44×23—25×10 *см*). Стены и пол помещений тщательно оштукатурены глиняной обмазкой с примесью самана. В помещении 1 была обнаружена монета кушанского царя Кадфиза II. Сохранность ее удовлетворительная, диаметр кружка 26 *мм*, вес 13,032 *г*, на лицевой стороне изображен царь перед жертвенником, на обороте — божество с быком.

Нижний строительный горизонт раскопан на небольшой площади. Толщина стен помещений — 1,1 *м*. Стены возведены из квадратных сырцовых кирпичей размером 32×32×9 *см*, 34×34×10 *см*. В нижнем строительном горизонте керамический материал единичен. Верхний и нижний строительные горизонты отделены промежутком времени, за который помещение или даже весь дом не обживались. Подобное заключение сделано на основании исследования слоев ила между этими горизонтами.

В Шерабадском районе отмечено шесть памятников второго типа: Б-15, Б-22, Б-30, Б-35, Б-37, Б-38. К сожалению, пока только на Иккизактепа (Б-38) производили небольшие археологические раскопки. Северное тепа в плане подквадратное (около 55×50 *м*), высотой до 2 *м*. Южное — квадратное со стороной около 80 *м*, высотой 2—3 *м*. Судя по рельефу тепа имеет оборонительные стены. Заложенный на южном тепа шурф выявил толщину культурных напластований, которая на месте шурфа достигает 6 *м*. Обнаруженный в шурфе материал относится в основном к кушанскому пе-

риоду. Общие данные о других памятниках приведены в статье Э. В. Ртвеладзе (1974), и поэтому мы на них не будем останавливаться.

Наиболее крупный памятник Шерабадского района, относящийся уже к третьему типу памятников,— Жандавлаттепа, расположенный северо-восточнее Шерабада. Площадь городища — свыше 8 *га*. В плане оно многогранное, вытянутое по линии ЗВ. В настоящее время городище со всех сторон окружено заболоченной низиной, в центре которой оно и расположено. Первые поселенцы не случайно основали город в центре этой низины: отсюда хорошо были видны горизонты, и жители города своевременно узнавали о приближении врага. Городище, видимо, имело двое ворот. Одни расположены в середине восточной стены, куда постепенно понижается внутренний рельеф городища. С двух сторон ворота фланкированы башней, интересно, что в других местах городища башни отсутствуют. Вторые ворота, видимо, находились, в южной части города, в центре. Здесь в рельефе слегка вырисовываются остатки пандуса. В настоящее время большую площадь городища используют под кладбище. В северо-западном углу расположена почти квадратная в плане цитадель, возвышающаяся над уровнем окружающей местности на 19 *м*. В других частях городище возвышается на 15—16 *м*. Произведенные расчистки и подъемный материал позволяют датировать данное городище с середины I тыс. до н. э. по середину I тыс. н. э. На протяжении своего существования оно, видимо, выступало как центр Шерабадского оазиса (Пидаев, 1974, стр. 32—33). Расвет города падает на кушанский период.

В окрестностях городища Жандавлаттепа разбросаны многочисленные небольшие холмики. На четырех из них мы производили небольшие раскопки. Один из холмов оказался естественным, и никаких следов деятельности человека здесь не обнаружено. На остальных трех холмах обнаружен культурный слой, но четких следов строений не зафиксировано. На всех трех холмах вскрытая площадь оказалась небрежно забутованной глиной и сырцовым кирпичом. Вероятно, на этих холмах возводили небольшие земляные платформы для выравнивания поверхности. В жаркое время такие платформы могли использовать как основание для легких шатров.

Несколько юго-восточнее городища Жандавлаттепа находится еще один небольшой круглый холм — Пачмактепа (Б-34). Проведенные в 1972 г. автором данной работы раскопки выявили остатки здания ахеменидского времени (Пидаев, 1973, с. 77—82).

2. Памятники верхнего течения Сурхандарьи преимущественно расположены вдоль ее притоков и особенно у Тупаланга и Тентаксая. По имеющимся данным, здесь отсутствовала разветвленная ирригационная система каналов, подобная отмеченной в Шерабадском районе. По-видимому, здесь больше была распространена арычная система орошений, вполне удовлетворявшая потребности земледельцев. В настоящее время здесь известен 21 памятник ку-

шанского времени; 13 из них (Б-56, Б-57, Б-59, Б-62, Б-63, Б-64, Б-65, Б-68, Б-70, Б-71, Б-72, Б-77, Б-78) относятся к первому типу. Почти все они расположены вдоль берега Тентаксая. К сожалению, ни на одном не производили археологических раскопок. Подъемный керамический и нумизматический материал дает основание говорить об их обживании в кушанское время, однако большинство из них обживалось и в раннее средневековье (см.: Ртвеладзе, 1974).

Памятников второго типа в этом районе обнаружено всего два: Б-61, Б-66. Джартепа (Б-61) расположен на левом берегу Тентаксая. Ниже Джартепа, на левом берегу Тентаксая до впадения его в Сурхандарью, археологических памятников не обнаружено, что, видимо, объясняется нехваткой воды здесь в летнее время. В плане Джартепа — многогранник, с площадью около 1,8 *га*. В северо-восточном углу расположена почти квадратная цитадель высотой до 6 *м*. В рельефе поселения читаются отдельные возвышающиеся бугры, видимо, остатки монументальных построек. В юго-восточном углу находились ворота. Поселение было обнесено обводной стеной, которая в настоящее время имеет вид оплывших валов. Судя по остаткам, обводная стена была очень массивна. Северо-западная часть поселения частично разрушена при строительных работах. Подъемный керамический материал показал, что поселение обживалось в кушанское время и частично в раннее средневековье. При строительстве были использованы сырцовые кирпичи квадратного формата 36×36×10 *см*; 38×38×11—12 *см*.

Каратепа (Б-66) расположен на левом берегу Тентаксая, юго-восточнее Б-67. Общая, сохранившаяся площадь тепа — около 2,5 *га*. Тепа ориентирован по линии СЗ-ЮВ. В северо-западном углу расположена прямоугольная цитадель (около 40×30 *м*) высотой до 8 *м*. Судя по подъемному материалу, тепа обживался в позднекушанское время и частично в раннем и развитом средневековье.

Памятников третьего типа в Верхнесурханском районе обнаружено два: Б-67 и Б-69. Дегризтепа (Б-67) расположен на левом берегу Тентаксая. Судя по глазомерной съемке, проведенной археологом Э. Ртвеладзе, площадь городища свыше 6 *га* (Ртвеладзе, 1974, стр. 81—83). В плане городище прямоугольное со сторонами 300×220 *м* и многогранной цитаделью 35×20 *м* в середине северного фаса. Высота цитадели над окружающей местностью около 10 *м*. Городище обнесено мощной обводной стеной и укреплено по углам башнями. Судя по рельефу, городище имело трое ворот: одни расположены в северо-западной части, вторые — в юго-восточной и третьи — в юго-западной. Во внутреннем рельефе городища отмечены отдельные возвышения, являющиеся, на наш взгляд, остатками монументальных сооружений. Судя по найденной керамике, основное обживание городища падает на кушанское время, частично обживалось и в раннем средневековье.

Второй памятник третьего типа — Бешкапа на левом берегу Каратагдарьи. В плане городище прямоугольное (около 350×250 *м*) и ориентировано по странам света. Цитадель, возвышаю-

щаяся над окружающей местностью на 10—11 *м*, расположена в северо-западной части. Размеры ее — приблизительно 50×30 *м*. Городище имело двое ворот, одни из которых расположены в середине западной стены, другие — у восточной. Ворота соединены главной улицей, разделяющей городище на две части. Городище обнесено мощной оборонительной стеной и укреплено дополнительно по углам башнями. В основном оно обживалось в кушанское время, хотя отдельные фрагменты глазурованной керамики говорят о незначительном обживании его в развитом средневековье. Вокруг городища отмечены очень небольшие отдельные бугры.

К памятникам четвертого типа в Верхнесурханском районе относятся Халчаян (Б-4) и Дальверзинтепа (Б-3). Халчаян расположен на правом берегу Сангардакдарьи. Городище состоит из двух холмов общей площадью около 19 *га*. Один из них (Карабагтепа) прямоугольной формы со сторонами 350×260 *м*, второй — квадратный в плане, 300×300 *м* (см. подробно о раскопках на Халчаяне: Пугаченкова, 1966, 1971 и др.).

Дальверзинтепа расположен южнее Денау. В плане городище прямоугольное, со сторонами 1000×800 *м*. Многогранная цитадель, отделенная от города рвом, находится в юго-восточной части. Площадь цитадели — 7 *га*. Рядом с цитаделью в юго-восточной стене расположены ворота. Городище и цитадель обнесены мощной обводной стеной и рвом (см.: Альбаум, 1960, 1966; Пугаченкова, 1971*б*, 1973*а*, 1973*б*; 1974*б*; и др.).

3. Памятники нижнего течения Сурхандарьи расположены непосредственно вдоль нее. Всего здесь зафиксировано 18 памятников; из них 10 (Б-46, Б-47, Б-48, Б-50, Б-51, Б-52, Б-53, Б-54, Б-81, Б-116) относятся к памятникам первого типа, 5 (Б-45, Б-43, Б-44, Б-55, Б-110) — к памятникам второго и 1 — к памятникам третьего типа.

На памятниках первого типа археологические раскопки не производились, за исключением Амонтепа (Б-81), где в 1973 г. Бактрийская экспедиция заложила шурф. В плане поселение подквадратное, со сторонами около 100×80 *м*, ориентировано по линии СЮ, возвышается над окружающими его хлопковыми полями на 2—2,5 *м*. По центру тепа проходит широкая ложбинка, которая делит его на северную и южную части. Северная половина тепа — более возвышенная. Небольшой участок в юго-восточной части разрушен, здесь был заложен шурф размером 3×2 *м*. Мощность культурных слоев в шурфе —4,7 *м*. В шурфе зафиксировано три строительных горизонта. Стены первого возведены из сырцового квадратного кирпича размером 40×40×12 *см*. Керамика из этого горизонта незначительна: здесь были найдены хумы, фрагменты чаш. Ниже первого строительного горизонта до глубины 35 *см* VI яруса идет земля темно-коричневого цвета с очень небольшим количеством керамики. На глубине 35 *см* VI яруса проходит зольный слой толщиной 10 *см*. Ниже него до глубины 30 *см* VII яруса идет земля светло-коричневого цвета; этот слой очень насыщен керамикой: здесь

обнаружены чаши, кувшинчики красноангобированные, бокалы на высоких устойчивых ножках, одноручные кувшины, несколько фрагментов сероглиняной керамики. Керамика этого слоя очень сходна с керамикой, датируемой среднекушанским периодом, некоторые фрагменты можно отнести к раннекушанскому периоду. Ниже этого слоя (3-ий) отмечена кладка стены из сырцового квадратного кирпича размером 36×36×10 *см*, изготовленного из болотистой глины. Находки единичны. Материк обнаружен на глубине 25 *см* X яруса. Материалы нижнего слоя синхронизируются с материалами раннекушанского времени.

Археологические раскопки памятников второго типа вели только на Исмаилтепа (Б-44), на левом берегу Сурхандарьи, к юго-востоку от Джаркургана. В плане поселение прямоугольной формы со сторонами 150×100 *м*. Цитадель расположена в северо-западном углу. Поселение имеет обводную стену. Шурф, заложенный Э. Ртвеладзе, дал недостаточно материала для характеристики слоев и датировки. Однако установили, что поселение, бесспорно, обживалось в кушанский период и частично в раннем средневековье. Интересно, что во всех памятниках второго типа обнаружили, как обычно, слои раннего средневековья.

Актепа (Б-43) также расположен на левом берегу Сурхандарьи. В плане поселение прямоугольное, со сторонами около 150×110 *м*. В юго-восточной части расположена цитадель (30××25 *м*), возвышающаяся на 7—8 *м* и фланкированная башнями. Само поселение было обнесено обводной стеной и укреплено башнями. В юго-восточной части, рядом с цитаделью, расположены ворота. Судя по большому количеству подъемного материала, основной период обживания поселения относится к кушанскому периоду, но частично оно обживалось и в раннем средневековье.

Ялпактепа (Б-45) расположен на правом берегу Сурхандарьи. В плане поселение подквадратное, со сторонами около 140×130 *м*. Судя по отдельным фрагментам керамики и найденной здесь монете Канишки (Ртвеладзе, 1974, стр. 79), нижние слои памятника относятся к кушанскому периоду.

Карвантушту (Б-55) расположен на правом берегу Сурхандарьи. Размеры поселения — 120—115 *м*. В северо-западной части его находилась цитадель, фланкированная угловыми башнями.

Пятый памятник (Б-110), включенный в число второго типа, расположен на левом берегу Сурхандарьи. Часть поселения разрушена Сурхандарьей. Размеры сохранившейся части — 160×30 *м*. С разрушенной стороны в разрезе отчетливо читаются остатки стен, возведенные из сырцовых квадратных кирпичей размером 35×35×××12 *см*, 36×36×12 *см*. Здесь в большом количестве собраны ножки бокалов, кубков, чаши, пиалы, изготовленные из розовато-красной глины и ангобированные различными оттенками красного ангоба. Сероглиняная керамика также представлена довольно большим количеством. Судя по керамике, поселение обживалось в ранне- и среднекушанском периодах.

Самый крупный памятник этого района — Хаитабадтепа (Б-49) на правом берегу Сурхандарьи. В плане городище овалообразной формы. Цитадель высотой 13 *м* расположена в юго-западной части его. Общая площадь городища — около 10 *га*. Следует отметить, что ранее приведенные размеры этого памятника несколько уточнены. Так, в работах Э. Ртвеладзе общая площадь городища свыше 6 *га* (1973, стр. 23; 1974, стр. 79). Городище обнесено мощной обводной стеной, укрепленной слегка выступающими башнями и рвом. В микрорельефе читаются отдельные возвышения. В результате проведенных расчисток Бактрийской экспедицией в 1972 г. и на основании изучения подъемного материала установлен основной период обживания городища — кушанский. Частично городище обживалось в раннем и позднем средневековье. Нижние слои относятся к ахеменидскому времени. В 1974 г. здесь были начаты раскопки оборонительной стены. Появление и расцвет города, видимо, связаны с построением Зангского канала, головное сооружение которого находилось севернее Хаитабада.

4. Зангская группа памятников сосредоточена вдоль канала Занг, и возникновение их связано непосредственно с сооружением этого канала. В настоящее время здесь зафиксировано 9 памятников с наличием слоев кушанского времени. К памятникам первого типа относится четыре (Б-86 и Б-12, два памятника снесены). В первом археологические раскопки производила Бактрийская экспедиция в 1972 и 1973 гг.

Айсарытепа (Б-86) расположен в 5 *км* от шоссе Ташкент—Термез. В плане он почти квадратный, со сторонами 55×60 *м* и ориентирован не совсем правильно по странам света, с небольшим отклонением на восток. Тепа возвышается на 8—9 *м*. Крепостные стены имеют вид оплывших валов. Внутренний рельеф памятника довольно ровный. Обнаружено двое ворот: одни расположены в середине северной стороны, другие — в юго-восточной части. В юго-западном углу отмечена небольшая возвышенная площадь, где, по-видимому, располагалась цитадель. На Айсарытепа археологические раскопки были начаты в 1972 г. и продолжены в 1973 г. Самый верхний строительный горизонт памятника относится к раннему средневековью (Пидаев, 1974, стр. 38—39). В 1973 г. в северо-восточном углу памятника в помещении 2 был заложен шурф вдоль обводной стены. Выяснилось, что оборонительная стена раннего средневековья, возведенная из пахсы, стояла на руинах обводной стены кушанского времени. На глубине 7,5 *м* от репера работы в шурфе по ряду причин были остановлены. На основании изучения керамики нижние слои шурфа можно отнести к раннекушанскому времени.

Б-112 расположен в 2 *км* северо-западнее Б-86, у канала Занг. В плане тепа подквадратное, площадь — 1 *га*. В юго-западном углу расположена цитадель высотой не менее 14 *м*. Основная часть памятника возвышается на 5—6 *м*. Она частично разрушена строи-

телями. Нижние слои памятника относятся к кушанскому времени, верхние — к раннему средневековью.

В этом районе обнаружено четыре памятника второго типа: Б-6, Б-114, Б-115, Б-116. Археологические раскопки вели только на поселении Хайрабадтепа (Б-6), расположенном юго-западнее Ангора. В плане поселение прямоугольное, со сторонами 150×100 *м*. Памятник ориентирован по странам света. Почти квадратная в плане цитадель расположена в юго-восточной части поселения. Оно со всех сторон обнесено мощной оборонительной стеной, имеющей в настоящее время вид оплывших валов, местами высотой до 9 *м*. Основной период обживания — кушанский (см.: Альбаум, 1960).

Талимаран (Б-15) и Джалпактепа (Б-114) расположены на территории совхоза Талимаран. Здесь был собран только подъемный материал, позволивший предварительно датировать их кушанским временем. Четвертый памятник (Б-116) расположен в 1,5 *км* северо-восточнее Айсарытепе (Б-86). Площадь памятника — около 2 *га*. На основании изучения подъемного материала поселение можно датировать кушанским временем и частично ранним средневековьем.

Самый крупный памятник этого района, относящийся к третьему типу, — городище Зартепа, расположенное в 26 *км* северо-западнее Термеза. В плане городище квадратное. Общая площадь его 16,9 *га*. Цитадель размером 120×120 *м* расположена в северо-восточном углу и отделена от города широким рвом. Городище со всех сторон окружено мощной обводной стеной, укрепленной выступающими овалообразными башнями и глубоким рвом. Городище имело четверо ворот. В микрорельефе довольно четко читаются улицы, отдельные монументальные постройки в виде всхолмлений. В результате проведенного Л. И. Альбаумом и сотрудниками Бактрийской экспедиции предварительного изучения установлено, что нижний слой городища относится к раннекушанскому времени (Альбаум, 1960; Щетенко, 1974; Сабиров и Пилипко, 1974; В. Массон, 1974).

5. Памятники правобережья Амударьи. В настоящее время известно восемь памятников кушанского времени. Памятников первого типа обнаружено три (Б-82, Б-117 и третий памятник Б-104, расположенный около станции Термез, снесен). Археологическому изучению подвергнут Мирзакултепа (Б-82). Результаты раскопок подробно приведены в главе III. Б-117 расположен в пос. Мангузар. Основная площадь памятника возвышается над уровнем окружающих его хлопковых полей на 2—3 *м*. В его юго-западном углу обнаружена небольшая возвышенность. На основании изучения подъемного материала памятник датируют кушанским временем и частично ранним средневековьем.

К памятникам второго типа относится Шураб-курган (Б-10) на правом берегу Амударьи, неподалеку от впадения в нее Карасу. Памятник состоит из нескольких разновременных частей. Площадь

кушанского поселения — более 2 *га*. К этому же типу относится Камиртепа (Б-11), расположенный неподалеку от Б-10. Часть памятника смыта водой. Сохранившаяся площадь — около 4 *га*. В плане городище прямоугольное, со сторонами около 220×190 *м*, толщина культурного слоя местами достигала более 10 *м*. Городище было окружено рвом и, очевидно, оборонительной стеной. Квадратная цитадель (80 *м*) расположена в южной части. На основании изучения подъемного материала, основной период обживания падает на среднекушанский период. К третьему типу памятников относятся Айртам (Б-2) (см. подробно: Тургунов, 1974) и Хатын-Рабад (Б-7). К памятникам четвертого типа относится Старый Термез (Б-1).

Как видно из приведенных описаний памятников, для всех районов характерно наличие трех первых типов, что показывает определенную систему иерархии поселений. Подобная иерархическая система памятников, видимо, в какой-то степени характеризует реальную структуру древнего общества. В данном случае памятники первого и второго типа можно условно отнести к числу поселений, памятники третьего и четвертого типа — к числу городов. В результате анализа планировочной структуры в тех случаях, когда это было возможно, выяснено, что среди поселений первого порядка, как и среди поселений второго порядка, преобладают (около 40) поселения правильной конфигурации в виде квадрата или прямоугольника с цитаделью или небольшим возвышением в одном из углов. Бесспорно, по мере накопления новых данных относительно планировки, структуры и состава находок предложенная выше типология памятников Сурхандарьинской области кушанского времени будет существенно уточнена.

Наиболее широко распространены во всех районах поселения первого и второго порядка (67). Их массивность и небольшие размеры позволили предположить, что именно они принадлежат к числу сельских поселков, в которых проживало основное земледельческое население Северной Бактрии. Для проверки этого заключения на двух поселениях первого порядка (Аккурган в Шерабадском ирригационном районе и Мирзакултепа в правобережном Амударьинском ирригационном районе) были проведены широкие раскопки.

РАСКОПКИ МЕЛКИХ ПОСЕЛЕНИЙ

Раскопки поселения Мирзакултепа и характеристика находок

Поселение Мирзакултепа расположено северо-восточнее г. Термеза. В плане тепа почти квадратный и ориентирован по странам света с небольшим отклонением на запад. Над окружающей местностью он возвышается на 3 *м*. Площадь поселения — чуть больше 1 *га*. Рельеф поселения сильно пострадал от дефляции и проведенных строителями земляных работ (рис. 2).

Археологические раскопки на территории этого памятника были начаты в 1973 г. и продолжены в 1974 г. Здесь заложено два раскопа (рис. 3). Общая площадь их — около 1 000 $м^2$.

В процессе раскопок выяснилось, что верхний строительный горизонт памятника значительно пострадал от дефляции. До глубины 30—50 *см* от дневной поверхности по всей площади раскопа идет рыхлая песчаная земля с небольшим количеством невыразительной керамики. Ниже этой отметки появляются остатки стен. Высота наиболее сохранившихся стен — 1,20 *м*, средняя 50—60 *см*. Стены сложены из сырцового квадратного кирпича размером 30×30×10 *см*; 33×33×12 *см* и в редких случаях из пахсы (рис. 4). Кирпичи изготовлены из песчаной глины, в растворе также много песка. Иногда кирпичи лежат непосредственно на песчаном растворе. В древности все помещения имели хорошую глиняную штукатурку.

Общая вскрытая площадь Р-1 раскопа —600 $м^2$. Здесь полностью вскрыто 16 помещений и частично 4. Помещение 1 расположено в северо-восточной части раскопа. Оно небольшое по площади и прямоугольное в плане. Прохода в нем нет. Восточная стена сохранилась на небольшую высоту. Местами на стенах видны остатки глиняной штукатурки. В помещении найдено несколько фрагментов кубков, бокалов, чиракдон с круглым резервуаром и миниатюрный горшочек, покрытый черным ангобом.

Помещения *2—4* и *14—15* связаны между собой проходами, что, по-видимому, указывает на их вхождение в состав одного дома. Между помещениями *3* и *4* расположен длинный коридор. Полы в помещениях лежат почти на одной плоскости. В помещении *14* частично сохранилась глиняная обмазка пола, а в помещении *3* пол

выложен жженым кирпичом. В помещении *15,* в толще северной стены, обнаружено два целых хума, установленных здесь еще во время возведения стены. Часть хумов выступает за стену, в помещение. В помещениях много фрагментов столовой керамики. Это в основном цилиндроконические кубки и бокалы.

Помещение *5*— прямоугольное, расположено в юго-восточной части раскопа. На стенах сохранилась хорошая глиняная обмазка. В северо-восточном углу находились два вкопанных на одну треть вплотную к северной стене хума бочкообразной формы. Здесь найдены ножки кубков и бокалов.

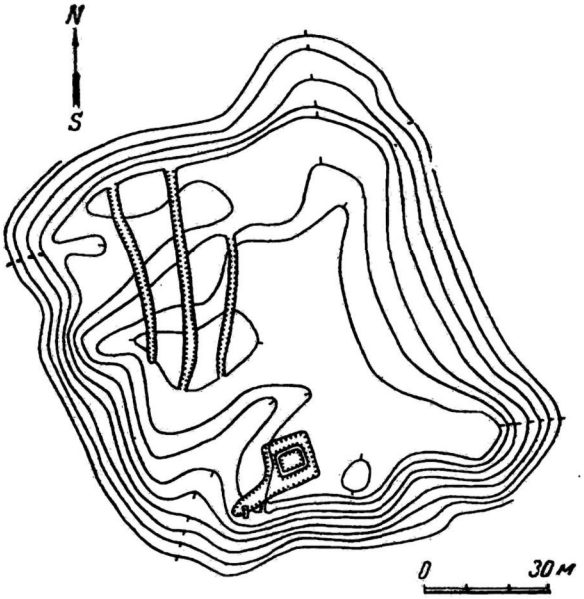

Рис. 2. Мирзакултепа. План.

К югу от помещения *5* расположено помещение *5*[а]. Оно также квадратное в плане. Проход шириной 1,75 *м* расположен в юго-восточном углу помещения. Стены оштукатурены глиняной обмазкой, а на южной стене сохранилась тонкая ганчевая штукатурка. В помещении обнаружено два хума: один находится напротив прохода, второй — в северо-западной части помещения. Рядом со вторым хумом найдены две терракотовые поделки, по профилировке напоминающие базы колонны (табл. VIII). Основание одной из них квадратного очертания, второй — круглого. Аналогичные поделки часто встречаются при археологических раскопках. Они известны в Ай-Ханум (Bernard, 1970, p. 337—339, рис. 26), Емшитепе (Кругликова, Сарианиди, 1971, с. 163—164), Калаи-Мире (Дьяконов, 1953, с. 284, рис.19), Термезе (Пугаченкова, 1945, с. 78). Большин-

ство исследователей считают такие поделки алтариками. В помещении найдены также ножки бокалов и кубков, фрагменты чаш, одна целая сероглиняная чаша и одна монета, чеканенная по типу тетрадрахм Гелиокла, с Зевсом на реверсе. В западной стене обнаружен проход, соединяющий помещение *5* с помещением *6*[а]. Ширина прохода — 75 *см*. В нижней части края прохода выложены из вертикально стоящих жженых кирпичей. Размеры кирпичей — 32×32×5 *см*. Из находок в помещении *6*[а] заслуживает внимания терракотовая статуэтка всадника.

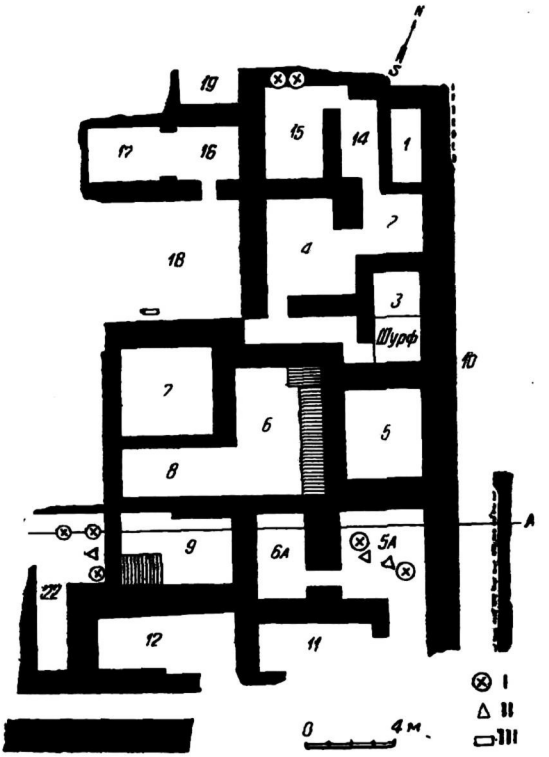

Рис. 3. Мирзакултепа. План раскопа 1.
I — хум; *II* — «алтарик», *III* — терракота.

Помещения *6* и *8* составляли одно Г-образное помещение. Стены их тщательно оштукатурены глиняной обмазкой. Толщина восточной стены —1 *м*. К ней примыкает пристройка толщиной 1,05 *м*. Между пристройкой и стеной сохранились следы ганчевой штукатурки толщиной до 2 *мм*. Видимо, пристройка — остаток суфы.

Помещение *7* квадратное в плане. Размеры его —4,30×4,40 *м*. На восточных и южных стенах сохранились остатки глиняной об-

мазки. В отличие от других стен помещения толщина южной стены всего 60 *см*. На высоте 30—40 *см* от пола на северной стене зафиксирована выкладка в виде полосы из битой керамики толщиной 5 *см*. Эта выкладка, видимо, сделана одновременно с возведением стены, так как следы произведенных каких-либо строительно-ремонтных работ не установлены. Данное помещение изолировано от других.

Помещения *9—13* вскрыты частично. В помещении *13* в северо-восточном углу найден вкопанный на *1/3* хум. Здесь же обнаружен один целый бокал, много ножек от кубков и бокалов, стенки сероглиняных чаш, одноручные кувшины.

Помещения *16* и *17* разделены между собой небольшой перегородкой, которую позднее заложили. Стены тщательно оштукатурены глиняной обмазкой.

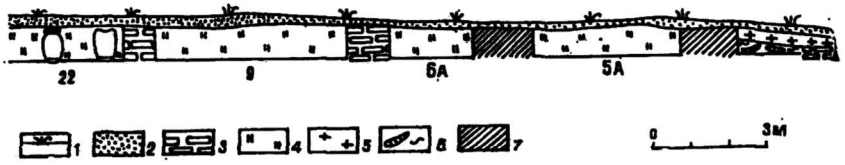

Рис. 4. Мирзакултепа. Стратиграфический разрез раскопа 1.

1 — дерновый слой; *2* — песок; *3* — кирпичная кладка; *4* — культурный слой; *5* — земляно-зольный слой с керамикой, угольками и костями; *6* — зола и угли; *7* — пахсовая стена.

Самым большим (36 $м^2$) из раскопанных помещений оказалось помещение *18*. Западная стена его еще не обнаружена. Проход расположен в северо-восточном углу северной стены. Позднее проход заложили и изолировали это помещение от других. Помещение *19* вскрыто частично. Стены его покрыты тонкой ганчевой штукатуркой. В помещении *18* на полу найдена очень интересная терракотовая статуэтка и монета, отчеканенная по типу тетрадрахм Гелиокла.

Помещение *22* в плане имеет Г-образное очертание. Южная, восточная и западная стены его покрыты очень хорошей гладкой глиняной штукатуркой, штукатурка северной стены помещения сохранилась частично. В помещении найдено три частично вкопанных в землю хума, ножки бокалов и кубков. Сероглиняная керамика представлена венчиками чаш и горшка. В помещении также обнаружена одна терракотовая поделка, аналогичная найденной в помещении $5^а$. Среди других находок заслуживает внимания терракотовая статуэтка женщины.

К югу от помещений *12* и *22* проходит коридор шириной 1,25 *м*, вскрытый частично. Несмотря на это, можно утверждать, что он соединялся с восточным, который проходил вдоль восточных стен помещения *1—5*^{а}. Стена между коридорами и помещением довольно массивная, толщиной 1,40 *м*, сложенная из сырцовых квадратных кирпичей.

На раскопанном участке длина коридора достигает 25 *м*. Ширина коридора пока не установлена. Однако в южной части его параллельно восточной стене помещения 5[а] зачищены остатки очень плохо сохранившейся стены. В заполнении коридора отмечены отдельные зольные скопления. Коридор дал богатый (около 300 фрагментов) разнообразный керамический материал, в котором доминируют ножки бокалов и кубков. Очень много фрагментов одноручных кувшинов, а также сероглиняных чаш, кувшинов и небольших хумча. Найдена одна серебряная бляха, костяная пуговица, сердоликовое кольцо и бусина; единственным экземпляром представлены терракотовая статуэтка всадника и монета группы «Сотер Мегас», обнаруженные в культурном слое. Остеологический материал в коридоре также представлен в большом количестве. По предварительному определению, большинство костей принадлежит крупному рогатому скоту.

В 1974 г. для выяснения наличия оборонительной стены заложили раскоп № 2 в юго-восточной части тепа, где зафиксирована наиболее высокая отметка и, судя по рельефу, должна была находиться оборонительная стена, так как вдоль южного края тепа проходит валообразная возвышенность. Общая площадь этого раскопа — более 300 $м^2$. На этой площади вскрыли остатки восьми помещений. В четырех (*1—4*) из них грунт был довольно рыхлый, что, видимо, объясняется сильной дефляцией площади. Толщина культурных слоев здесь не превышает 40 *см*, а стены местами сохранились всего на высоту 10—15 *см*.

Помещения *1—3* сохранились частично, поэтому существенных находок там не обнаружено. Помещение *4* расположено к югу от помещения *2*. Первоначально в плане оно представляло правильный прямоугольник. Проход располагался в южной стене, ширина его —1 *м*. Стены гладко оштукатурены глиняной обмазкой с саманом, пол также оштукатурен. В последний период обживания проход заложили сырцовыми кирпичами размером 33×33×14 *см*, в результате чего помещение стало изолированным. Одновременно к юго-восточному углу его пристроили стену размером 1,10×1,36 *м*. Пристройка воздвигнута из кирпича такого же размера, каким был заложен проход. К западу от пристройки, на одной линии с ней, напротив прохода, появилась небольшая площадка, выложенная из сырцовых кирпичей высотой в один кирпич. В результате общая длина пристройки стала 2,50 *м*. В юго-западный угол помещения на кирпичном постаменте поставили большой хум. В это же время к северо-западной стене пристроили суфу размером 2×0,8 *м* и высотой 43 *см*. Суфа была воздвигнута из сырцовых кирпичей размером 33×33×12; 34×34×12 *см*. В помещении найдено несколько фрагментов ножек от бокалов и кубков.

Помещение *5* расположено к востоку от помещения *4* и является самым крайним на раскопе. В плане помещение прямоугольное со сторонами 3,80×3,35 *м*. Проход располагался в юго-западной части помещения. Стена и пол его тщательно оштукатурены гли-

няной обмазкой. Местами стены дополнительно побелены. В помещении обнаружены остатки 26 хумов, которые в древности были закрыты плоскими крышками и в помещении представлены в большом количестве. В некоторых хумах найдены остатки муки. Среди находок заслуживают внимания цилиндроконический кубок и сероглиняная чаша. Толщина восточной и южной наружной стены пока не установлена.

Помещение *6* расположено к югу от помещения *4* и к западу от помещения *5*. С указанными помещениями оно было связано проходом. В плане оно квадратное. Стены сохранились на высоту 1,20 *м*. Они гладко оштукатурены глиняной промазкой. Уровень пола читается очень отчетливо. В помещении найдено 19 хумов (из них 9 целых), закрытых плоскими крышками. Хумы стояли рядом, пространство между ними было заполнено землей. В двух хумах отмечены остатки муки, в одном были найдены кубок и монета группы «Сотер Мегас». Интересно, что свободное от хумов пространство в помещении *9* и *6* сплошь забутовано пахсой и кирпичиками. Следует отметить, что юго-восточный угол памятника вообще был забутован. В забутовке найдена статуэтка всадника.

К западу от помещения *6* расположен коридор длиной 7,30 *м* и шириной 90 *см*. Толщина стены между коридором и помещениями *6* и *7* довольно массивная. Толщина наружной (предполагаемой обводной) стены 2,30 *м*. Она воздвигнута из пахсы. Однако говорить о наличии угловой башни на памятнике пока преждевременно. В то же время планировка помещений *5* и *6* указывает на ее наличие, так как южные стены этих помещений расположены на одной линии с наружными краями предполагаемой обводной стены. Следовательно, наружный край этих помещений должен быть расположен несколько южнее, т. е. выступать от обводной стены. Мы сделали разрез обводной стены. Как выяснилось, верхняя обводная стена стоит на обводной стене нижнего строительного горизонта. От этой стены сохранилось пять рядов кирпичей. Кирпичи сырцовые, квадратные, 34—36×34—36×10—12 *см*. Здесь была найдена очень интересная терракотовая статуэтка богини.

Для выяснения стратиграфии поселения в помещении *3* Р-1 заложили шурф размером 2×2 *м*, позволивший выявить в истории обживания памятника два культурных слоя мощностью около 3 *м*, соответствующие двум строительным горизонтам (рис. 5). Первый строительный горизонт представлен культурными наслоениями толщиной 1,20 *м*. На глубину 40—45 *см* от древней поверхности идет рыхлый натечный песчаный слой с небольшим количеством невыразительной керамики. За ним следует рыхлый песчаный слой. В южной и западной стенах шурфа обнаружены остатки стены из сырцового квадратного кирпича размером 30×30×10 *см*. Керамический материал не очень богат, однако многие фрагменты дают представление о формах керамики; это ножки кубков, бокалов и донца чаш. Уровень пола отмечен на глубине 30 *см* III яруса. На площади шурфа он выложен из жженых кирпичей размером 70×

×32×4 *см* и 30×30×3 *см*. Ниже пола идет мусорно-завальный слой толщиной 50—60 *см*, насыщенный фрагментами керамики, костями и гумусными отложениями. Как оказалось, стены верхнего строительного горизонта стоят непосредственно на этом слое. Различий между керамикой верхнего строительного горизонта и мусорно-завального слоя нет.

Второй строительный горизонт начинается сразу же за мусорно-завальным слоем. На западной стенке шурфа, на одной линии со стеной верхнего строительного горизонта, под мусорным слоем, обнаружена пахсовая стена высотой 1,10 *см*. Остальные три стенки шурфа сложены рыхлой песчаной землей. Материк обнаружен на глубине 2,80 *м*. Существенных различий между керамикой нижнего и верхнего строительных горизонтов не обнаружено. Следует, однако, отметить, что в слое нижнего строительного горизонта наряду с красноглиняной керамикой часто встречаются фрагменты сероглиняной керамики (11 экз.), которых было несколько меньше (6 экз.) в верхнем строительном горизонте. Это венчики сероглиняных чаш с расширяющимися к верху стенками.

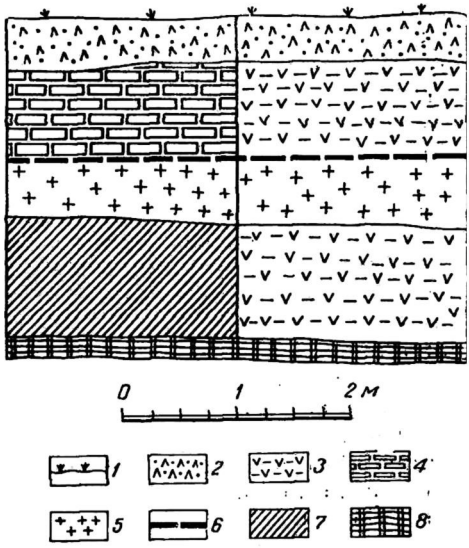

Рис. 5. Мирзакултепа. Стратиграфический разрез западной стенки шурфа.

1 — дерновый слой; *2* — лесс с песком; *3* — земля средней плотности с керамикой и угольками; *4* — кирпичная кладка; *5* — земляно-зольный слой с керамикой и угольками; *6* — жженый кирпич; *7* — пахса; *8* — материк.

Небольшие расчистки произвели на «некрополе», названном так условно, поскольку от самого некрополя почти ничего не осталось. Он располагался на 200—350 *м* северо-восточнее поселения. Здесь на небольшой площади сохранились остатки 9 костяков. В нескольких случаях прослежены контуры могильных ям и кости погребенных.

Погребение 1. Длина ямы —1,50 *см*, ширина —48 *см*. Костяк лежит в скорченном вытянутом положении, головой на север, лицом на восток. Череп сохранился плохо. Судя по небольшому размеру могильной ямы и самого костяка, можно предположить, что здесь был погребен ребенок.

Погребение *2* расположено к востоку от погребения *1*, на одной линии с ним. Расстояние между погребениями — около 1 *м*. Размеры могильной ямы установить не удалось. От костяка сохранились только ноги.

Погребение *3* расположено в 5 *м* южнее погребения *1*. Размеры могильной ямы не установлены. Костяк лежит в скорченном вытянутом положении, головой на север. От погребения *4* и *5* сохранились только отдельные части и кости. Могильные ямы ориентированы строго на север.

Погребение *6* сохранилось лучше. Длина могильной ямы — 1,80 *м*, ширина—60 *см*. Костяк лежит в вытянутом положении. Череп не сохранился, могильная яма ориентирована строго на север.

Погребение *7* расположено на 4,5 *м* восточнее погребения *6*, на одной линии с ним. Ориентировка строго на север. Длина ямы— 1,90 *м*, ширина — 60 *см*. Костяк лежит в скорченном положении, головой на север, лицом на восток. Погребения *8* и *9* сохранились частично. Рядом с костяками ничего не обнаружено. Однако это не говорит об отсутствии погребального инвентаря. Здесь на большой территории встречаются фрагменты красноглиняных бокалов и кубков, красноглиняных и сероглиняных чаш. Во время нивелирования местности все это разбили и разбросали.

Мирзакултепа дал довольно богатый и своеобразный археологический материал. Особенно в большом количестве здесь представлена керамика, отличающаяся большим ассортиментом, изяществом форм и высоким качеством изготовления. Резкой дифференциации между станковой и кухонной посудой не наблюдается. Вся она была продукцией высококлассного мастера-керамиста. Всего при раскопках на Мирзакултепа было найдено 874 фрагмента венчика и донца (целые сосуды также принимаются за условную единицу). Керамические находки, как и другие материалы, фиксировали по помещениям. Основную массу (около 80%) мирзакултепинской керамики составляет станковая керамика. По фактурно-технологическим признакам она делится на две группы. Первую и основную группу составляет станковая керамика с красновато-розовым тестом (около 75%). Тесто тонко отмучено и хорошо обожжено. Почти вся керамика этой группы покрыта красным ангобом различного оттенка, реже коричневым, и лишена каких-либо орнаментаций (за исключением столовых тагора). Однако она очень нарядна, что достигалось умелой передачей мастером-керамистом функций орнамента, профилировкой стен. В эту же группу входит керамика с желтоватым тестом (представлена единственным экземпляром).

Формы керамики первой группы довольно разнообразны: цилиндроконические кубки, бокалы, чаши, тарелки, фиалы, кувшины, столовые тагора и различные миниатюрные сосуды. Рассмотрим отдельные керамические группы более подробно.

Цилиндроконические кубки (табл. I, *1—21*) на Мирзакултепа доминируют над другими формами. Их обнаружено 213 экземпляров, т. е. около 25% всей посуды. Кубки посажены на небольшой, довольно устойчивый поддон с конусообразным выемом внутри. Как правило, кубки покрыты ангобом с наружной и внутренней

стороны. Однако наружная сторона кубков не всегда покрывалась ангобом полностью. Обычно покрывали цилиндрическую и коническую части тулова, а ножка сохраняла цвет черепка. Как показывает анализ всего материала Мирзакултепа, в изготовлении цилиндроконических кубков мастера-керамисты добились определенной стандартизации форм. Обычно кубки бывают таких размеров: высота поддона 1,2—2,2 *см;* высота конической части 8,7—10 *см;* высота цилиндрической части 4—5 *см*; диаметр поддона 4—5 *см*: диаметр кубка у перегиба 15—16 *см* и диаметр венчика 14—15 *см*. Единственным экземпляром представлен кубок на небольшой ножке. С двух сторон он покрыт красным ангобом, но с наружной стороны только до ножки. Ножка плоская. Вопрос об обилии кубков на Мирзакултепа пока не выяснен. Мы надеемся, что дальнейшие раскопки Мирзакултепа и других памятников Северной Бактрии позволят разрешить этот вопрос, помогут узнать, случайно ли они в таком множестве оказались здесь или назначение их в повседневной жизни человека было различным.

По количеству находок второе место после кубков занимают бокалы. Их на раскопе обнаружено 103 экземпляра (около 12%). Они очень тонкостенные, изящные и стройные, с внутренней и наружной стороны покрыты различными оттенками красного ангоба. Бокалы условно разделены на три типа, отличающихся профилировкой резервуара: рюмкообразной (табл. I, *22—27* и др.), колоколовидной и «гиперболоидной» формы. У первого типа отмечен ряд вариантов, на которых в данной работе ввиду ограниченного объема мы не останавливаемся. Обычно рюмкообразные бокалы имеют невысокую ножку на небольшом устойчивом поддоне, который с внутренней стороны, как правило, бывает полый. Сами ножки не очень сложные по профилировке. Резервуар бокалов этого типа вытянут и плавно расширяется кверху. В нижней части резервуар, как обычно, слегка вогнут внутрь. Бокалы второго и третьего типов представлены единично. Для них характерны относительно большие устойчивые поддоны (табл. I, *28*, табл. II, *5*).

Чаш (табл. II, *27—36*; табл. III, *1—12*) на Мирзакултепа обнаружен 101 экземпляр (около 12%). У них плоский невысокий поддон, стенки плавно расширяются кверху и заканчиваются слегка загнутым вовнутрь венчиком. Внутренняя сторона чаш, как правило, покрыта ангобом. Нередко встречаются и чаши со штампованным орнаментом, в основном стилизованным изображением дерева, заключенного в овальный контур, и трехлучевыми вихревыми знаками. Обычно штампованным орнаментом украшали зеркала чаш. Украшения ритмически чередуются поясками по горизонтали сосуда, подчеркивая конструктивные части.

Тарелки на раскопе представлены двумя типами, но единичными экземплярами. Первый тип — плоский поддон, стенки плавно расширяются кверху и заканчиваются крючкообразным венчиком (рис. 6, *1*). Второй тип — плоский поддон, стенки плавно поднимаются вверх и заканчиваются отлогим бортом (табл. II, *15*).

Фиала. Под этим условным названием объединены сосуды, не превышающие в диаметре 15 *см* при толщине 0,6 *см*. На раскопе она представлена одним экземпляром. Поддон плоский, стенки плавно расширяются кверху, образуя конический резервуар (табл. II, *14*).

Кувшины на раскопе представлены в довольно большом количестве (117 экз., 11%). Почти все они одноручные (табл. III, *13—14*). Тулово шаровидное. Встречаются кувшины и широко- и узкогорлые. Венчики у всех отогнуты наружу и имеют различную в сечении профилировку, однако преобладают кувшины с треугольной

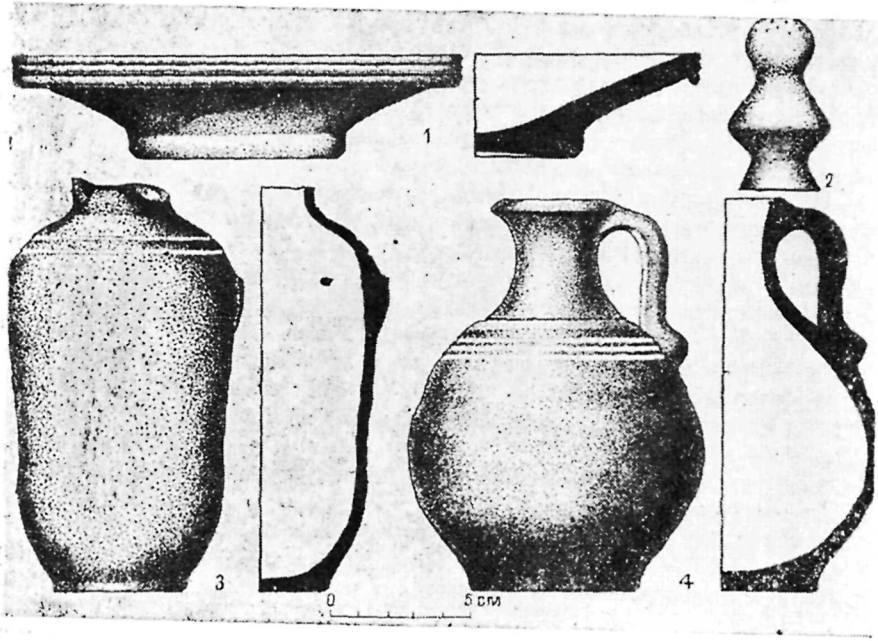

Рис. 6. Мирзакултепа. Керамика.

профилировкой в сечении. На Мирзакултепа найден очень интересный фрагмент стенки кувшина. Сам фрагмент ангобирован. На фрагменте — штампованный орнамент в комбинированном виде: стилизованное изображение дерева, свастики и стрелы (рис. 7).

Столовые тагора представлены 30 фрагментами (3,3%). У них сложная профилировка стен, раскрытых в сторону и образующих отлогий борт (табл. *V*). Резервуар довольно глубокий. Тагора редко покрывали ангобом, однако заменяли его различного рода процарапанными орнаментами, которыми насыщены зеркала — лицевая часть этих сосудов.

Кроме описанных керамических форм, на Мирзакултепа найдено много (около 10%) разнообразных миниатюрных сосудов, ус-

ловно называемых «косметическими», среди них горшочки, кувшинчики, чашечки (табл. II, *22—25*; рис. 8 и др.).

Ко второй группе относится сероглиняная керамика, представленная довольно большим (около 5%) количеством. Все они покрыты ангобом цвета теста. Ассортимент сероглиняной керамики небольшой: это в основном чаши, тарелки, горшки и кувшины.

Чаши. Сероглиняные чаши Мирзакултепа представлены 25 экземплярами (3,4%). У чаш плоское донце, стенки слегка расширяются в сторону, делают перегиб и плавно расширяются кверху, образуя конический резервуар (табл. IV, *1—15*). Внутреннюю часть обычно украшали полосчатым лощением по горизонтали. У тарелок

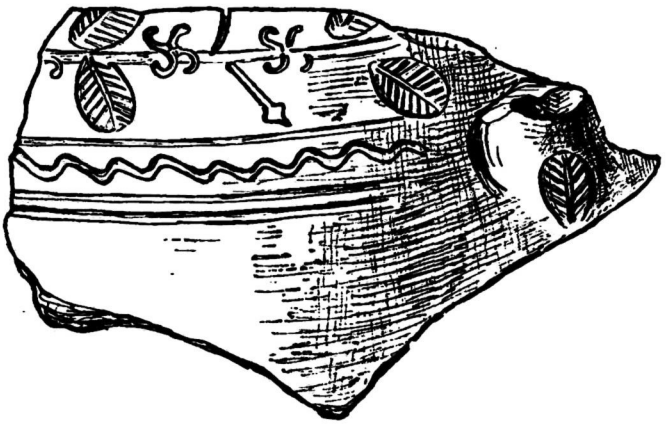

Рис. 7. Мирзакултепа. Фрагмент кувшина со штампованным орнаментом.

(9 экз., 1%) плоское донце со слегка заметным конусообразным выемом, стенки плавно поднимаются вверх, делают перегиб, образуя отлогий борт (табл. IV, *16—20*). Здесь следует остановиться на одной интересной детали, являющейся специфической особенностью сероглиняных чаш: они не повторяют формы красноглиняных чаш. Форма красноглиняных чаш обычно полусферическая, а сероглиняных, как правило, коническая.

На стенках некоторых чаш обнаружены сквозные отверстия диаметром 3—4 *мм*. По-видимому, они служили для скрепления разбитой части посуды. Обычно эти отверстия располагали один против другого.

Горшки — шаровидной формы с венчиком, вогнутым внутрь (табл. IV, *22—23*). Кувшины также шаровидной формы; они широкогорлые, с двумя ручками.

Одним экземпляром представлена сероглиняная «солонка». К сожалению, она найдена не на раскопе, а в западной части тепа во время строительных работ. У солонки широкая горловина и цилиндрическое тулово (рис. 9). Головку и тулово «солонки» изгото-

вили по отдельности и потом соединили, место соединения тщательно сгладили. На головке «солонки» просверлено 34 отверстия диаметром в 2 *мм* каждое. На тулове обнаружено отверстие диаметром 1,3 *см*. На Мирзакултепа найдена одна сероглиняная хумча, от которой сохранилась только донная часть.

Кухонная посуда Мирзакултепа менее разнообразна. Здесь найдены хумы, хумча, крышки, котлы, тагора, дастарханы и светиль-

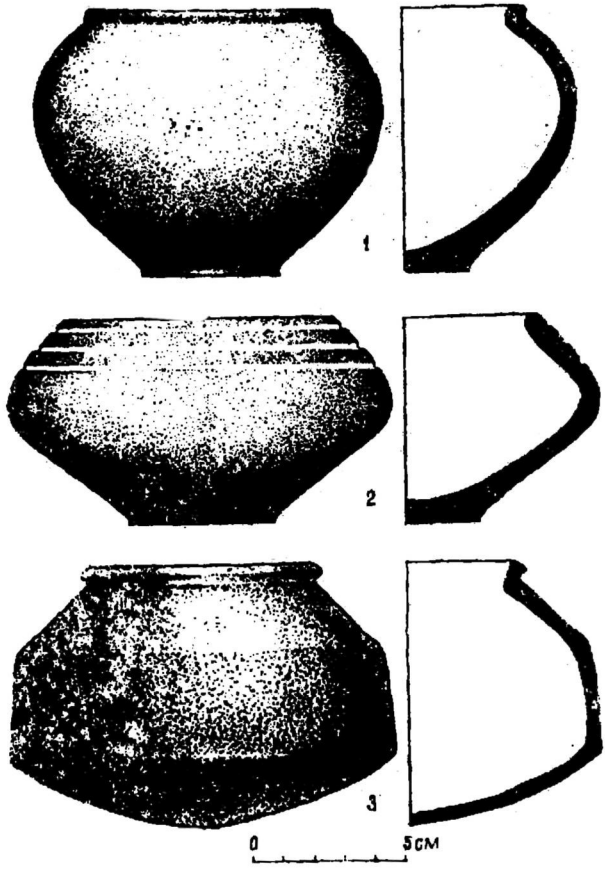

Рис. 8. Мирзакултепа. Керамическая посуда.

ники. По своему качеству они не уступают станковой посуде, что, видимо, объясняется большим вниманием, которое уделяли мастера-керамисты изготовлению кухонной посуды. Тесто тонко отмучено и ровно обожжено. Кухонную посуду редко покрывали ангобом, однако часто украшали различным процарапанным орнаментом.

Доминирующее положение (около 10%) среди кухонной посуды занимают хумы, которые по форме тулова с варьирующей профилировкой венчика разделены на два типа (табл. VII). Первый тип бочкообразной формы, донце плоское или округлое. При раскопках этот тип встречается в довольно большом количестве. У второго типа хумов тулово цилиндрообразное с округлым донцем. Хумы на ножке представлены на раскопе всего двумя фрагментами (табл. VI, *19*).

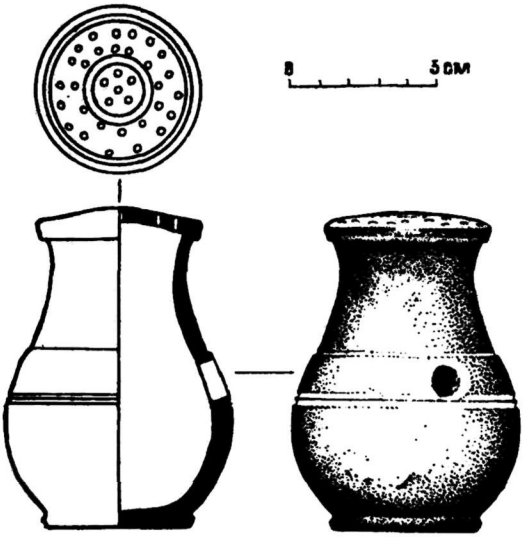

Рис. 9. Мирзакултепа. Керамическая солонка.

Хумча представлены в небольшом количестве (табл. VI, *6*). Они повторяют форму хумов, но меньших размеров и на ножке. Видимо, хумчу часто украшали различными украшениями, в частности волнистой процарапанной линией, треугольником, насечками, а иногда штампованным орнаментом. Так, на Мирзакултепа найдено два фрагмента стенок хумчи, где по горловине проходит штампованный орнамент в комбинированном виде. На первом фрагменте даны стилизованные изображения деревьев, стрел и трехлучевых вихревых знаков (рис. 10), на втором изображен квадрат, в который вписаны две параллельные линии крест-накрест. Иногда хумчу частично покрывали ангобом.

Крышки на Мирзакултепа найдены в большом количестве (57 экз., 6,3%). Здесь отмечены крышки для небольших сосудов и хумов (табл. VI, *16—18*). Основная форма их плоская, с выступающей налепной ручкой в центре. Крышки обычно орнаментированы либо вмятинами пальцев, либо процарапанными концентрическими, волнистыми линиями, либо парами крестообразно пересекающихся линий. Часто встречаются плоские крышки, отличающиеся формой ручки (табл. VI, *18*).

Котлы на Мирзакултепа представлены небольшим количеством. Отмечены котлы, изготовленные из жаростойкой глины и обычной красноглиняной (табл. VI, *2—5*). У всех у них шаровидное тулово, с разным сечением венчика и горловиной.

Тагора в отличие от столовой тагоры большего объема, грубее, профилировка ее проще. Донце плоское, стенки плавно поднимаются вверх, образуя конический резервуар. Венчики в сечении тре-

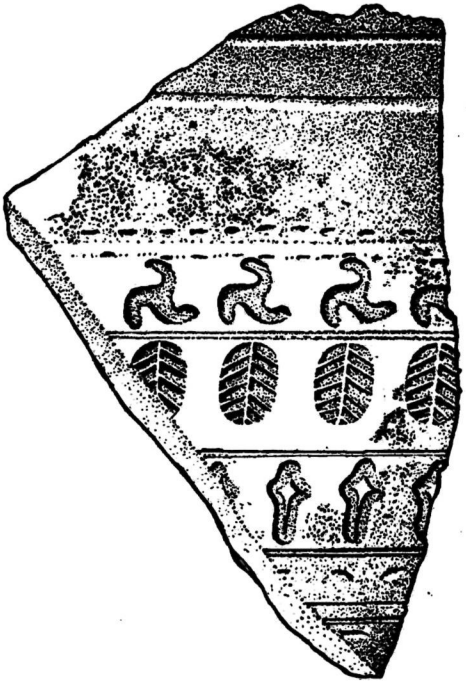

Рис. 10. Мирзакултепа. Фрагмент хумчи со штампованным орнаментом.

угольной или клювовидной формы. Их не покрывали ангобом и не орнаментировали. Всего на раскопе обнаружено 17 фрагментов тагора (1,7%) (табл. VI, *11, 15*).

Дастарханы Мирзакултепа представляют плоскую круглую плиту, оконтуренную стенкой. Найдены также плоские дастарханы, без стенки, но на ножках. Из остальных форм кухонной посуды заслуживают внимания жаровни с плоским днищем и невысокими бортиками. В центре днища имеется отверстие (табл. VI, *7—8*).

Наибольший интерес среди находок вызывают терракотовые статуэтки,— один из основных видов изобразительного искусства античного мира, в том числе и Бактрии. Здесь наряду с примитивными «всадниками-идольчиками», лепленными от руки, найдены

статуэтки, изготовленные мастерами-коропластами, отличающиеся грациозностью и своеобразием. Рассмотрим отдельные экземпляры мирзакулской коллекции.

Женская статуэтка (рис. 11) была найдена в разрезе (Р-2) у обводной стены. Это плотный розовый черепок, лицевая сторона которого покрыта красным ангобом. Оттиск штампом. Рельеф средний, бока, нижняя и тыльная стороны статуэтки подрезаны ножом. Голова утрачена. Высота статуэтки 90 *мм*, ширина 58, толщина 22 *мм*. Фигура имеет правильные пропорции. На статуэтке изображена стройная, видимо, молодая женщина. Она одета в длинное, прозрачное платье с изящными, вертикально спускающимися от талии до полу густыми складками. Выше талии платье плотно облегает корпус, от талии оно плавно расширяется книзу. Талию фигуры, видимо, стягивал пояс. Сквозь платье слегка вырисовывается тело фигуры. Плечи широкие, талия узкая, бедра довольно широкие. Ноги слегка раздвинуты. В левой опущенной к бедру руке она держит небольшой предмет. Правая рука согнута на уровне пояса и держит, видимо, трилистник. На шее ожерелье и круглый медальон. На руках выше локтя по два браслета. Поверх платья надета накидка — гиматий, на плечах прикрепленная к платью бляшками.

На статуэтке, вероятно, изображена Анахита—покровительница плодородия, любви или другое местное женское божество, идентичное Анахите. В пользу подобного отождествления говорит некоторое сходство ее с Анахитой из Бактр, которое дано, по мнению некоторых исследователей, в Яште 5, 126—129. Мирзакултепинская статуэтка пока не имеет прямых аналогий в коропластике античной Бактрии. Здесь другой, ранее не известный атрибут и платье. Следует отметить, что платье мирзакултепинской статуэтки отдаленно напоминает платья богинь с кубками и инвеститурным кольцом, отождествляемых с Анахитой из Саксонахура (Мухитдинов, 1973*а*, с. 19—20).

В стиле одежды и передаче отдельных частей фигуры мирзакултепинской статуэтки сказалось влияние, правда, весьма отдаленное, традиций эллинистической скульптуры. Коропласт передал, хотя и несколько схематично, красоту тела, что характерно для эллинистической скульптуры.

Иной иконографический тип дает вторая статуэтка, найденная на полу помещения 23 (Р-1) (рис. 12), из розоватого черепка со следами красного ангоба. Оттиск штампом, объемный. Голова утрачена. Длина статуэтки 125 *мм*, ширина 48—74, толщина рельефа 5—27 *мм*. Бока, нижняя часть и тыльная сторона статуэтки подрезаны ножом. Тыльная сторона ее не плоская, как обычно, а с глубоким вертикальным углублением, которое служит, видимо, для уменьшения тяжести статуэтки. Статуэтка изображает женщину в плотной верхней одежде с длинными рукавами до запястья и треугольным запáхом у груди и с широкой рельефной лентой, передающей меховую оторочку краев. От талии одежда плавно расши-

ряется книзу, ниспадая к полу. Плечи широкие, руки массивные Большое внимание уделено передаче пухлых пальцев, особо выделены указательный и большой пальцы правой руки, держащие кубок. Правая согнута в локте на уровне пояса, левая также слегка согнута в локте чуть ниже пояса и крепко сжимает какой-то пред-

Рис. 11. Мирзакултепа. Терракотовая статуэтка женщины.

мет. На шее гривна с расширяющимися несомкнутыми концами. Шея широкая. К плечам свисают большие серьги.

Эта статуэтка также не имеет прямых аналогий в коропластике Средней Азии. Общая ее композиция отличается от известных нам статуэток. У нее своеобразный фасон верхней одежды. Отличается она и характером предмета, который держит в левой руке. Лишь одна деталь (кубок) мирзакултепинской статуэтки аналогична статуэткам бактрийских богинь ранней группы, т. е. докушанских, происходящих из Саксонахура. Этот кубок, очевидно, указывает на

генетическую общность мирзакултепинской статуэтки с саксонахурскими. В Саксонахуре богинь с кубком, отождествляемых с Анахитой, обычно изображали в эллинистических одеждах или в одеждах, имитирующих их, с инвеститурным кольцом на левой руке (Мухитдинов, 1973*а*, с. 19—24). Наличие единого атрибута в правой руке

Рис. 12. Мирзакултепа. Терракотовая статуэтка женщины.

у мирзакултепинских и саксонахурских статуэток позволяет предположить, что в мирзакултепинской статуэтке отразился процесс эволюции изображения образа богини с кубком и инвеститурным кольцом, которую можно отнести к переходному этапу — от докушанского к кушанскому. Различие в одеянии, видимо, объясняется преобладанием в одежде бактрийских богинь местных элементов.

В последующий, кушанский, период статуэтки богинь с кубком полностью вытесняются статуэтками богинь в местных одеждах. Это заключение подтверждается тем, что среди огромного количества известных нам статуэток, обнаруженных в слоях средне- и позднекушанского времени, пока нет ни одной статуэтки богини с кубком.

Очень своеобразна третья статуэтка, обнаруженная в помещении 7 (рис. 13), из плотного розоватого черепка. Рельеф высокий, бока и тыльная сторона подрезаны ножом, местами сглажены рукой. Голова статуэтки утрачена. На статуэтке изображен мужчина в длинной плотной верхней одежде, ниспадающей к полу. Кафтан, видимо, одет поверх рубахи. Правый рукав от плеча до локтя в складках. Изображение очень схематичное. Трактовка пропорций фигуры несколько утрирована. Туловище статуэтки укорочено, а ноги неестественно длинны. Правая рука согнута в локте на уровне пояса, пальцы переданы условно. Левая опущена и несколько укорочена. В руке массивная булава с расширяющимся концом. Поверх одежды наброшена накидка. На статуэтке, видимо, изображен один из представителей кушанской знати или один из принцев. В пользу такой трактовки говорит наличие булавы — знака власти.

Как мы видим, у всех описанных статуэток Мирзакултепа мало общих черт. Каждая из них оригинальна сама по себе и не имеет прямых аналогий в коропластике античной Средней Азии, в том числе и в самой Бактрии. Они резко отличаются от известных нам бактрийских статуэток по иконографии. У них иное положение рук, другие костюмы и атрибуты. Однако их объединяет общая композиция, продиктованная временем. Статуэтки выполнены строго по требованию канона фронтальности. Пропорции фигур строго симметричны, скованы и неподвижны, что свойственно изображениям иератического характера. В настоящее время трудно установить, чем объясняется отличие мирзакултепинских статуэток от известных нам среднеазиатских — этнической особенностью или религиозными воззрениями. Еще более усложняет разрешение этого вопроса отсутствие головы у всех статуэток. Несмотря на это они представляют большой интерес для истории изобразительного искусства. Кроме того, благодаря им стали известны новые образцы чтимых божеств с сопутствующими им религиозными воззрениями, символами и эстетическими взглядами.

Из других терракотовых статуэток Мирзакултепа (одна статуэтка обезьяны и четыре «всадника-идольчика») наибольший интерес представляет статуэтка обезьяны-гермафродита (рис. 14). Изображение барельефное. Высота ее 120 *мм*, ширина 30—35, толщина рельефа 30 *мм*. Бока подрезаны ножом, тыльная сторона сглажена рукой. Статуэтка слегка выпуклая, на лицевой стороне сохранились следы красновато-коричневого ангоба. Часть морды сбита. Корпус слегка наклонен влево. Общая моделировка деталей реалистична с некоторой обобщенностью. Плечи могучие, талия узкая, ноги сомкнуты вместе, согнуты в коленях и опираются

на пятки. Правая передняя лапа поднята к уху, левая передняя указывает на моделированный половой член. Голова посажена на плечи. Груди объемные, шаровидной формы. Шерсть обезьяны передана рельефными вертикальными штрихами.

Образ обезьяны довольно широко распространен в индокушанской среде. Терракотовые изображения их в большом количестве найдены при раскопках Таксилы (Marshall, 1951, p. 458, pl. 135), Шейхан Дхери (Dani, 1965—1966, p. 94, pl. XXXVIII), они встречаются в буддийских рельефах Санчи (Hallade, 1968, p. 134. pl. 99) и во многих других памятниках. По мнению некоторых компетентных исследователей, этот образ проник в Среднюю Азию из Индии в результате распространения буддизма: считают, что обезьяну благословил сам Будда (Пугаченкова, 1973*е*, с. 122). В Бактрии она также получила широкое распространение. Статуэтки обезьян обнаружены на Айртаме (Тургунов, 1973, с. 77), в Термезе (М. Массон, 1940*б*, с. 75), Зартепа (Альбаум, 1960, с. 27—28), Шортепа (Пугаченкова, 1973*е*, с. 121—122), Аккургане и во многих других памятниках. Позже такие статуэтки появились в Согде, Хорезме, Мерве и Восточном Туркестане. В Хотане это животное представлено весьма большим количеством (Дьяконова и Сорокин, 1960, с. 19—22, табл. XXVII—XXIX). От известных нам статуэток Бактрии, Индии, Восточного Туркестана мирзакультепинская статуэтка обезьяны отличается точной передачей отдельных деталей. Отметим, что это единственный случай в коропластике этих стран кушанского времени, когда обезьяна изображена в интерсексуальном виде.

Рис. 13. Мирзакультепа. Терракотовая статуэтка мужчины.

Всадник-идольчик (рис. 15, *1*). Статуэтка вылеплена от руки в обобщенной манере. Тесто розоватое, плотное, ангобированию не подвергалось. Морда лошади и голова всадника утрачены. Туловище лошади и ноги переданы схематично; ноги прямые, слегка раздвинуты для устойчивости. Всадник изготовлен отдельно, потом прикреплен к лошади, место прикрепления тщательно сглажено. Всадник передан схематично. По отношению к корпусу и естественным пропорциям ноги всадника укорочены. Они прижаты к груди лошади, а руки — к шее лошади и как бы притягивают к себе узду. Шея всадника довольно длинная. Всадник сидит на лошади спокойно. Здесь, видимо, «ваятель» хотел передать умение древних бактрийцев держаться на коне. В целом, несмотря на примитивность, статуэтка по своему очень выразительна.

Вторая статуэтка лошади сохранилась лучше (рис. 15, *2*). У нее отсутствуют одна нога, хвост и всадник. По отношению к корпусу размер морды и шеи несколько больше. Морда худощавая, уши навострены, между ними поднимается высокая холка, ниспадающая вперед, грива вдоль шеи подстрижена очень высоким гребнем. Рот слегка приоткрыт. Корпус и ноги очень массивны. Ноги прямые и слегка раздвинуты для устойчивости. На спине лошади сохранились следы посаженного всадника.

Рис. 14. Мирзакултепа. Терракотовая статуэтка обезьяны.

Третья статуэтка сохранилась плохо: от лошади остался только корпус и часть шеи, от всадника — только следы прикрепления. Лошадь изображена в полной упряжке, о чем свидетельствует слегка углубленная линия, передающая подхвостник и грудной ремень.

Четвертая статуэтка сохранилась очень плохо (рис. 15, *3*). У лошади отсутствуют ноги, от всадника сохранилась только часть ноги. Статуэтка вылеплена из розоватой глины, черепок плотный. По отношению к естественным пропорциям корпус лошади несколько укорочен, а шея очень длинная. Лоб лошади большой, глаза переданы углубленными точками. Уши навострены, между ними поднимается холка, слегка вогнутая вперед, грива вдоль шеи подстрижена невысоким гребнем.

Терракотовые статуэтки всадников-идольчиков наиболее распространены и многочисленны: их находят при археологических разведках и раскопках на всех бактрийских памятниках. Семантику образа «всадника-идольчика» изучали многие исследователи (Пугаченкова, 1966а, с. 230—234; 1973е, с. 125—127; 1974а, с. 124—135; Мухитдинов, 1973а, с. 27—29).

Таким образом, в результате раскопок Мирзакултепа появилась разнообразная коллекция терракот раннекушанского периода, дающая представление об идеологии и художественном творчестве общества этой эпохи и, кроме того, выявились историко-культур-

ные связи, поддерживаемые Бактрией в этот период с соседними странами.

На Мирзакултепа было найдено четыре монеты: две из них — монеты группы чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла с изобра-

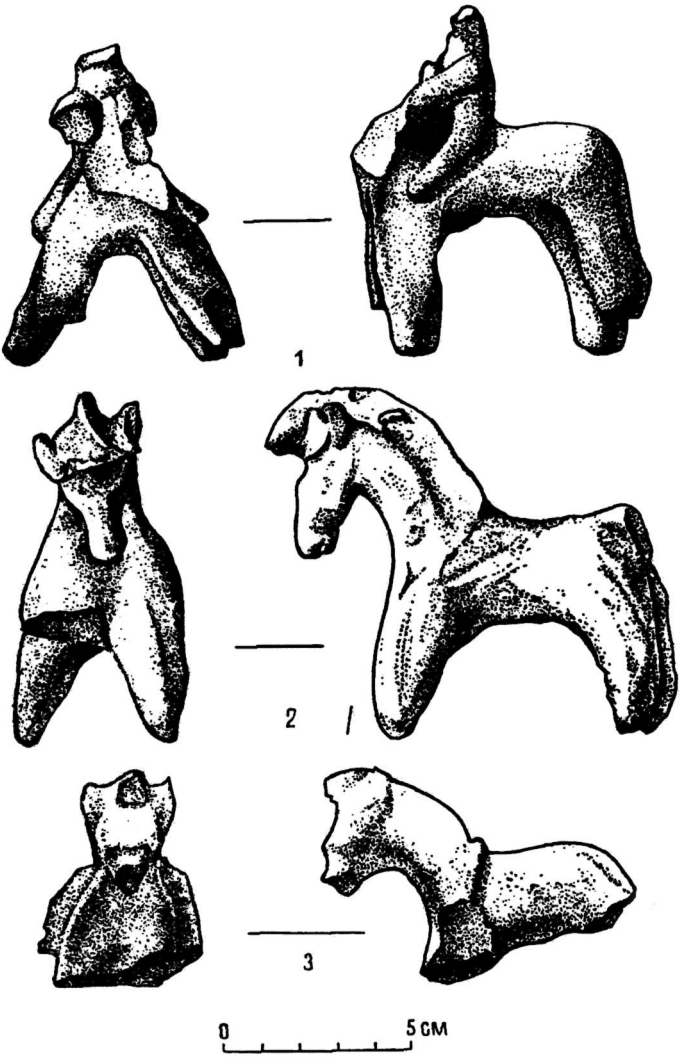

Рис. 15. Мирзакултепа. Терракотовые статуэтки всадников.

жением Зевса на реверсе, две другие принадлежат к группе монет «Сотер Мегас». На поселении найден и один железный перстень очень плохой сохранности с довольно узким овальным щитком.

Единственным экземпляром представлена шарообразная сердоликовая бусина с белым орнаментом и серебряная бляшка диаметром 29 *мм*. В центре расположена розетка из шести лепестков круглого очертания. Вокруг розетки — точки, затем проходит концентрический круг, еще ряд точек по окружности и замыкает орнаментальный мотив второй концентрический круг. Кроме того, на поселении были найдены железные предметы, назначение которых нам установить не удалось. По одному экземпляру представлены бронзовое зеркало (фрагмент) и костяная пуговица. Из числа других находок заслуживают внимания каменные зернотерки (15 экз.), жернова (3 экз.), каменные пряслица (18 экз.) и фрагмент железного серпа.

Раскопки поселения Аккурган и характеристика находок

В 1973 г. отряд по изучению сельских поселений Бактрийской экспедиции производил стационарные раскопки на поселении Аккурган (Б-19[x]), расположенного юго-западнее г. Шерабада. Подквадратной формы (80×70 *м*) холм ориентирован по странам света и возвышается над уровнем окружающей местности на 3—4 *м*. Края тепа сильно изрезаны из-за использования окружающей территории под хлопковые поля. Углы его имеют большие трещины, причины которых неизвестны. Внутренний рельеф тепа довольно ровный, с небольшим понижением к центру, видимо, к зигзагообразной улице. Поселение, судя по рельефу, имело двое ворот. Одни из них находились в юго-западном углу поселения, другие в северо-западном.

Для выявления планирования поселения в последний период его обживания тепа почти полностью вскрыли. В процессе раскопок выяснилось, что верхний строительный горизонт сильно пострадал от дефляции, о чем свидетельствует незначительная высота сохранившихся стен. Высота наиболее сохранившихся стен —68-80 *см*, средняя —30-40 *см*. Местами стены полностью разрушены. Основное заполнение помещения — рыхлая песчаная земля. В результате раскопок на поселении Аккурган удалось выделить пять основных хозяйственно-жилых комплексов (рис. 16). Эти комплексы условно названы «южный» (Р-1), «центральный» (Р-1), «северный» (Р-2), «восточный» (Р-3), «юго-восточный» (Р-4). Обычно друг от друга они отделены широкой улицей (рис. 17).

Архитектурным центром поселения, видимо, является «южный» комплекс, включающий помещения № *1—16*. Общая полезная площадь комплексов — не менее 550 *м*^{2}. Среди помещений южного комплекса особое место занимает № *1*, выделяющийся на фоне других помещений довольно большими (6,75×5,25 *м*) размерами, толщиной пахсовой стены, стоящей на мощной пахсовой платформе, монументальностью и парадным оформлением. Стены помещения тщательно оштукатурены толстой глиняной обмазкой с саманом. Поверх глиняной штукатурки нанесена ганчевая штукатурка, рас-

писанная черной и красной красками. Сюжет росписей из-за плохой сохранности выяснить не удалось.

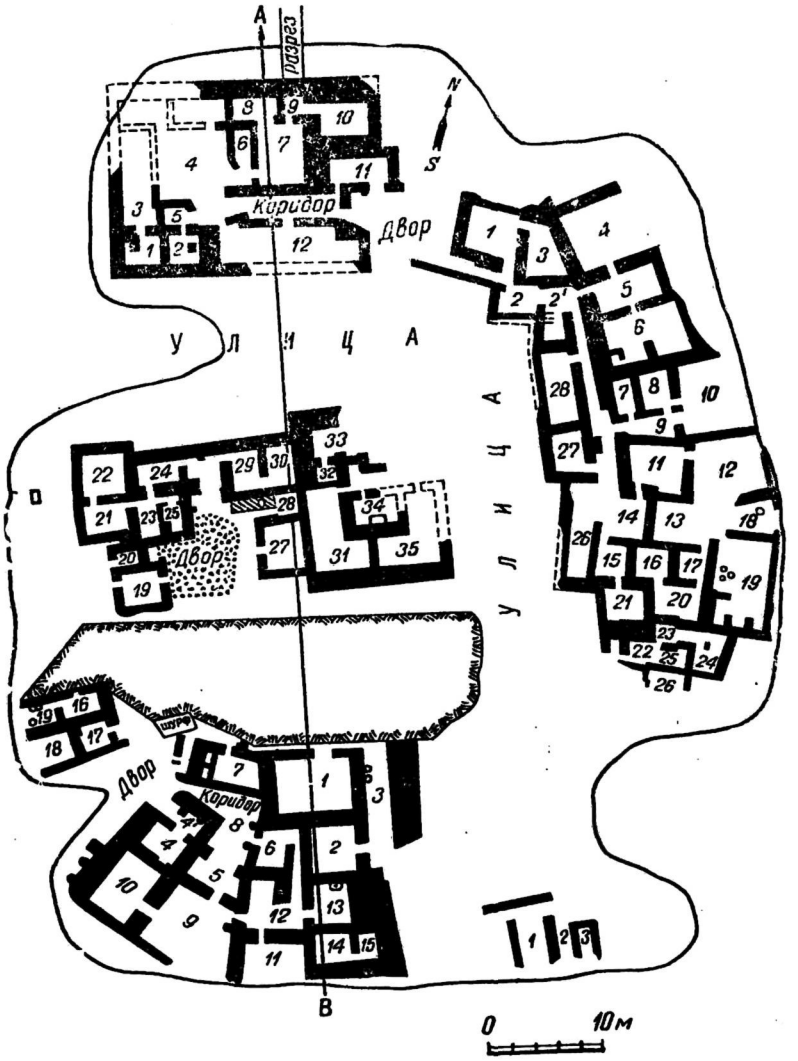

Рис. 16. Аккурган. План раскопа.

С южной стороны к помещению *1* примыкает еще одно изолированное помещение *2*. В плане помещение квадратное, его размеры —4,50×4,20 *м*. Стены оштукатурены глиняной обмазкой, местами сохранились следы побелки. В этих двух помещениях найдено небольшое количество керамики.

В помещении *3* коридор расположен восточнее №№ *1* и *2*. Ширина коридора — 1,95 *м*. На стену поверх глиняной штукатурки нанесена тонкая ганчевая. На западной стене местами сохранились следы росписи, выполненные черной и красной краской. Толщина наружной восточной стены —2,55 *м*. В северной части коридора у западной стены расчищено два больших хума, выкопанных на одну треть. Других находок в коридоре нет. Уровень полов в помещениях *1—3* лежит на одной плоскости.

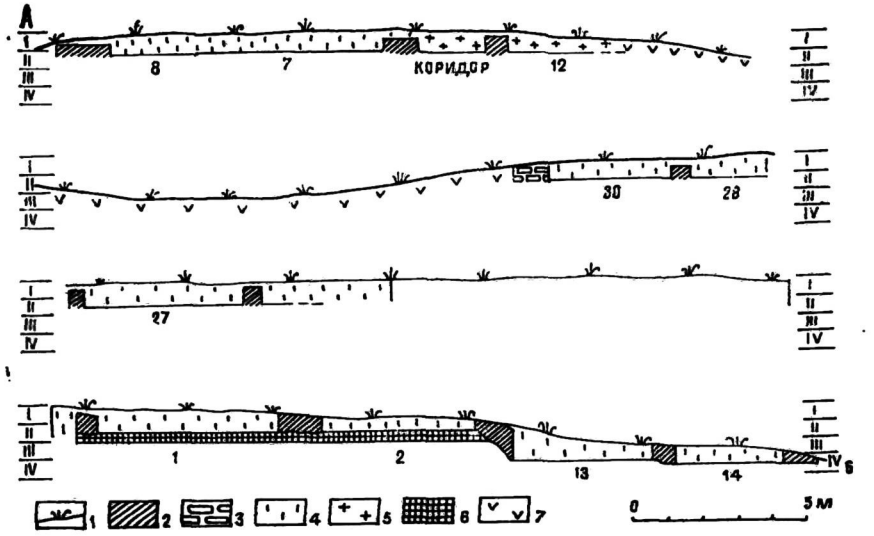

Рис. 17. Аккурган. Стратиграфический разрез раскопа.

1 — дерновый слой; *2* — пахса; *3* — кирпичная кладка; *4* — земля с керамикой, костями и угольками; *5* — земляно-зольный слой с керамикой и угольками; *6* — пахсовая платформа; *7* — рыхлый лесс.

С южной и юго-западной стороны помещения *1* расположен ряд помещений. Полы в этих помещениях намного ниже, чем в помещениях *1—3*, но между собой находятся на одном уровне. Это, видимо, в определенной степени объясняется характером рельефа и назначением помещений. Стены их массивные, в отличие от стен помещений *1—3*, стоящих на пахсовой платформе, построены на руинах нижнего культурного слоя. Помещения расположены по радиусу к югу и юго-западу от помещения *1*, поэтому очертание их асимметрично. Проходы группируются вокруг небольшого двора или улицы. Помещения *4* и *8* расположены к югу от двора. Помещение *8* выполняло, видимо, функцию коридора-помещения. В плане оно прямоугольное, с небольшой пристроенной перегородкой в середине северной стены. В северо-восточном углу помещения находился проход в помещение *4*, площадь которого — около 11 $м^2$. На южной стене обнаружена ниша размером 1,10×0,25 *м*. Отметим, что в других помещениях поселения ниш больше не зафикси-

ровано. Стены обоих помещений тщательно оштукатурены глиняной обмазкой, поверх которой дополнительно покрыты ганчевой штукатуркой. Полы помещений, видимо, также были оштукатурены ганчем: об этом свидетельствуют сохранившиеся остатки ганчевой штукатурки. В помещениях найдено много фрагментов столовой посуды. Интересен небольшой краснолощеный шаровидный кувшин, нижняя часть которого выполнена в форме шестигранника. Ручка кувшина отбита. Найден один целый горшочек, снаружи покрытый до середины красно-коричневым ангобом и лощением. На полу помещения *4* обнаружена медная кушанская монета. Загадочной находкой является небольшая глиняная плита, лицевая сторона которой покрыта темно-красной и черной краской. Размер плиты — 18×10 *см*, найдена на полу помещения *8*. О назначении ее пока трудно что-либо сказать.

В юго-восточной части двора был общий проход в виде продолговатого коридора, расширяющийся внутрь, через который можно попасть в помещения двух домов. В конце коридора у прохода расположен керамический тандыр. Диаметр его — 50 *см*, толщина стенок — 2 *см*. Стенки тандыра сильно обожжены. Снаружи он «одет» в глиняный футляр. Толщина футляра — около 15 *см*. Поверхность его тщательно оштукатурена глиняной обмазкой с большим количеством самана. Форма тандыра цилиндрообразная, книзу слегка расширяющаяся. В целом по форме и устройству он очень напоминает современные тандыры. Рядом с тандыром отмечено большое скопление золы. У прохода в помещение *6* на полу найдено 11 миниатюрных пастовых бусин. Помещения *5, 9* и *10* входили в состав одного жилого дома. Помещение *5*— самое маленькое. Все стены обмазаны глиной, кроме западной, на которой еще видна тонкая ганчевая штукатурка. В помещении много керамики и каменных пряслиц. На полу найдена одна монета. Среди других находок нужно отметить одну пастовую и одну сердоликовую бусины.

Интересно по планировке помещение *7*, расположенное к западу от помещения *1*. В плане оно прямоугольное, проход находится на северной стене. В западной части комнаты зачищено небольшое сооружение, возвышающееся над полом на 27 *см*. Сооружение разделено перегородкой толщиной в 3 *см* на две части. Со стороны помещения сооружение оконтурено перегородкой толщиной в 20 *см* и высотой в 10 *см*, образуя резервуар. Оба резервуара очень тщательно оштукатурены ганчем толщиной 0,5—1 *см*. В целом по устройству сооружение очень похоже на сооружение, зачищенное в помещении *28* «центрального» комплекса, названном нами «винодельня». В помещении обнаружены отдельные фрагменты столовой посуды и одна монета.

Помещение *9*— самое большое в составе южного комплекса. В плане оно трапециевидное. Стены побелены поверх глиняной обмазки. Ближе к северо-восточному углу помещения зачищено два хума, вкопанных до венчика. В одном из них было зерно пшеницы.

Рядом с хумом найден амфоровидный кувшин с двумя ручками. Уровень пола читается очень плохо. Южная стенка помещения сохранилась частично. В помещении много каменных пряслиц, мало керамики, найдена интересная статуэтка леопарда.

К западу от помещения *9* расположено довольно большое прямоугольное помещение *10*. Стены его тщательно оштукатурены ганчем поверх глиняной обмазки. Наружная западная стена относительно толще. Южная стена сохранилась частично. В помещении найдены в незначительном количестве фрагменты столовой посуды, несколько пряслиц и одна монета.

Помещения *6, 11—15* входят в состав одного жилого дома. Помещение *6* соединялось небольшим проходом с общим коридором и довольно узким коридором с помещениями *12* и *13*. Оба помещения сильно пострадали от дефляции поверхности. В связи с этим контуры помещений читались очень плохо. Наиболее интересно помещение *13*. Здесь почти в центре северной стены был зачищен ганчевый алтарь, установленный на небольшом прямоугольном пахсовом постаменте, также оштукатуренном ганчем. На полу помещения обнаружена монета группы «кушано-сасанидской». Изолированно стоят помещения *14* и *15*, связанные между собой. Стены оштукатурены глиняной штукатуркой, кое-где сохранились следы побелки. Самое большое помещение этого дома № *11*, площадь которого — не менее 40 *м*². Южная стена не сохранилась. В помещениях этого дома найдено незначительное количество материала, что, видимо, объясняется небольшой толщиной культурного слоя.

К западу от двора раскопаны остатки еще четырех помещений— *16, 17, 18* и *18а*. Площадь помещений небольшая. Стены хорошо обмазаны глиной, а в помещении *17* сохранились следы побелки. В помещениях *16* и *17* найдено много столовой керамики, а в помещении *17* в слое еще три монеты. Особого внимания заслуживает миниатюрный кувшинчик, снаружи покрытый красно-оранжевым ангобом. У входа в помещение во дворе найдено шесть монет, видимо, кушанских. В помещениях *18* и *18 а* восточная стена не сохранилась. Здесь больше фрагментов кухонной посуды. В помещении *18* найдено три больших хума, которые были вкопаны на одну треть в нижний культурный слой. Большая площадь между «южным» и «центральным» комплексом не была вскрыта из-за стоящей тригонометрической вышки.

«Центральный» комплекс состоит из трех небольших групп строений, включающий помещения *13—35*. Общая полезная площадь комплекса, включая двор, — около 450 *м*². Две группы разделены между собой двором, выстланным камнем и фрагментами керамики. Третья группа отделена от других длинной стеной. Проходы двух первых групп сосредоточены вокруг двора, а третьей — со стороны главной улицы. Большинство помещений «центрального» комплекса небольшие по размеру. Сохранность стен очень плохая, местами, особенно по краям, они совсем разрушены. Наибольшая высота сохранившихся стен не превышает 35 *см*. Внутренние стены толстые.

Стены все пахсовые, за исключением длинной мощной северной наружной стены, возведенной из сырцовых квадратных кирпичей размером 32×32×9—10 *см;* 33×33×10 *см*. Стены помещений обмазаны глиной с саманом и побелены. Некоторые помещения поверх глиняной штукатурки имеют ганчевую. Как обычно, помещения с ганчевой штукатуркой очень небольшие по размеру.

Помещение *19* расположено к западу от двора и соединялось проходом непосредственно со двора. Южная стена сохранилась частично. Уровень пола читается довольно плохо. На западной стене отмечен проход, соединявший, видимо, данное помещение с другими, расположенными к западу от него и, к сожалению, несохранившимися. К северу от № *19* находилось небольшое прямоугольное помещение *20,* стены и пол которого были оштукатурены толстой ганчевой штукатуркой поверх глиняной. В помещении обнаружено четыре целых кувшина среднего размера. Два из них грушевидной формы, с одной ручкой, до середины покрытые красным ангобом. В середине имеется большое отверстие, которое, возможно, было сделано для соединения с носиком, или же кувшин был бракованный (отверстие было замазано толстым ганчевым раствором). Третий кувшин был эноехевидный, а четвертый—амфоровидной формы с двумя ручками. Здесь же, рядом с кувшином эноехевидной формы, найдены на полу две монеты.

Большая площадь к западу от помещений *20—22* была оштукатурена толстым слоем ганча. Здесь на краю тепа зачищен небольшой прямоугольный резервуар, оштукатуренный с внутренней стороны ганчем. Несколько северо-западнее резервуара зафиксированы разбросанные остатки человеческих костей. Ориентацию и положение костяка установить не удалось. Кости сильно пострадали от дефляций и солей, поэтому на месте рассыпались. Рядом с черепом найдены две очень интересные золотые серьги. Других находок не сделано.

К северо-западу от двора и помещения *20* расположены взаимосвязанные помещения *21—25,* входившие, видимо, в состав одного дома. В данном доме помещения *21—22* самые большие по размеру, а три остальных — очень небольшие. Общий проход в дом расположен со стороны двора через помещение *24*. Напротив прохода зачищен очаг. Стены его сильно обожжены, рядом с очагом зафиксировано скопление золы. Небольшая площадь между помещениями 24, 29 и двором является, судя по плану, вестибюлем. Наружная северная стена помещения *24* сложена из сырцовых квадратных кирпичей размером 32×32×9—10 *см*, остальные стены пахсовые. Судя по незначительным остаткам ганчевой штукатурки и побелки, можно сказать, что поверх глиняной обмазки эти помещения были оштукатурены ганчем или просто побелены. Находки в этих помещениях весьма незначительны. Это в основном невыразительные фрагменты столовой посуды; в помещении *25* найдена очень интересная терракотовая статуэтка лошади, а в помещении *21* — 8 монет, причем две из них найдены в слое, на полу.

Ко второй группе «центрального комплекса» относятся помещения *27—30*. Наибольший интерес представляет помещение *28* и расположенное рядом с ним сооружение. Само помещение квадратное и небольшое по размеру. Проход расположен со стороны двора. У прохода в помещение зачищен большой овальный керамический сосуд, вкопанный по венчик в землю. Длина сосуда 1,10 *м*, ширина 20 *см*, толщина стенки 1—1,5 *см*. К западу от него находится длинная суфообразная площадка из пахсы, с трех сторон оштукатуренная небольшим валом-бортиком, площадка возвышается над полом на 20—25 *см*. Она разделена на три части неглубокими канавками со скатом в сторону сосуда и вылощена ганчем, о чем свидетельствуют остатки ганчевой штукатурки. По устройству данное сооружение очень напоминает винодельню из Дальверзинтепа (Пугаченкова, Тургунов, 1974, стр. 71). Находки в этом помещении незначительны и мало выразительны. В помещении *27* найдена одна монета.

Более насыщен находками двор (пом. *26*). Здесь найдено много фрагментов разнообразной посуды и костяных булавок, бусинок различной фактуры, три монеты. Наиболее интересна терракотовая статуэтка женщины-музыкантши.

Третья группа комплексов, как мы говорили выше, отделена от других длинной стеной, толщиной 55—78 *см*. Толщина наружной, северной, стены еще больше. Сохранность стен плохая, местами они разрушены. Здесь удалось оконтурить остатки пяти помещений. По планировке интересны помещения *31, 34, 35*.

Небольшое прямоугольное помещение *24* окружено двумя большими Г-образными помещениями. Центральное помещение связано только с коридором. В центре его южной стены зачищена пристроенная к стене небольшая квадратная (8,5×8,5 *см*) возвышенность высотой до 20 *м*, видимо, остаток алтаря. В помещении отмечено небольшое скопление золы. Находки отсутствуют. В отличие от центрального помещения № *35* изобиловал керамической посудой, среди которой доминировала кухонная: фрагменты хумов, горшков и терракотовые очажки. Найдены зернотерки, фрагменты железных ножей, бусины и пять монет. Все они найдены на полу, в помещении зафиксированы отдельные небольшие скопления золы. В помещении *31* много столовой посуды, здесь же в слое найдено три монеты.

Северо-восточные помещения комплекса не сохранились. На вскрытой площадке к югу от помещения *31* и *35* обнаружены большие скопления золы и мусора. Не исключено, что здесь проходила улица. У юго-западного угла помещения *31*, с наружной стороны, было найдено 11 пастовых бусинок различной конфигурации, голова терракотовой статуэтки оленя и 10 монет.

Северный комплекс объединяет 12 помещений, длинный коридор и небольшой двор. Общая полезная площадь комплекса — около 250 $м^2$, включая двор. Внутренняя планировка комплекса подчинена единому продуманному плану, однако со временем в ре-

зультате небольших строительных работ общая планировка комплекса несколько утратила первоначальную симметричность. Особенно это заметно в коридоре и помещениях *5* и *6*. В отличие от описанных выше помещения этого комплекса сосредоточены вокруг длинного коридора, который начинается со двора и кончается большим квадратным помещением 4. Коридор делил «северный» комплекс на две половины. Длина коридора около 15 *м*, ширина 2. Он был заполнен золой. Здесь найдено много фрагментов котлов, хумов, терракотовых очажков, которые, как правило, отсутствуют в помещениях, и монеты (11 экз.) довольно хорошей сохранности. Предварительно их можно определить как кушанские и «кушано-сасанидские». Среди других находок следует отметить костяную булавку с нарезной головкой и кольцо с круглым сердоликовым глазком. Двор был заполнен золой.

Помещение *1* расположено на краю холма и соединялось с коридором через помещения *3,4*. Сохранность стен помещения различна: северная сохранилась на высоту 50 *см*, южная — 10 *см*. Поверх глиняной штукатурки помещение побелено. Здесь найдены фрагменты столовой посуды, среди которых преобладает керамика со штампованным орнаментом и сетчатым лощением, одна монета, несколько каменных и одно керамическое пряслица.

Помещение *2* расположено к востоку от помещения *1*. Оно—небольшое по размеру. Стены оштукатурены ганчем. Почти в центре, ближе к восточной стене, расчищена стоящая на полу пахсовая прямоугольная «колонна». Размеры ее 63×73 *см*, назначение пока не выяснено. Здесь обнаружено небольшое количество столовой керамики, одна монета, найденная на полу, и каменные пряслица.

Помещение *3* сохранилось частично. Вход в него находился, видимо, со стороны помещения *4*, самого интересного и богатого в «северном» комплексе. Северо-западный угол помещения не сохранился. Внутренняя площадь его заполнена песком, большими продолговатыми, реже круглыми, необтесанными камнями, которые, судя по всему, являлись сырьем для изготовления каменных зернотерок. Готовая продукция представлена девятью целыми зернотерками и их обломками. Здесь в большом количестве (более 25 экз.) найдены каменные пряслица и сырье, из которого их изготовляли, монеты (около 30 экз.), в основном «кушано-сасанидские» и последних кушанских царей, костяная булавка с нарезной головкой и сердоликовая бусинка, много фрагментов керамики. К северо-западу от помещения, видимо, находилось еще три помещения, которые, к сожалению, не сохранились, так как хлопковые поля примыкают к тепа.

Помещение *5* по размеру очень небольшое. В плане оно почти квадратное. Сохранность стен плохая. Ганчевая штукатурка сохранилась частично. Пол оштукатурен ганчем.

За северной стеной и к востоку от помещения *4* расположено пять разных по размеру помещений, соединенных между собой проходами. По-видимому, они входили в состав одного дома. Сохран-

ность помещений плохая. Толщина внутренней стены помещений, как и в других комплексах, небольшая, наружных стен — более 2 *м*. Высота сохранившихся стен не превышает 25 *см*. Они оштукатурены глиняной обмазкой с саманом, местами видны следы побелки. *На западной стене помещения 6 обнаружено два слоя штукатурки.* Помещение *7*— центральное, из него можно было попасть в прямоугольное помещение *8* и небольшое квадратное помещение *9*. Помещение *9* проходом соединялось с помещением *10*, относительно хорошей сохранности. В нем найдено много фрагментов керамической посуды, три «кушано-сасанидские» монеты, костяная булавка с нарезной головкой и терракотовая фигурка всадника. В остальных же помещениях находки единичны из-за небольшой толщины культурного слоя. Так, в помещении *6* найдена лишь одна монета и несколько фрагментов столовой посуды.

Помещение *11* расположено в северо-западной части двора, где начинается коридор. От других помещений оно изолировано. В южной стене расположено два прохода. Один из них непосредственно связывает помещение с двором, а второй — с коридором. В помещении обнаружено три слоя ганчевой штукатурки, сохранившейся местами. Здесь найдено много керамики и две монеты, одна из которых принадлежит чекану «безымянного царя».

К югу от коридора параллельно ему расположено длинное прямоугольное помещение *12* размером 12,6×3,5 *м* и с двумя проходами: *один — в центре помещения, другой — в* северо-западном углу. Ширина последнего —1,8 *м*. Рядом лежит большой обломок стены, видимо, упавший во время разрушения. Южная стена сохранилась лишь на небольшом участке в юго-западной части. На отдельных участках зафиксированы зольные скопления. Уровень пола читается очень плохо. В помещении обнаружено много керамики, преимущественно кухонной, и монеты «кушано-сасанидской» группы. Найдена голова терракотовой статуэтки лошади.

Между «северным» и «центральным» комплексами, в центре тепа, была заложена траншея длиной около 12 *м*, шириной 70 *см*, глубиной 80 *см*. Остатки какой-либо архитектуры не обнаружены. Это подтвердило наше предположение о том, что в данном месте проходила улица. Однако зафиксировать четкий уровень поверхности улицы не удалось. Улица идет скатом в направлении к западу, к воротам. В траншее, ближе к помещению *12* «северного» комплекса, обнаружена очень интересная терракотовая статуэтка женщины.

Чтобы обнаружить крепостные стены, за северной стеной помещения *9*, на склоне холма, был заложен разрез. Длина траншеи — *около 6 м, ширина* — 1,3 *м. Оказалось, что во весь период обжи*вания поселение не имело специальных оборонительных стен, функцию которых выполняли наружные стены, как обычно, довольно толстые. В траншее мы углубились на 6,5 *м* (от репера), ниже шел материковый слой. Почти на уровне материка выступили грунтовые

воды. В траншее, как и в шурфе, выявлено четыре строительных горизонта (кроме самого верхнего горизонта, отсутствующего на данной площадке). Керамический материал аналогичен материалу шурфа, но здесь много целых форм. Среди них следует отметить два небольших сосуда со сливом, миниатюрные горшки с двумя ручками и отверстиями для подвешивания и ножки бокалов. Не менее интересна форма солонки. Все находки сделаны на уровне третьего строительного горизонта (сверху). Но самая интересная находка — клад монет (7 шт.), чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла*. Монеты были найдены и на уровне третьего строительного горизонта, на полу. Все они довольно хорошей сохранности. У всех монет на аверсе изображен бюст государя, на реверсе — Зевс, а в одном случае — лошадь.

Кроме этих находок, в разрезе найдены терракотовая статуэтка лошади и голова человека, вылепленная из глины светло-пепельного цвета. Обе находки обнаружены на уровне первого строительного горизонта (сверху).

Помещения «восточного комплекса» также сосредоточены вокруг длинного узкого коридора, начинающегося от двора, расположенного между «северным» и «восточным» комплексами. Комплекс состоит из 29 помещений. Общая полезная площадь его— около 700 *м*^{2}. Как и в «северном комплексе», коридор заполнен золой, но находок в нем было очень мало. Встречены только фрагменты лепных чиракданов. В комплексе не отмечено четкой планировки. Стены помещения возведены из пахсы и оштукатурены глиняной обмазкой, нередко поверх глиняной обмазки помещения побелены. Высота сохранившихся стен — около 20—40 *см*. У многих помещений восточная стена не сохранилась из-за арыка, проходящего сейчас по данному краю тепа.

В отличие от других комплексов здесь грунт помещений очень твердый, что пока объяснить трудно. Почти во всех помещениях уровни полов одинаковы.

Помещения *1* и *3* расположены к северу от коридора и взаимосвязаны между собой. Общая стена между ними сохранилась относительно плохо. Керамические находки здесь единичны: в помещении *1* найдено две монеты. Помещение *2*, видимо, было вестибюлем. Здесь зачищен очень интересный камин-очаг. Стены камина сложены из сильно обожженного кирпича. В центре очага отмечены две небольшие квадратные опоры, а рядом с ним — большое скопление золы. Помещения *4—5* входили в состав одного дома. Все помещения прямоугольные в плане и большие по размеру. Проход в помещение *4* расположен со стороны помещения *2*. Стены помещения *4* поверх глиняной обмазки покрыты тонкой ганчевой штукатуркой. Северная стена помещения снаружи также оштукатурена ганчем, что свидетельствует о наличии еще одного помещения. В слое

* В своей последней работе В. М. Массон (1976, с. 4) допустил некоторые неточности. Он писал, что монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, были найдены в шурфе.

найдена одна монета и несколько фрагментов столовой посуды (чаши).

Помещение *5*. В середине и у прохода в помещение *6* обнаружено два погребения. Первый костяк лежит в прямоугольной, а второй в овальной яме. Обе ямы вырублены в культурном слое. Костяки лежат на спине, лицом вверх, ориентированы головой на юг с небольшим отклонением на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. У костяка из прямоугольной ямы на груди обнаружено бронзовое зеркало, другого сопроводительного инвентаря нет. У второго покойника ничего не обнаружено.

Помещение *6* проходом связано с помещением *5*. Проход расположен в середине стены. Напротив прохода к южной стене пристроена стена длиной 2 *м*, которая делит помещение на две части. В юго-западном углу отмечен небольшой резервуар, стены которого тщательно оштукатурены тонким слоем ганча. В помещении *6* найдено много фрагментов столовой керамики — чаши с характерным перегибом у венчика, полусферические чаши и столовые тагора. В помещениях *4* и *5* обнаружено несколько фрагментов столовой посуды. Уровень пола в помещениях на 15—20 *см* выше уровня пола коридора и других помещений комплекса.

Помещения *7—10* входили в состав одного дома. Стены сохранились на высоту 15—20 *см*, толщина культурного слоя незначительна. Археологический материал единичен.

Среди домов восточного комплекса наибольший интерес по планировке представляют взаимосвязанные помещения *11—13* и *16—20*. В них обнаружено много фрагментов хумов, реже встречаются котлы и чиракдоны. Столовая посуда представлена хуже. По характеру находок среди всех помещений резко выделяются *16* и *19*. В помещении *16* найдено три ритуальные курильницы и один целый семирезервуарный круглый чиракдон. В помещении *20* найдена курильница и фрагмент четырехрезервуарного чиракдона. Характерно, что в остальных помещениях поселения курильницы не обнаружены. Помещение *19* заслуживает особого внимания. В плане помещение прямоугольное и самое большое по площади. В середине западной стены перпендикулярно к ней пристроена стена длиной 1,90 *см*, которая делит его на две части. Рядом с этой стеной, с северной стороны, расчищено три хума. Длина пристроенных стен —1,15 *см*. Как и южная, пристроенные стенки поверх толстой глиняной обмазки тщательно оштукатурены ганчем. В середине южной стены, между перегородками, мы обнаружили уникальную статуэтку Будды, очень интересный кувшин, видимо, имитирующий металлический сосуд, и фрагмент росписной керамики. Рядом находился деревянный сосудик типа «носковок». Коридор заканчивается небольшим двором-помещением *(14)*. К югу от двора отмечено еще два помещения. Существенных находок в них *(14, 15, 21)* не сделано.

Помещения *22—26* расположены у восточных ворот с проходом с улицы. На некоторых стенах помещений обнаружено по три слоя

побелки. Уровни полов в них читаются плохо. Ряд помещений к югу и востоку не сохранился. В имеющихся помещениях найдены фрагменты чаш с характерным перегибом у венчика.

К западу от коридора расположено три прямоугольных изолированных помещения с частично сохранившимися западными стенами. В помещениях найдено только несколько фрагментов невыразительной керамики.

К югу от ворот находился очень небольшой комплекс (юго-восточный). Здесь оконтурены остатки трех прямоугольных помещений, относящихся к последнему строительному горизонту. Помещения расположены параллельно, их соединяет четвертое продолговатое помещение. Стены сохранились на высоту не более 20 *см*. Находок здесь нет. Только в помещении *4* ниже уровня пола обнаружена голова богини, которая, видимо, переместилась из более нижних слоев.

Внутренняя планировка комплексов подчинена единому продуманному плану, однако ярко выраженной симметричности в планировке нет. Лишь в помещениях «северного» комплекса наблюдается относительная симметричность стен помещений. Основным строительным материалом для стен была битая глина-пахса, что в определенной степени отрицательно повлияло на добротность построек и конфигурацию помещений. Сырцовые кирпичи играли второстепенную роль. Ими выложены лишь некоторые стены. Часто на раскопе находили жженые кирпичи размером 32×32×4—5 *см*. Видимо, их использовали при обмазке полов помещений. Судя по небольшому размеру помещений, у них было плоское балочное перекрытие. Традиции аналогичного перекрытия сохранились до настоящего времени в народной архитектуре Средней Азии. В больших помещениях перекрытие опиралось, видимо, еще на колонны, базы от которых, по словам местных жителей, часто встречались на территории памятника. Одну из них нам удалось найти. База изготовлена из известняка и состоит из круглого плинта, пояска, скоции и вала. В верхней части базы, в центре, отмечена небольшая округлая выемка, сделанная, видимо, для прикрепления колонны и повышения ее устойчивости. Небольшая высота сохранившихся стен не позволяет говорить о наличии оконных проемов в стенах помещений. Скорее всего их не было, а световые отверстия, вероятно, находились на крышах помещений. Данное предположение подтвердили монументальные постройки Дальверзинтепа, в которых оконные проемы не зафиксировали. Небольшая толщина стен указывает на то, что постройки Аккургана скорее всего были одноэтажными. Коридоры, видимо, освещались только чираками: большинство их находили именно в коридорах. Во всех комплексах уровень полов лежит почти на одном горизонте, что указывает на их одновременное функционирование (рис. 17). Оформление и интерьер помещений отличаются простотой отделки. Стены в основном очень тщательно оштукатурены глиняной обмазкой, значительно реже — ганчем. Исключение составляет помещение *1* «южного»

комплекса, отличающееся парадным интерьером, что, видимо, объясняется степенью зажиточности хозяев дома или назначением помещения.

На поселении максимального использования внутренней площади не отмечено. Улица, пересекающая поселение, слишком широка. Возможно, жители не дорожили площадью или же использовали улицу как место для загона скота. В центре улица ровная, по краям она идет скатом в сторону ворот.

Для получения стратиграфии поселения на склоне в юго-западной части тепа был заложен шурф размером 3×2 *м* (рис. 18).

Материал снимали по ярусам в 50 *см*, с отсчетом от поверхности холма в месте шурфа. Реперная точка выше на 1,2 *м*. Материковый слой в шурфе зафиксирован на глубине 6,55 *м* от репера. В шурфе выявлено четыре основных строительных горизонта.

Первый слой (первый строительный горизонт). До глубины 30—35 *см* идет рыхлая натечная песчаная земля с небольшим количеством фрагментов керамики. Ниже натечного слоя обнаружены остатки стены шириной около 80 *см*. К юго-востоку от нее прослежена кирпичная забутовка и строительный завал. Толщина слоя — около 1,5 *м*. Материал этого слоя представлен фрагментами керамики: стенки кувшинов, кубкообразных чаш, венчики чаш с характерным перегибом, столовые тагора. Часто встречается керамика этих же форм, покрытая сетчатым и сводообразным лощением. Попадается и керамика со штампованным орнаментом. Вся керамика изготовлена из хорошо отмученной глины, обжиг хороший, черепок в изломе красноватый. Большинство форм керамики полностью или частично покрыто красным и коричневым ангобом различного оттенка.

Второй слой составляет плотная желтая земля с золотыми и гумусными прослойками. Толщина его — около 1 *м* (II—IV ярусы). Здесь обнаружен хум грушевидной формы со слегка выпуклым дном — характерный признак хумов кушанского времени. Рядом с ним найден небольшой целый горшочек, а в нем — мелкие косточки грызуна. Существенных изменений в керамике не отмечено. В этом слое обнаружена монета группы «Сотер Мегас».

К третьему культурному слою (второй строительный горизонт) относятся остатки стены из сырцовых квадратных кирпичей (конец V—VII ярусов). Шурф прорезал стену в проходе, соединяющем два помещения. По обеим сторонам стены видны многочисленные зольные и гумусовые прослойки. В слое обнаружено много остеологических остатков и керамики. Наряду с красноглиняной керамикой в нем зафиксирована и сероглиняная, что не характерно для первого и второго слоев. Появляются бокалы вытянутой формы на небольшой ножке, уменьшается керамика со штампованным орнаментом.

В четвертом культурном слое VIII—IX ярусов (третий строительный горизонт) также обнаружены остатки стены из сырцового кирпича. Толщина ее —1,12 *м*. Слой насыщен гумусными прослой-

ками. Много керамики, преобладает форма колоколовидных бокалов на полой профилированной ножке. Чаши представлены двумя типами, отличающимися профилировкой венчиков: у первого типа венчики вогнуты внутрь, у второго — отогнуты наружу. В этом слое гораздо больше сероглиняной керамики: это стенки двуручных кувшинов, чаш, тарелок. На одной из чаш замечен штампованный орнамент в виде стилизованного изображения дерева. Среди других находок особого внимания заслуживает небольшой каменный со-

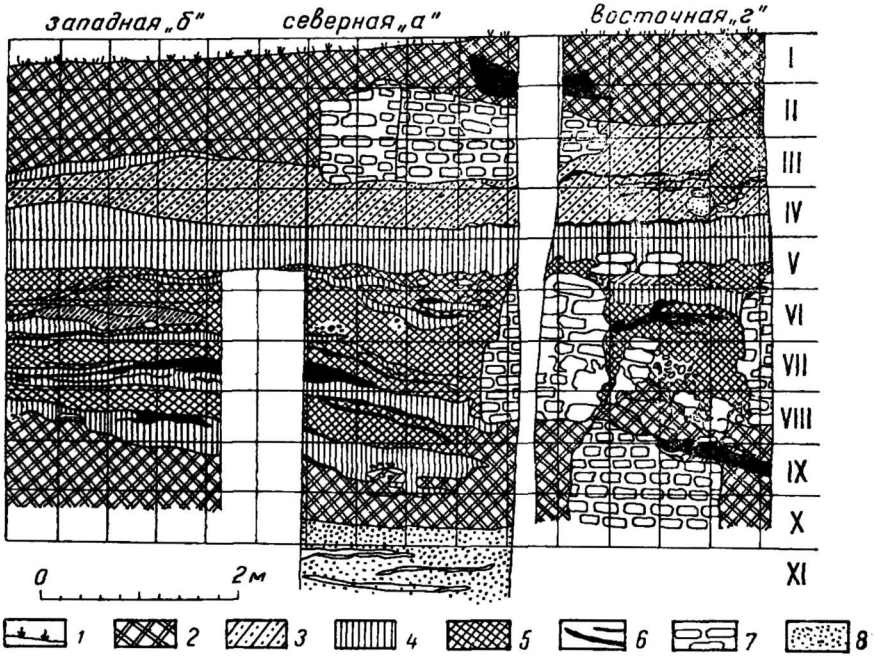

Рис. 18. Аккурган. Стратиграфический разрез шурфа.

1 — дерновый слой; *2* — земля с песком; *3* — плотная земля; *4* — земля средней плотности; *5* — земля темно-коричневого цвета; *6* — зольные и гумусные прослойки; *7* — кирпичная кладка; *8* — песок.

судик. Много каменных пряслиц. Этому слою соответствует третий строительный горизонт разреза, где был найден клад монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла.

К пятому культурному слою относятся конец IX—XI ярусы (четвертый строительный горизонт). Здесь остатки архитектуры не обнаружены. В середине X яруса проходит горизонтальная песчаная прослойка, ниже идет желто-коричневая плотная земля. В середине XI яруса отмечено три тонких горизонтальных прослойки темно-зеленого цвета. Находки в этом слое весьма незначительны. Таким образом, в результате стратиграфического изучения памятника установлено наличие мощных культурных слоев, указывающих на интенсивное обживание поселения.

Теперь перейдем к характеристике находок Аккургана. Из-за небольшой толщины культурного слоя верхнего строительного горизонта в помещениях комплексов сохранились в основном материалы, лежащие непосредственно на полу, что весьма важно для датировки находок и самих построек. В связи с этим следует отметить, что отсутствие капитальных перестроек в помещениях поселения, видимо, указывает на непродолжительность существования данных построек. Основные строительно-ремонтные работы, проведенные в период обживания помещений верхнего горизонта, связаны лишь с побелкой или штукатуркой помещений.

На поселении Аккурган найден богатый археологический материал, дающий представление о культуре, быте и занятиях жителей этого поселения в последний период его существования. Доминирующее положение среди материалов занимает керамика, отличающаяся большим разнообразием форм и совершенной техникой изготовления. Представленную керамику можно условно разделить на две группы: столовую и кухонную. Всего на поселении учтено 1374 экз. сосудов. При подсчете за единицу принимали венчик, донца, ручки, целые сосуды и использовали терминологию, принятую в Бактрийской экспедиции (Некрасова, 1974, с. 88—92). Керамические находки фиксировали по помещениям.

Основную (около 75%) массу находок составляет станковая столовая керамика. Обычно у нее тонкий, звонкий черепок розовато-красного цвета, полученного после обжига и покрытого различными оттенками красного и коричневатого ангоба. Большинство сосудов дополнительно покрывали сводчатым, сетчатым, полосчатым лощением. Нередко их украшали штампованным орнаментом (рис. 19), зооморфными и антропоморфными налепами. Из столовой посуды обнаружены кубкообразные чаши, чаши с характерным перегибом у венчика, полусферические чаши, столовые тагора, кувшины и горшки.

Чаши на Аккургане четырех типов. К первому относятся кубкообразные (37 фрагментов, около 3%) (табл. IX, *1—3;* табл. X, *33—38*). Для них характерен перегиб в средней части сосуда, в одних выраженный резко, в других — более плавно. Судя по целым формам, у всех была небольшая ножка со слегка заметным конусообразным выемом, в единичных случаях отмечены кубкообразные чаши на плоских ножках (табл. IX, *3*). Обычно кубкообразные чаши покрывали лишь ангобом с обеих сторон, в редких случаях поверх ангоба отмечено полосчатое лощение.

Второй тип (162 экз., около 12%) столовой посуды составляют чаши с характерным перегибом у венчика (табл. IX, *4—10*; табл. X, *1—13*). Как и у кубкообразных чаш, ножка у них с конусообразным выемом или просто плоская. В отличие от кубкообразных чаш у них большой диаметр —15—21 *см,* расстояние от венчика до перегиба в два раза меньше, более низкое. Кроме ангобирования, их часто украшали с внутренней стороны сетчатым, сводооб-

разным лощением (табл. X, *6, 7, 10—13*). Наружную сторону частично покрывали ангобом.

Третий тип (254 экз., 19%) образуют чаши с плоским донцем, плавно расширяющимися кверху стенками, образующими полусферическую форму (табл. IX, *11—27*; табл. X, *14—32*). Как правило, венчики их слегка вогнуты внутрь. Отмечены чаши и на небольшой

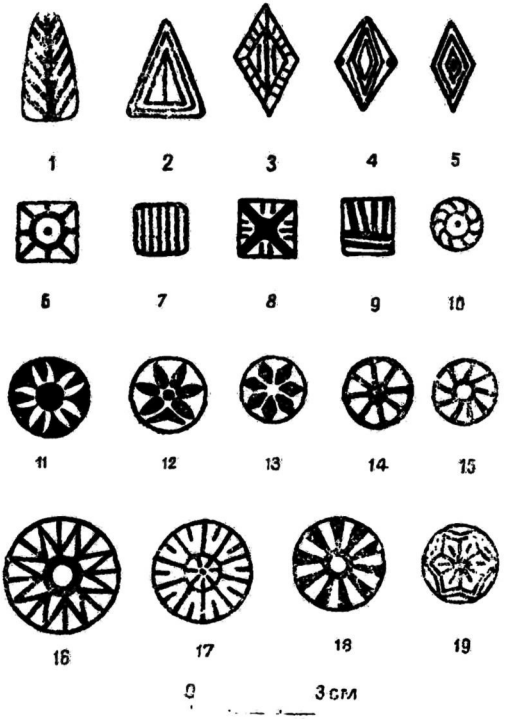

Рис. 19. Аккурган. Типы штампов.

ножке. Обычно чаши этого типа покрывали ангобом и лишь в единичных случаях с внутренней стороны украшали лощением (табл. X, *32*). Обнаружены чаши (9 шт.) с налепами в виде головы льва у венчика. Изображение львов сильно стилизовано, кроме одного налепа, где голова передана реалистично. Судя по одному экземпляру, обычно у каждой такой чаши было по три или четыре симметрично расположенных налепа (табл. X, *29;* рис. 20). У чаш четвертого типа — небольшая ножка, стенки округлые, венчики отогнуты наружу (табл. IX, *20—27*). Чаши этого типа покрывали только ангобом.

Столовых тагора на Аккургане обнаружено 217 экз., т. е. 15% всей столовой посуды (табл. XI). Они отличаются сильно раскинутыми стенками-бортиками, обычно имеющими сложную профилировку, зубчатыми налепами у венчика, выполнявшими функцию

ручки. Часто на венчике можно видеть специальную вертикальную витую ручку (табл. XI, *3, 10*); встречаются и гладкие ручки (табл. XI, *12*). Обычно столовые тагора богато орнаментированы концентрическими полосами, волнистыми процарапанными линиями, вдавлениями и полосами штампиков в виде стилизованного дерева. Нередко все виды орнаментации встречались в сочетании. Характерно, что украшали в основном внутреннюю часть зеркала тагора. Мастера очень умело выбирали место для орнаментов, подчеркивая конструктивные части тагора, в результате чего получали хорошую и красивую посуду. Среди столовых тагора найден экземпляр с налепом в виде обезьяны у края венчика (табл. XI, *8*). Внешний облик животного довольно реалистичен, глаза большие, круглые со зрачками в центре, рот слегка открыт.

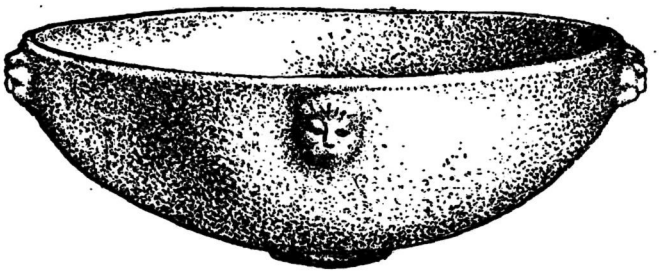

Рис. 20. Аккурган. Чаша с налепом в виде головы льва.

Кувшинов на поселении обнаружено 239 экз., что составляет 18% всей столовой посуды. Они разделены на четыре группы по объему: большие, средние и малые. Внутри каждая группа по форме и оформлению делится на ряд типов. К первой группе относятся большие (объем свыше 5 *л*) столовые кувшины с грушевидным туловом, двумя ручками у горловины и довольно плоским днищем (табл. XII, *16—17, 19*). Кувшины этой группы не всегда покрывали ангобом, часто его заменяли различными штампованными, преимущественно геометрическими орнаментами. Обычно им украшали шейку сосуда, а иногда и все тулово. Есть экземпляры, покрытые и ангобом и штампом. У кувшинов второй группы (1—3 *л*) ручка одна, форма тулова разнообразная (табл. XIII; *1—7*). Они менее нарядны и покрыты только ангобом. Характерно, что ангобом покрыта обычно верхняя часть сосуда, а нижняя (1/3), как правило, сохраняла цвет черепка. Найден единственный экземпляр сосуда с налепным изображением горного козла на тулове. Сосуд покрыт светло-коричневым ангобом. Обнаружен кувшин с налепом на ручке.

Интересен фрагмент стенки краснолощенного кувшина с налепом в виде горного козла-архара. Морда вытянута, рост передан линией, рога схематичны, носят следы пальцевых вдавлений, расположены по обеим сторонам морды и загнуты вниз.

К третьей группе относятся кувшины небольшого размера (0,5—1,5 *л*), отличающиеся обилием украшений: сетчатым горизонтальным и полосчатым лощением, разнообразными штампами и налепами (табл. XIII, *8—12*, *14—19*). На одном из таких кувшинов отмечен налеп в виде хищника или обезьяны. Уши животного заострены, надбровные дуги слегка моделированы, глаза круглые. Тулово кувшина покрыто сетчатым лощением. Заслуживает внимания небольшой эллипсовидный кувшин с широкой горловиной и двумя ручками, на верхнем изгибе которых прикреплены налепы в виде головы человека (рис. 21). Один налеп обращен в

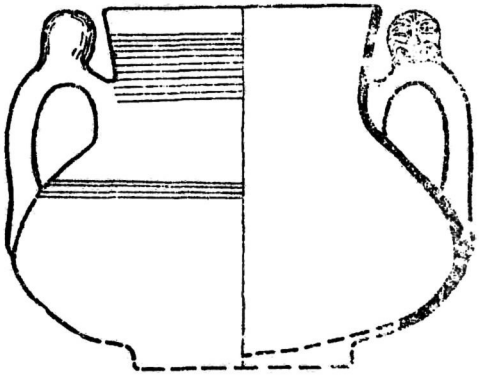

Рис. 21. Аккурган. Кувшин с налепом на ручке.

одну сторону, другой — в противоположную. Рельеф довольно глубокий. Лицо округлое с несколько искаженными пропорциями. Лоб покатый, с морщинами, нос ровный, длинный. Рот раскрыт, видны зубы. Глаза миндалевидные, с четким круглым зрачком в центре. Скорее всего, древний художник изобразил лицо человека со злобной, издевающейся усмешкой.

В эту же группу были включены кувшины, видимо, имитирующие металлические изделия. Особого внимания заслуживает длинный узкогорлый конусообразный кувшин на устойчивом профилированном пьедестале (табл. XIII, *3*). Стенки плавно сужаются к горловине. Ручка кувшина сохранилась частично. Черепок кувшина в изломе красный, покрыт шелушащимся красным ангобом и лощением. Не менее интересна и другая форма кувшина (табл. XIII, *18*). От кувшина сохранилась нижняя половина. Нижняя треть кувшина шестигранная, донце плоское, ручка сохранилась частично. Кувшин покрыт темно-красным ангобом и лощением. Третий кувшин — очень сложной формы (табл. XIV, *1—2*); с одной стороны он эллипсовидный, с другой — конусообразный. Горловина узкая, венчик слегка отогнут наружу, на шейке две петлеобразные ручки, ножка невысокая, плоская. Эта форма кувшина на поселении представлена двумя экземплярами. Второй кувшин

отличается от первого лишь размером (он несколько меньше). Все кувшины, имитирующие металлические изделия, бесспорно, изготовлены рукой искусного ремесленника-керамиста, очень умело и точно воспроизведшего в глине форму металлических изделий.

Особую группу составляют кувшины эноехевидной формы (табл. XIII, *13*). Найдено два целых сосуда. Один грушевидной формы, с довольно длинной горловиной, устойчивой ножкой и ручкой, другой — более приземистый, с одной ручкой, очень неуклюжий. По форме тулово напоминает эллипс. Оба сосуда покрыты красным шелушащимся ангобом.

На поселении обнаружено несколько ручек от кувшинов с налепами, изображающими животных. Одни из них отличаются реалистической передачей специфических черт, присущих тем или иным животным, другие — сильной стилизацией.

Горшки представлены очень небольшим (39 экз., 3%) количеством. Они с плоской ножкой, стенки плавно поднимаются вверх и заканчиваются венчиком, отогнутым наружу. У некоторых горшков есть ручки в виде головы животных (табл. XIV, *3*). Как обычно, горшки покрыты ангобом и лощением. Помимо ангоба и лощения, их часто украшали концентрическими, волнистыми процарапанными линиями и штампованным орнаментом. Как правило, штампованным орнаментом украшали верхнюю половину горшка (табл. XIV, *4, 5*).

Единственным экземпляром представлен фрагмент, видимо, горшкообразного сосуда, не имеющего аналогий. Сосуд изготовлен от руки. Черепок в изломе светло-коричневый, снаружи покрыт желтым ангобом и расписан черной краской. Орнамент состоит из горизонтальной линии, к которой снизу примыкает два ряда волнистых линий.

Интересен миниатюрный кувшинообразный, частично ангобированный сосудик; ангоб — красный. У горлышка сохранилось место от налепа, по обеим сторонам которого располагался штампованный орнамент. На штампе изображен человек со слегка приподнятыми вдоль туловища руками. В руках он держит длинный предмет, видимо, копье. Ручка сохранилась частично. На поселении найден налеп со штампованным изображением лошади в круглом контуре. Морда лошади сухощавая, удлиненная. Шея красиво выгнута. Ноги длинные и сильные. Художник изобразил лошадь в состоянии «парадного шествия».

Остальные формы столовой посуды составляют 5%. Сюда включены ножки и венчики бокалов. Ножки очень сложной профилировки, внутри они полые и устойчивые (табл. XIV, *14—17*).

Единственным экземпляров представлена крышка или же фрагмент не известного нам предмета, но связанного, видимо, с буддийским культом. С одной стороны поверхность его плоская, с другой — украшена нарезным рельефным изображением распустившегося многолепесткового цветка лотоса. Центральная часть оконтурена слегка моделированной линией. Первый ряд лепестков, окру-

жающих центральную часть, круглой формы, второй ряд — слегка овальный с углубленной линией по середине. Третий и четвертый, по форме аналогичны второму, но постепенно увеличиваются в размере. Фрагмент покрыт толстым слоем красно-коричневого ангоба.

Кухонной керамики (хумы, котлы, горшки, тагора и крышки) в три раза меньше (25%) столовой посуды, и она менее разнообразна. Почти вся керамика изготовлена от руки, только несколько котлов изготовлены на гончарном круге. Для кухонной керамики характерно наличие отощительных примесей в тесте.

Хумы на поселении найдены в очень большом (172 экз., 12%) количестве. Они крупные, изготовлены от руки. Часто в тесте отмечали поры от сгоревших органических веществ, используемых в качестве примесей для получения легкой посуды. Кроме органических веществ, в тесто добавляли отощители типа дробленного кварца или дресвы. На поселении обнаружены грушевидные и овальные хумы. Профилировка венчиков почти одинаковая — в виде валика (табл. XVI, *15—19*). Следует отметить, что у хумов с примесью дресвы профилировка иная — фигурная. На Аккургане такие хумы представлены восемью экземплярами (табл. XVI, *20—22*). Хумы лишены орнаментов, только в редких случаях на венчике заметны пальцевидные вдавления и по горловине волнистые линии.

Хумча на раскопе найдены в значительном количестве. Однако все они, кроме одного, представлены фрагментами венчиков (табл. XII, *8—13, 18, 20*). Почти у всех хумча мягко очерченная прямоугольная в сечении закраина с невысоким, но довольно широким горлом. Диаметр горловины — 18—23 *см*. Судя по сохранившейся форме, хумча грушевидные (табл. XII, *18*). Донце плоское, у горловины расположены круто выгнутые ручки, хотя большинство хумча, видимо, были без ручек. Плечи хумча нередко украшали прочерченной волнистой линией.

Котлы (3%) представлены двумя типами — шаровидными и эллипсовидными (табл. XV, *1—14*). Они изготовлены из глины с большой примесью дробленного кварца, шамота, в изломе виден темно-пепельный цвет. На котлах часто видны толстые слои копоти. Профилировка венчиков довольно несложная. Они прямые, слегка вдаются клювом вовнутрь. У плечика обычно находились ручки — горизонтальные в виде налепленного жгутика или подковообразные. Ниже ручки обычно проходил орнамент — овальные нарезные углубления, обрамляющие котел.

Из жаростойкой массы изготовляли и сосуды для кипячения жидкости (табл. XVI, *1—3*). Один из них цилиндрической формы, с ручкой и плоским донцем, второй — грушевидный, тоже с плоским донцем. На шейке видны подковообразные налепы по кругу.

Горшки (1,5%) изготовлены на гончарном круге, но относительно грубые, с низким широким горлом. Отмучка плоская, обжиг неравномерный, толстостенный (табл. XV, *15*). Диаметр сосуда — обычно 25—30 *см*. Горшки отличаются сильно отогнутым наружу венчиком и плоским донцем. У некоторых есть ручки. Орнамента-

ция горшков однообразна. Это в основном концентрические и процарапанные волнистые линии. В редких случаях их частично покрывали ангобом.

Тагора (39 экз., около 3%) — конической формы. От столовых тагора они отличаются довольно простой профилировкой стен (табл. XVII, *1—6*), толщиной и орнаментацией. Украшений на них почти нет.

Крышки (34 экз., около 2%) изготовлены от руки, очень массивные, в основном плоские с петлеобразной ручкой. Редко на них нанесен процарапанный орнамент.

Чиракдоны представлены двумя типами — прямоугольная и овальная формы резервуара (табл. XVI, 7—12). Они очень массивны и изготовлены от руки. Один из найденных экземпляров выполнен на гончарном круге. Форма резервуара круглая, ручка отсутствует.

На Аккургане найдено три курильницы. Первая изготовлена на гончарном круге из хорошо отмученной глины и ангобирована красным ангобом (табл. XIV, *31*). Тулово-подставка курильницы конусообразное в сечении, полое, без дна. В нижней части подставки проходят три глубокие концентрические линии. Чаша курильницы открытой формы с развернутым венчиком наружу. Орнаментирована двумя углубленными концентрическими линиями. Несмотря на бедность орнамента, профилировка стенок придает курильнице очень нарядный вид.

Вторая курильница изготовлена от руки (табл. XIV, *33*). Сохранилась только тулово-подставка цилиндрической формы. Стенки курильницы очень массивные. С трех сторон подставки на одинаковом расстоянии, но на разной высоте отмечено три треугольных прорезанных оконца. Выше них проходят три волнистые процарапанные линии. Третья курильница (табл. XIV, *32*) также изготовлена от руки. Она очень массивная и лишена орнамента. В чаше курильницы сохранился толстый слой сгустившегося пепла.

Не менее интересны изготовленные от руки многорезервуарные (четыре, пять, шесть) круглые светильники (табл. XVII, *13—14*). Обычно центральный резервуар — круглый. В некоторых из них отмечены следы копоти.

Как мы уже упоминали, в траншее на уровне третьего строительного горизонта найдено несколько целых сосудов. Обнаружено три поильника (табл. XVIII, *5—6*), у которых носики расположены чуть ниже горловины. Диаметр отверстия — около 3 *мм*. Форма поильников грушевидная, донце плоское. Все они частично ангобированы красной краской; нижняя треть тулова обычно лишена ангоба.

Особенно интересны небольшие сосуды эллипсовидной формы с двумя налепными ручками в виде шишек с отверстиями. Ножка невысокая, плоская.

Единственным экземпляром представлена «солонка» (табл. XVIII, *9*). Форма головки — коническая с 17 отверстиями диа-

метром 2 *мм*. Тулово «солонки» грушевидное. На тулове, ниже головки, отмечено еще одно отверстие диаметром 7 *мм*. Донце плоское, изготовлено отдельно, потом соединено. Обе части очень гладко притерты друг к другу. До места соединения сосуд покрыт красным ангобом.

Кроме упомянутых сосудов, здесь найдены ножки бокалов (табл. XVIII, *10—12*), широкие, устойчиво профилированные, полые внутри. Резервуар бокалов, судя по венчикам, был колоколовидным.

Поселение Аккурган дало богатый нумизматический материал: на поселении обнаружено 152 монеты, из них 62 экз. чеканены кушанскими царями. Здесь представлены монеты почти всех кушанских царей, но преобладают монеты последнего кушанского царя Васудевы и подражания его эмиссиям. Монеты кушанских царей сохранились довольно хорошо, чего нельзя сказать о монетах со стертым изображением, называемых на основании размера и фактуры кушано-сасанидскими. Всего здесь обнаружено 83 экз. монет этого типа. Кроме того, на поселении зафиксирован клад, состоящий из 7 монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла.

Для химической консервации отдано 80 монет более или менее хорошей сохранности. К сожалению, во время консервации часть монет рассыпалась, у многих не удалось выявить изображение и лишь на 36 монетах можно увидеть изображение. Здесь мы приводим общее описание монеты каждого правителя, чекан которого представлен на Аккургане*.

Монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. Аверс — бюст государя вправо, лицо полноватое, лоб широкий, губы слегка выпуклые, подбородок округлый. Волосы государя перетянуты двойной диадемой с ниспадающими позади концами. Плечи задрапированы плащом. Ободок из чередующихся точек и черточек. Реверс — фигура стоящего Зевса. Ноги Зевса слегка раздвинуты в стороны. В правой опущенной руке — связка молний, левая приподнята вверх. Одежда плотная, до колен, на ногах сапожки с широкими отворотами. Следы легенды — греческими буквами, справа — ΒΑΣΙΛΕΟΣ, слева — ΗΛΙΟΚΛΕΟΥΣ, внизу — ΔΙΚΑΙΟΥ. Второй тип этих монет при сходном аверсе отличается изображением на реверсе, где вместо обычного Зевса представлена лошадь влево, легенда та же.

По метрическим показателям и типу монеты кушанских царей относятся к числу традиционных массовых эмиссий (Gardner, 1886; Smith, 1906). Все они чеканены из меди. Монеты Куджула Кадфиза (2 экз.) представлены монетами группы «Сотер Мегас». Аверс — задрапированный бюст государя в диадеме вправо в головном уборе в виде колпака, со скипетром в правой приподнятой руке. Позади головы трехзубчатая над кружком с перекрестием тамга.

---

* Монетам Аккургана будет посвящена специальная работа, поэтому здесь мы ограничимся лишь общим описанием.

Реверс — государь на коне вправо с боевым клевцом в вытянутой правой руке, с развевающимися за спиной лентами. Справа, в поле перед конем, тамга аналогичная той, что на аверсе. Кругом следы греческой легенды — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΩΤΕΡ ΜΕΓΑΣ.

Монета, чеканенная Вима Кадфизом на Аккургане, представлена одним экземпляром (рис. 22). Аверс — стоящая фигура государя в высоком головном уборе и диадеме с развевающимися лентами, в широком кафтане, голова обращена влево, правая рука над алтарем, левая у бедра, на ногах сапожки. Реверс — фигура Шивы,

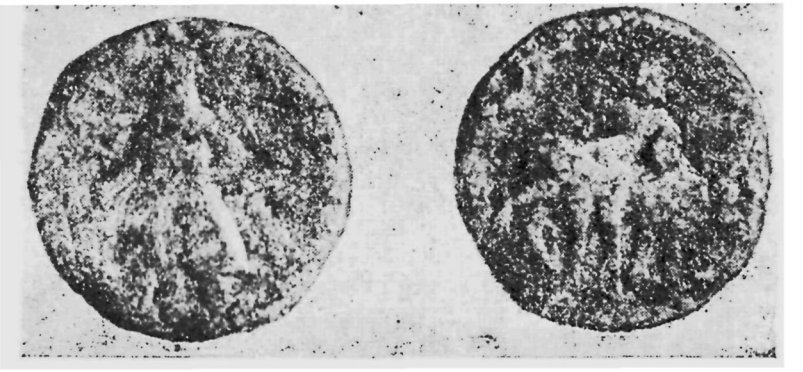

Рис. 22. Аккурган. Монета кушанского царя Вимы Кадфиза.

стоящего перед горбатым быком Нанды, обращенным вправо. Правая рука Шивы приподнята вверх и, видимо, держит трезубец, локтем левой руки опирается на быка.

Канишка. Аверс — государь в широком кафтане и высоком головном уборе стоит прямо, голова повернута влево, правая рука над алтарем, полусогнутой левой рукой опирается на копье. Реверс — фигура стоящего божества в длинном кафтане, голова в нимбе, полусогнутая правая рука протянута вперед, левая согнута у бедра.

Хувишка. Аверс — силуэт фигуры государя, полувозлежащего на тахте с гнутыми ножками. Реверс — фигура стоящего божества лицом влево, голова в нимбе, правая рука вытянута вперед, левая — у пояса. Справа в поле следы букв.

Монеты Васудевы I принадлежат к традиционному типу. Аверс — фигура стоящего государя в панцире, лицо обращено влево, правая рука над жертвенником, левой опирается на трезубец. Реверс — фигура стоящего Шивы, с трезубцем в левой руке, позади бык, повернутый влево.

Васудева II. Аверс — фигура стоящего государя в кафтане с широкими рукавами, руки раздвинуты. Изображение государя передано схематично. Реверс — фигура сидящего божества на троне.

Статуэтки. Благодаря найденным терракотовым статуэткам мы получили определенное представление о религиозных воззрениях и духовном богатстве жителей поселения, так как все статуэтки независимо от характера (зооморфный или антропоморфный) носят отпечатки религиозных и эстетических представлений своего вре-

Рис. 23. Аккурган. Терракотовая статуэтка Будды.

мени. На Аккургане обнаружены довольно оригинальные и разнообразные по сюжету терракотовые статуэтки. Их можно разделить на две группы: антропоморфные и зооморфные.

К первой группе относится шесть статуэток. Прежде всего это изображение Будды (рис. 23). Фигура выполнена в горельефе. Глина светло-коричневая, без примесей, покрыта красно-оранжевым ангобом. Будда изображен в полуовальной нише. Он сидит, скрестив ноги, колени слегка раздвинуты. Композиция фигуры по-

строена 1 на 1, т. е. ширина плеч почти равна ширине коленей. Голова большая, лицо продолговатое, полное. Глаза узкие, удлиненные, нос довольно большой. Рот затерт. Уши с продолговатыми мочками. Лоб высокий. Волосы гладкие, уложены надо лбом. Фигура облачена в складчатую одежду, целиком закрывающую тело Будды. Вокруг шеи материя ложится овальной складкой, ниже груди — треугольной складкой и падает у запястья двумя рельефно выделяющимися складками. Основание фигуры плоское. Оборотная сторона статуэтки овальная. Иконографический тип Будды аналогичен монументальным скульптурам, известным на территории Бактрии и Индии. Будда сидит в позе «размышления», характерной для коропластики Бактрии (Мешкерис, 1969, с. 135). Однако в отличие от известных нам статуэток, аккурганская выполнена в горельефе. Плоское основание указывает на то, что Будда стоял в настенной нише.

Терракотовая статуэтка музыкантши (рис. 24, *1*) изготовлена из красновато-розовой глины. Ангоб красный. Рельеф неглубокий. Оборотная сторона статуэтки — плоская с боками, подрезанными ножом. Статуэтка изображает женщину, играющую на четырехструнном инструменте. Лицо округлое, полное, с покатым лбом. Глаза миндалевидные, зрачки такого же очертания. Нос и рот сильно затерты. В ушах массивные серьги. Волосы уложены прядями. На голове какой-то высокий убор, напоминающий кокошник. Шея женщины полная, на шее ожерелье. Плечи широкие, грудь высокая. На груди висит большая круглая бляшка. Руки переданы условно. Правой рукой музыкантша перебирает струны, левой держит головку инструмента. Женщина одета в платье. Ниже талии оно ниспадает почти вертикальными струящимися складками до пяток, которые переданы очень схематично. Она, видимо, сидит, о чем свидетельствуют две слегка моделированные выпуклости колен, выделяющиеся сквозь платье. Данная статуэтка не находит прямых аналогий в коропластике Средней Азии, в частности и в самой Бактрии. Однако отдельные черты лица аккурганской статуэтки схожи с чертами лица статуэтки из Культепа (Пугаченкова, 1973е, стр. 109). Ранее терракотовые статуэтки женщины-музыкантши здесь были хорошо известны. Считают, что в Бактрии основными исполнителями на музыкальных инструментах были женщины (Пугаченкова, 1974, с. 132). В известных терракотах женщины изображены играющими в основном на арфе и лютне. Музыкальный инструмент, аналогичный аккурганскому, в коропластике Бактрии еще не отмечали. Однако похожий на него инструмент изображен на Айртамской фризе (М. Массон, 1935, с. 129—134). Эти находки весьма важны для изучения истории музыкальной культуры Бактрии кушанского времени. В соседнем Согде терракотовые статуэтки женщины-музыкантши найдены в значительно большем количестве. Однако там они изображены играющими на арфах и флейтах (Мешкерис, 1962, с. 26—28).

Статуэтка женщины (рис. 24, *2*) имеет коричневый черепок и красно-коричневый ангоб. Рельеф неглубокий. Голова статуэтки утрачена. Сохранившаяся часть — прямоугольная, высота — 9,2 *см*, ширина верхней части статуэтки — 4,7, нижней — 3,7 *см*. Оборот-

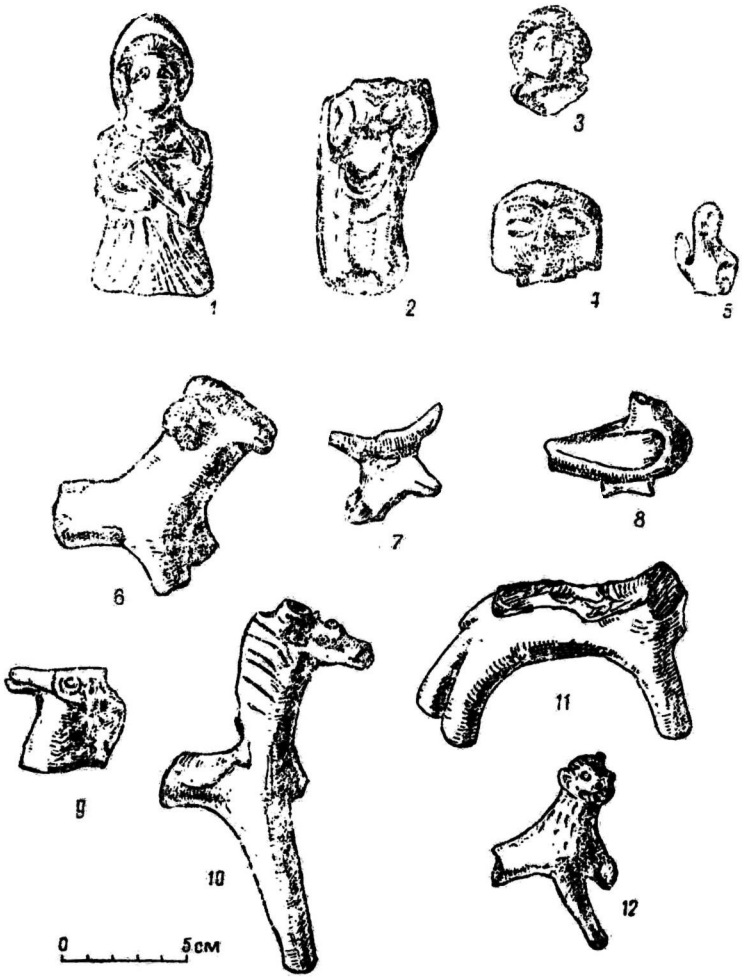

Рис. 24. Аккурган. Терракотовые статуэтки.

ная сторона статуэтки овалообразная с вмятинами. Изображение женщины трактовано условно, однако заметна попытка реалистического воспроизведения отдельных черт. На шее ожерелье. Грудь пышная, несколько отвислая. Левой рукой женщина поддерживает грудь, правая прижата к плечу. Руки переданы условно. Массивный живот и ровная талия указывают на состояние беременности.

Фигура одета в платье с накидкой. На ногах сапоги. На статуэтке изображена богиня плодородия. Данная статуэтка также не находит прямых аналогий. По иконографическим признакам она похожа на согдийских богинь плодородия, хотя отличается от них некоторыми деталями, обычно у согдийских богинь правая рука при-

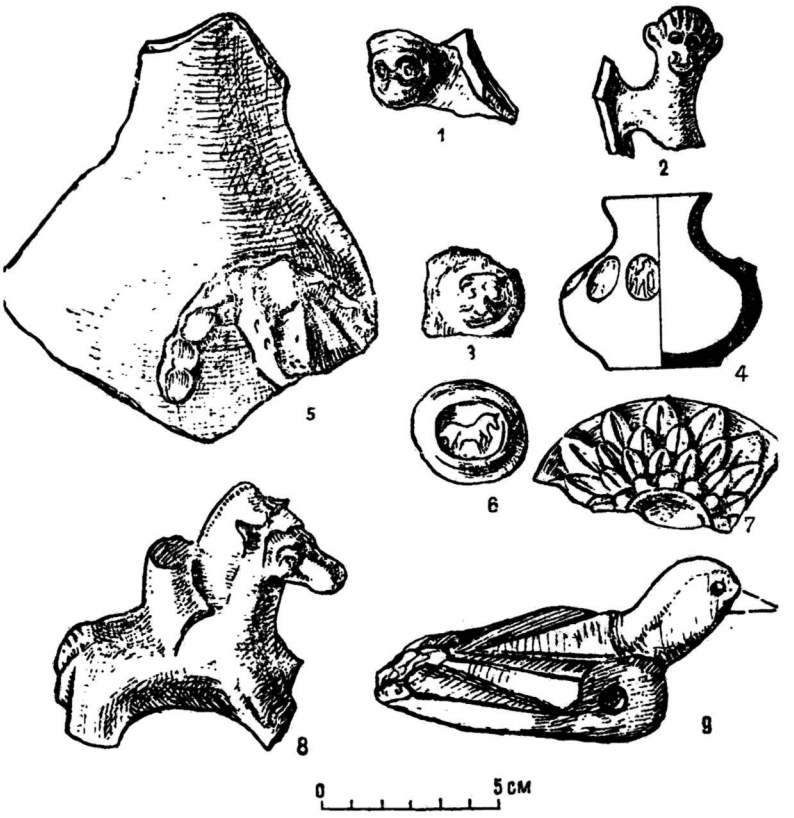

Рис. 25. Аккурган. Терракотовые статуэтки.

жата к груди, левая — у лона и, как правило, с атрибутами (Мешкерис, 1962, с. 28; 1968, с. 5).

Голова богини (рис. 24, *3*). Лицо широкое, почти квадратное, с покатым лбом, округлым подбородком и полными щеками. Шея массивная, брови дугообразные. Нос длинный, прямой, глаза большие, чуть миндалевидные, со слегка моделированными зрачками. Рот затерт, волосы подняты вверх и окружают лицо густым витым валиком с пробором посередине. На голове головной убор в виде колпака. Лицо богини очень субстильное.

Голова другой статуэтки изготовлена из зеленоватой глины и побелена (рис. 24, *4*). Лицо округлое, почти квадратное. Нос пря-

мой, длинный. Глаза большие, слегка миндалевидные. Дугообразные тонкие, моделированные брови сходятся на переносице.

Найдена схематическая фигурка человека. Судя по характеру изготовления, она не является продуктом ремесленника-коропласта. Все черты человеческого лица и тела переданы условно.

Зооморфные статуэтки. Многие статуэтки этой группы необычайно реалистичны, эмоционально подвижны, переданы в поворотах и живом движении.

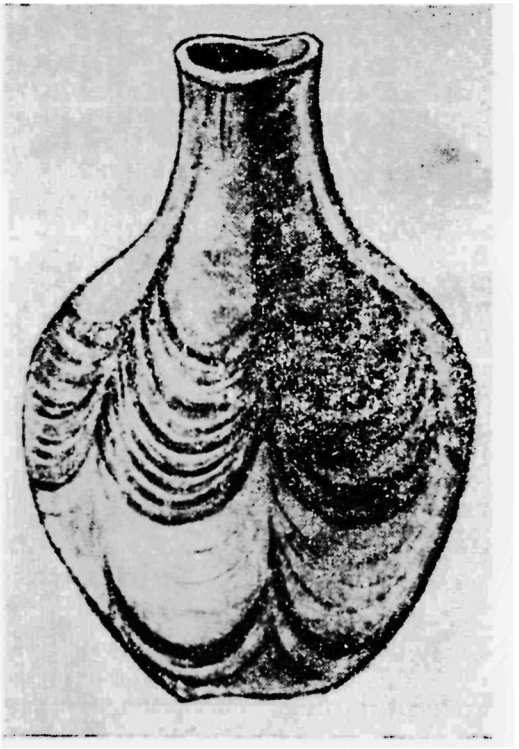

Рис. 26. Аккурган. Сосудик.

Статуэтка лошади (рис. 24, *10*) выполнена от руки. Тесто красновато-розовое. Задняя половина статуэтки отсутствует. Лошадь выполнена в полном объеме. Отдельные черты животного переданы очень четко. Морда сухощавая, удлиненная, с приоткрытым ртом и слегка раздутыми ноздрями, повернута вправо. Глаза лошади переданы довольно схематично. Они большие и круглые, со зрачком в центре в виде небольшой вмятины. Шея длинная и прямая. Уши сбиты. Между ушами видна овальная холка. Грива вдоль шеи подстрижена невысоким вертикальным гребнем. Нога прямая, длинная, отодвинута в сторону для устойчивости. Шея и морда лошади окрашены толстым слоем темно-коричневого ангоба, остальная часть сохраняет цвет черепка.

От статуэтки всадника (рис. 25, *8*) сохранилась нижняя половина, переданная условно. Ноги лошади сбиты. Голова и шея выполнены в круглом объеме. Статуэтка сделана от руки в очень обобщенной манере. Видимо, мастер не старался передать характерные черты лошади. Одно ухо отбито, второе заострено. Морда утяжеленная. Глаза переданы небольшими круглыми налепами. Вдоль шеи грива подстрижена острым высоким ровным гребнем с загибом надо лбом тремя слегка ниспадающими прядями. Хвост очень короткий. Статуэтка не покрыта ангобом.

У статуэтки лошади (рис. 24, *11*) сохранились туловище и три ноги. Статуэтка очень массивная. Ноги прямые, короткие.

На следующей статуэтке морда лошади слегка вытянута, рот слегка раскрыт, глаза вырезаны, уши не сохранились. Шея длинная. Грива подстрижена у шеи ровным гребнем, с загибом надо лбом. Лошадь передана в движении, о чем свидетельствуют напряженная мускулистая фигура и вытянутая шея. Ноги отбиты. Статуэтка покрыта красно-коричневым ангобом.

Голова лошади (рис. 24, *9*). Черепок розового цвета. Шея довольно массивная. Морда широкая. Глаза налепные, круглые и

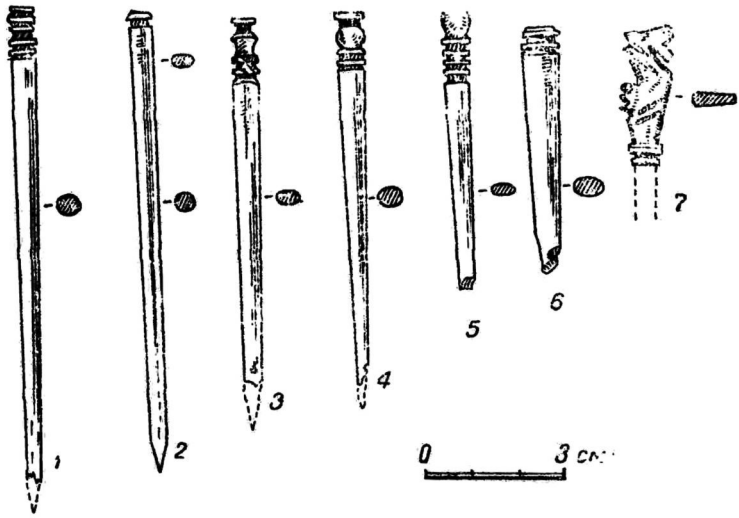

Рис. 27. Аккурган. Костяные булавки.

большие, со зрачками в центре. Рот открыт, что говорит о наличии удил. Ноздри слегка раздуты. Грива подстрижена ровным острым гребнем. Набор уздечек передан процарапанной линией. Статуэтка окрашена в красно-коричневый ангоб. Лошадь, по-видимому, изображена в момент резкой остановки, о чем свидетельствует характерный рисунок нижней губы. Аккурганские терракотовые статуэтки лошадей с насаженными на них всадниками очень сходны с аналогичными по характеру статуэтками Бактрии и соседних ей стран.

Статуэтка барана сохранилась плохо (рис. 24, *6*). Морда и шея (довольно массивная и длинная) выполнены в объеме. Один глаз передан небольшим круглым налепом. Рот раскрыт. Рога закруглены в сторону морды. Морда большая, окрашена красным ангобом. Шея и, видимо, остальная часть туловища окрашены коричневым ангобом.

Голова оленя (рис. 24, *7*). Шея длинная, морда удлиненная, глаза и рот переданы процарапанной линией. Рога круглые, слегка приподняты вверх. На рогах — налеп. Лицевая сторона налепа заштрихована. Шея передана с напряженной мускулатурой.

Голубь (рис. 24, *8*). Тесто розоватое. Голова и часть хвоста утрачены. Статуэтка дана в полном объеме. Шея птицы довольно крупная. Грудь широкая. Крылья прижаты к корпусу. Они изготовлены отдельно, прикреплены к тулову, швы тщательно сглажены. Ноги условные, переданы прямоугольной плиточкой с небольшим углублением в середине. Ноги изготовлены отдельно, затем прикреплены к туловищу.

Птица (рис. 25, 9) вырезана из ганча. Все детали переданы очень условно. Клюв и хвост утрачены. Глаза круглые, углубленные. На тулове с двух сторон отмечено круглое отверстие.

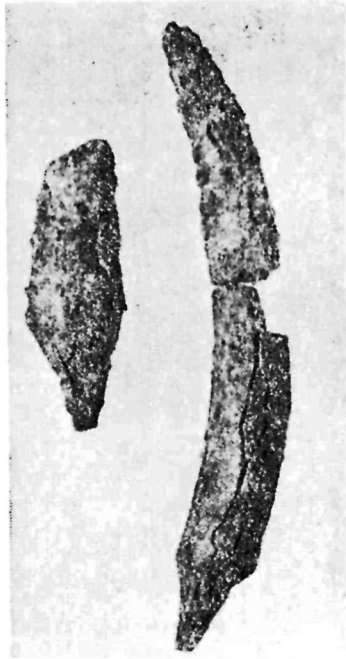

Рис. 28. Аккурган. Железный нож и серп.

Терракотовая статуэтка леопарда (рис. 24, *12*) имеет красновато-розовый черепок и покрыта красным ангобом. Задняя половина туловища и одна передняя лапа хищника утрачены. Леопард сидит, опираясь на передние лапы. Морда хищника круглая, с большой открытой пастью. Уши заострены. Глаза окантурены процарапанной линией. Ноздри слегка раздуты. Зубы острые, большие. Между зубами свисает длинный язык. Пятнистая шкура хищника передана небольшими продолговатыми углублениями. Шея массивная, грудь большая, напряженная, нога прямая, когти изображены условно. В целом хищник передан в состоянии наслаждения, полученного после сытного обеда. Насколько нам известно, образы барана, оленя, голубя и леопарда на терракоте в Бактрии встречены впервые. Ранее образы барана и леопарда отмечали в виде налепов на ручках сосудов (Пугаченкова, 1973*е*, с. 125; Мухитдинов, 1973*а*, с. 30). Предполагается, что они появились в Бактрии в результате вторжения северных этнических групп и особенно носителей так называемой каунчинской культуры (Пугаченкова, 1973*е*, с. 125).

Одним экземпляром представлены бронзовая ложка и половник (табл. XIX, *20*). У ложки — листовидная чаша и витая ручка, у половника — полушаровая чаша с подтреугольным в сечении венчиком. У половника ручка длинная, к кончику которой припаяно круглое колечко для подвешивания половника, у чаши — прямоугольная, на конце квадратная.

Заслуживают внимания и украшения Аккургана. Здесь найдено бронзовое кольцо (диаметр 19 *мм*) с глазком из темно-корич-

невого сердолика в центре (табл. XIX, *14*). Кусочек глазка отлетел. На поселении найдено еще два кольца и одна серьга, которые, к сожалению, дошли до нас в очень фрагментированном

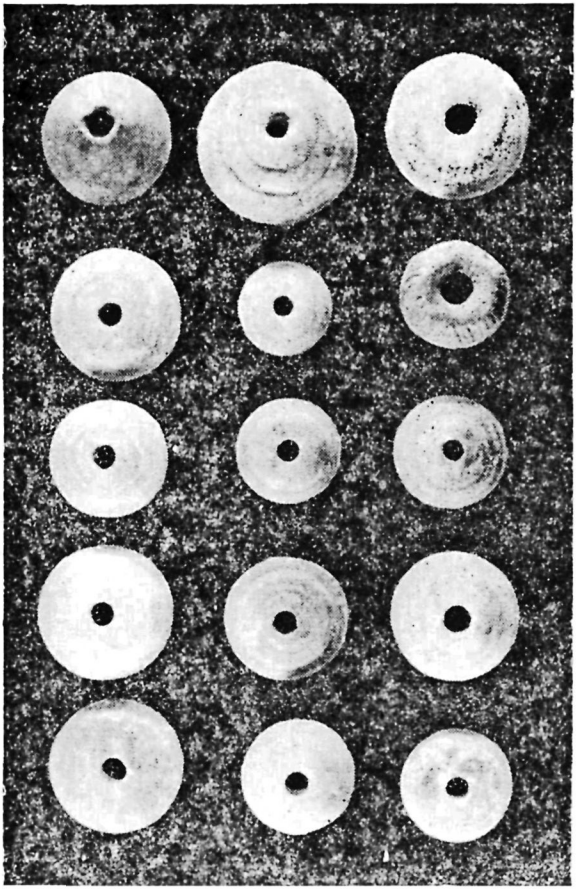

Рис. 29. Каменные и керамические пряслица.

виде. Единственным экземпляром представлен сосудик из тыквы. Он — грушевидной формы, расписан красной краской (рис. 26).

На поселении обнаружено довольно большое количество бус (табл. XIX, *2—10, 24*). Они различаются по фактуре, форме и размеру. Преобладают пастовые бусы цилиндрической формы. Обнаружены сердоликовые и стеклянные бусы. Одним экземпляром представлена стеклянная пуговица (табл. XIX, *1*). Особого внимания заслуживают костяные булавки (рис. 27). Обычно один конец этих булавок украшали нарезным орнаментом.

Кроме упомянутых находок, на поселении найдены железные

ножи, серпы и наконечники стрел (табл. XIX, *11—12, 19—23*). Наконечники сохранились очень плохо, поэтому трудно говорить об их форме. Лишь один из них, бесспорно, трехгранной формы. Ножи имеют форму длинной пластинки, сужающейся к концу с отогнутым вверх лезвием, а серпы — вогнутую внутрь со стороны лезвия (рис. 28). Двумя экземплярами представлены бронзовые ромбовидные перекрестья от кинжала (табл. XIX, *17—18*).

В Аккургане найдены и стеклянные изделия, к сожалению, только во фрагментарном виде. Это стенки флакончиков и миниатюрных бутылеобразных сосудов. Качество стеклянных изделий довольно низкое, что, видимо, говорит о недавнем появлении этого вида ремесла. Стеклянные изделия Аккургана изготовлены только из голубого стекла.

Рис. 30. Аккурган. Золотые серьги.

На поселении обнаружено более 30 зернотерок целых и очень много обломков от них. Не уступают им по количеству находок и жернова. Среди каменных изделий доминируют пряслица (рис. 29): их на раскопе найдено около 200 экз. Все они различны по размеру и форме. Профилировка каменных пряслиц свидетельствует о большом внимании, которое уделял мастер-каменотес их изготовлению. Найдены также и глиняные пряслица.

Грузила в основном керамические, обычно пирамидальной формы. Нередки грузила эллипсоидных форм (необожженные).

Были найдены золотые серьги, которые, однако, не связаны с материалами верхнего строительного горизонта. Их нашли в погребении, датируемом XIII—XIV вв. (рис. 30). Обе серьги одинаковые. Они изготовлены с большим мастерством и очень субтильны. Каждая серьга состоит из пяти шаров, полых внутри, диаметром 7 *мм*. Они расположены в таком порядке: к стержню припаян один шарик, снизу к нему припаяны три шарика треугольником, а под ними в центре находится еще один шарик. Все шарики по диаметру обкручены двумя тонкими витыми золотыми проволоками. Шарики в средней части серьги имели по одной небольшой петле. Они расположены горизонтально. Петля нижнего шарика опущена вниз. К верхней части стержня припаян небольшой отросток с отверстием на конце. Серьги сильно затерты, что, видимо, свидетельствует о продолжительном ношении их.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Как известно, вопрос хронологического положения кушанских памятников весьма дискуссионен. По нашему мнению, в первую очередь по материалам археологии необходимо разработать вопросы относительной хронологии, базирующейся на четких стратиграфических наблюдениях. Работа в этом направлении была начата еще М. М. Дьяконовым, предложившим пятичленную схему Кобадиан I—V (Дьяконов, 1953, с. 253—293). Большое значение имеют стратиграфические раскопки на городище Яван (Т. Зеймаль, 1969). Г. А. Пугаченкова, основываясь на материалах Дальверзинтепа, предложила трехчленное деление кушанских комплексов на юечжийско-кушанские, великокушанские и позднекушанские (Пугаченкова, 1971 *б*, с. 188). Такое деление подтверждается стратиграфическими раскопками на городище Зартепа, проведенными Бактрийской экспедицией в 1974 г. Здесь в стратиграфическом шурфе, где мощность культурных напластований достигает 5 *м*, выявлено девять культурных горизонтов. Из них два нижних, как показывает анализ керамического материала, можно отнести к одному периоду. Для этих слоев характерны цилиндроконические кубки на ножке и небольшом поддоне, бокалы колоколовидной и рюмкообразной формы, чаши с вогнутым внутрь венчиком и кувшины. Однако, кроме указанных характерных форм керамической продукции, в этих слоях найдены тарелки, светильники, столовые тагора, тагора кухонные, фрагменты котлов, крышек хумов. Сероглиняная керамика представлена единичными экземплярами, это в основном чаши конусообразной формы.

Сопоставление материалов четырех последующих слоев дает основание отнести их к одному периоду. Для них характерны бокалы на высоких профилированных ножках, кубки на массивных ножках с толстыми стенками, чаши с вогнутым и отогнутым наружу краем, кувшины, столовые тагора, появляются чаши с характерным перегибом у венчика. Увеличивается количество сероглиняной керамики. Однако ассортимент форм тот же, что и в

предшествующем периоде. Кухонная посуда почти не претерпела изменений. В этих слоях цилиндроконические кубки уже единичны.

Анализ материалов трех последних слоев шурфа позволяет отнести их к одному периоду. Для этих слоев характерны кубкообразные чаши, чаши с характерным перегибом у венчика, полусферические чаши, столовые тагора, кувшины, преимущественно одноручные. Кроме этих характерных форм здесь в большом количестве представлены горшки, фрагменты хумов, котлов, крышек, тагоров и др. Эти три периода мы условно назвали раннекушанскими, среднекушанскими и позднекушанскими. Наше трехчленное деление отличается от деления Г. А. Пугаченковой лишь терминологией и частично хронологическим расхождением. Аналогичные наблюдения сделаны и при изучении оборонительных сооружений городища, в истории которых выделяется четыре строительных периода. Материалы нижнего периода идентичны материалам двух нижних слоев шурфа, что позволяет говорить об их синхронности. Два последующих периода обживания стены можно синхронизировать с четырьмя последующими слоями шурфа. Причем во втором периоде максимально увеличиваются крепостные стены, расцветает город, что исторически, видимо, связано со временем правления кушанского царя Канишки. Последний период по керамическому материалу синхронизируется с материалами трех последних слоев шурфа, отнесенных к позднекушанскому периоду.

Материалы стратиграфического раскопа на цитадели Старого Термеза, проведенные в 1973 г. группой под руководством В. А. Козловского, также подтверждают трехчленное деление. Здесь зафиксировано пять строительных периодов. В результате изучения материалов двух нижних слоев установлена их идентичность. Для них характерны те же формы керамики, что и на Зартепа из слоев, отнесенных к раннекушанскому периоду. Материалы последующих двух слоев синхронизируются с материалами Зартепа, датированными среднекушанским периодом, а материалы последнего, пятого, строительного горизонта — с материалами Зартепа позднекушанского периода. Стратиграфические шурфы, заложенные на 11 поселениях Сурхандарьинской области, также подтвердили намеченную последовательность комплексов. Ориентируясь по этим трем хронологическим группам и другим материалам, можно определить относительную хронологию и наших комплексов.

Синхронизация комплексов и относительная хронология верхнего слоя Мирзакултепа и Аккургана

Для синхронизации комплекса Мирзакултепа имеют значение следующие формы: цилиндроконические кубки, бокалы, чаши, тарелки, одноручные кувшины, столовые тагора, наличие

которых в тех или иных памятниках будет указывать на их одновременность. В качестве косвенных данных мы использовали такие приемы и мотивы украшений, как ангоб, частичное покрытие кубков, штампы в виде стилизованного дерева, свастики, стрелы и трехлучевого вихревого знака, процарапанные орнаменты (табл. XX). В результате анализа керамики по указанным признакам установлено, что мирзакултепинская керамика наиболее близка керамике в комплексах Северной Бактрии. Так, керамика, близкая мирзакултепинской, в большом количестве представлена в Тулхарском могильнике (Мандельштам, 1966), в Айртамском могильнике и в самом городище (Тургунов, 1973, с. 68—75; 1974, с. 15), в слое Кобадиан II—III (Дьяконов, 1953, с. 282—288), в нижних слоях Каменного городища (Мандельштам, 1966, с. 147—148), в стратиграфическом уровне III—IV Халчаяна, датируемого II—I вв. до н. э. (Пугаченкова, 1966*а*, с. 38—43). Мирзакултепинская керамика перекликается с керамикой первого и второго периодов Термеза, седьмого и восьмого слоев Зартепа и с посудой юечжийско-кушанского времени на городище Дальверзинтепа (Пугаченкова, 1971 *б*, с. 188—190).

Вместе с тем керамика Мирзакултепа несколько отличается от других, что указывает на наличие местных специфических черт. Однако эти различия сводятся в основном к отдельным деталям и элементам (фактура, процентное соотношение тех или иных форм, иногда форма и декор). Так, в Мирзакултепа сероглиняная керамика представлена довольно большим количеством, а на Яванском городище не встречается. Здесь следует отметить некоторое несоответствие вывода Б. Тургунова с реальной картиной. Г. А. Пугаченкова (1971 *б*, с. 193—194) и Б. Тургунов (1974, с. 15) считают, что для Айртама, как и для всего Термезского района, сероглиняная керамика не характерна. Исследования, проведенные в Старом Термезе В. А. Козловским, и наши исследования на Мирзакултепа опровергают такое заключение.

На Мирзакултепа тарелки с клювовидным венчиком представлены тремя экземплярами, аналогичные же тарелки в слое I—II Термезского городища, некрополе Дальверзинтепа и в самом городище отмечены в большом количестве. Однако в Мирзакултепа много столовых тагора. Эти отличия, видимо, объясняются относительной разницей во времени.

В Южной Бактрии керамика, аналогичная мирзакултепинской, представлена в слое Балх II (Gardin, 1957, p. 18—30, pl. III), Ай-Ханум (Gardin, 1973, pl. 113—143), Шахри Бану (Carl, 1959), Дальверзине, Емшитепа (Кругликова, Сарианиди, 1971, с. 162—177) и в других памятниках. Однако и между ними существуют несущественные различия, в частности открытые формы, т. е. для чаш и тарелок Ай-Ханум характерен кольцеобразный поддон, а для мирзакултепинских плоский или едва заметный конусообразный выем. На Шахри Бану набор штампованных

и процарапанных орнаментов богаче, чем на Мирзакултепа (Carl, 1959, p. 65).

Как мы уже отмечали, на Мирзакултепа обнаружены штампованные орнаменты в виде стилизованного изображения дерева, свастики, стрелы и трехлучевого вихревого знака. Штампы в виде стилизованного дерева считаются наиболее характерными для Бактрии. Трехлучевые вихревые знаки также свойственны керамике раннего периода. Оба вида орнамента украшали, в основном, зеркала чаш — характерную для раннекушанского времени керамическую форму со штампованным орнаментом. Очень редко находили штампы в виде стрелы. Они известны по материалам Халчаяна (Пугаченкова, 1966*а*, с. 52), Шахри Бану (Carl, 1959, p. 65, fig. 1,6) и некоторых других памятников. Изображение свастики также редко для Бактрии (Вязьмитина, 1945б, с. 51).

Значительные разногласия вызывает вопрос о времени появления штампованного орнамента на керамике Бактрии. Почти все исследователи, писавшие о нем до 1957 г., считают датой его появления конец II—начало III в. н. э. (Ghirshman, 1946, *pl.* XXXVIII, XLIX, L; Gardin, 1957, p. 26—27). По мнению М. М. Дьяконова, штампованный орнамент сменяет ангобированные и лощенные сосуды, т. е. появляется в III—IV вв.н.э. (1950, с. 166), хотя отдельные находки керамики с таким орнаментом отмечены им в слоях Кобадиан III I в. до н. э.—I в. н. э. (1953, с. 283).

Накопление комплексов керамики с четкой стратиграфической колонкой позволило исследователям намного «удревнить» датировку штампованных орнаментов. Так, при изучении Кей-Кобад-Шаха найдены чаши, в днище которых обнаружен штампованный орнамент. Комплекс этой керамики довольно точно датируется II в. до н. э. —I в.н.э. (Мандельштам, Певзнер, 1958, с. 302). Появление штампованного орнамента на керамике городища Зартепа Л. И. Альбаум относит к I в.н.э. (1960, с. 18—19). Миска со штампованным орнаментом, как уже отмечалось, найдена и в Тулхарском могильнике (Мандельштам, 1966, с. 96—97). В Яване этот орнамент отмечен в слоях, датируемых I—II вв. н. э. (Т. Зеймаль, 1969 а, с. 158; Юркевич, 1965, с. 162—164). Г. А. Пугаченкова склонна относить эту керамику к рубежу нашей эры (1966 *а*, с. 99). В Южной Бактрии, в частности на городище Шахри Бану, она появляется в слоях, датируемых I в. до н. э.—I в. н. э. (Carl, 1959, fig. 16). Самая ранняя датировка предложена Н. С. Сычевой. По ее мнению, этот вид орнаментов появился в Бактрии в II—I вв. до н. э. (1972, с. 17).

Гораздо сложнее вопрос об истоках появления штампованных орнаментов на керамике Бактрии. Поскольку он требует специального изучения, в данной работе мы его касаться не будем.

Несколько слов о приемах ориентации со штампом. В результате анализа мотивов керамики из Мирзакултепа, Аккургана и Зартепа установлено, что их наносили специальными штампами, изготовленными обычно из глины. Есть предположение об ис-

пользовании также металлических и деревянных штампов (Вязьмитина, 1945б с. 40). Каменные матрицы штампов найдены в Таксиле (Marshall, 1951, vol. III, pl. 131, *j-no* 258; *o-no* 269), Мерве (М. Массон, 1951, рис. 2) и других местах. В этой связи, очевидно, следует считать ошибочным заключение М. И. Вязьмитиной о том, что «обычно штампом мог служить всякий находящийся под руками предмет: какая-нибудь деревянная или металлическая палочка, с квадратной, треугольной или круглой формой в сечении, ракушка, пуговица, пряжка и т. д.» (Вязьмитина, 1945 б с. 40). Вряд ли «любая палочка», за редчайшим исключением, будет иметь столь сложные очертания, какие мы видим на мотивах штампов. В результате анализа рисунков орнамента установлено, что многие изображения представляют определенные символы. Следовательно, мастер должен был специально изготовить необходимый ему штамп, а не орнаментировать сосуд «всяким находящимся под руками предметом».

Отдельные формы керамики Мирзакултепа находят аналогии в керамике Беграм I (Ghirshman, 1946, *pl.* XXX—XXXII) и Таксиле (Marshall, 1951), например, форма круглодонного сосуда, напоминающего сплюснутый шар. Тесто этого сосуда — светло-желтое, не характерное для Мирзакултепа. Аналогичная форма отмечена в комплексе Таксилы (Marshall, 1951, *pl.* 123, № 62). Уникальной для Мирзакултепа и всей Бактрии является форма «солонки», изготовленная из серой глины. Здесь же найдена и игрушечная «солонка». Единственная в своем роде «солонка» была обнаружена ранее в третьем слое Аккургана. Однако у нее красновато-розоватый черепок, и она частично покрыта красным ангобом. Форма ее также не схожа с мирзакултепинской. Характерная особенность мирзакултепинской керамики — обилие разнообразных миниатюрных сосудов.

Менее сходна керамика Мирзакултепа с керамическими комплексами соседних областей — Согда, Парфии, Маргианы и Хорезма. Определенная общность отмечена в формах посуды, фактуре и приемах орнаментации. Таким образом, керамика Мирзакултепа синхронизируется с комплексами керамики, датируемыми раннекушанским периодом.

Отличаясь лишь отдельными деталями, керамика верхнего слоя Аккургана очень сходна в ассортименте посуды, фактуре, качестве и оформлении с кушанской керамикой Северной Бактрии, что, очевидно, указывает на ее генетическую общность и синхронность в определенное время. Для Аккургана характерно обилие кубкообразных чаш, чаш с характерным перегибом у венчика, полусферических чаш, столовых тагора и кувшинов (табл. XXI). Эти пять форм находят прямые аналогии в комплексах керамики I—IV строительных горизонтов Яванского городища и слое Верхний Балдай II, датируемых III— серединой V в. н. э. (Т. Зеймаль, 1969*а*, с. 161—192; Юркевич, 1965, с. 162—164), в слое Кобадиан IV—V, датируемом М. М. Дьяконовым II—IV вв. н. э. (1953,

с. 288—292), в керамике позднекушанского (III — начало IV вв.) времени Дальверзинтепа (Пугаченкова, 1971б, с. 196, 173б, с. 207), Зартепа (Альбаум, 1960, с. 16—19), в 5-ом слое Термеза, Каратепа, особенно в комплексе первой хронологической группы, датируемой концом III — началом IV вв. н. э. (Сычева, 1972), и во многих других памятниках Северной Бактрии. Керамику Аккургана и керамику этих памятников объединяют мотивы и приемы декора. Для них характерно широкое применение в орнаментации ангобирования различными оттенками красно-коричневого цвета, сводчатых, сетчатых и полосчатых лощений, штампованных орнаментов — розетки, звездочки, ромбики, квадратики, треугольники и т. п., преимущественно геометрического характера, налепы в виде головы мужчин, львов, обезьян, архаров и др. Еще один существенный признак общности — резкая дифференциация керамики на столовую и кухонную, что справедливо отметила еще Т. И. Зеймаль (1969, с. 5—6). Сочетание этих признаков указывает на синхронность керамического комплекса Аккургана с керамическими комплексами упомянутых памятников. Однако в отношении одних памятников эта общность выражена более отчетливо, в отношении других — менее, что, очевидно, объясняется разницей во времени и территориальным расположением. Заметим, что хронологический диапазон данных комплексов очень большой, поэтому при установлении относительной границы керамического комплекса верхнего горизонта Аккургана внутри этого диапазона ощутимую роль играют некоторые элементы, которые мы более подробно рассмотрим в разделе абсолютной хронологии. Здесь же мы лишь охарактеризуем локальные различия. Подчеркнем, правда, что в рамках предложенной выше трехчленной схемы периодизации комплекс верхнего слоя Аккургана в целом относится к позднекушанскому. Так, на Аккургане, как и на других памятниках Сурхандарьинской области, отсутствует керамика, покрытая зеленоватым и розоватым ангобом, отмеченная на Яванском городище. В отличие от Явана, где в большом количестве представлены кубкообразные чаши с двумя ручками, налепами и сетчатым лощением, на Аккургане их вообще нет. Наличие их пока не установлено и на других памятниках Сурхандарьинской области. В то же время на Аккургане, как и на других памятниках Сурхандарьинской области, обнаружено много ручек-налепов в виде обезьян, не известных на Яване, где встречали больше налепы в виде человеческих лиц и бычков. Еще одно существенное, на наш взгляд, различие между керамикой Явана и памятниками Сурхандарьинской области, в том числе и Аккургана,— украшение штампованным орнаментом. Для Явана, например, более характерен растительный орнамент, а для памятников Сурхандарьинской области — геометрические мотивы. На Аккургане крашеная керамика представлена лишь одним фрагментом. На других памятниках Сурхандарьинской области она единична или отсутствует. На Яванском городище обнаружена в значительном количестве и, видимо, является

одной из особенностей керамического производства Явана. Еще в большем числе крашеная керамика встречается в памятниках Южной Бактрии в позднекушанских слоях (Lorence S. Leshnic, 1967, p. 311—384). Следовательно, можно предположить, что в Аккурган подобная посуда попала в результате культурных и торговых связей между населением данной области и Южной Бактрии.

Особо следует отметить наличие на Аккургане уникальных форм керамической продукции. Это кувшин на устойчивом профилированном пьедестале с конусообразным резервуаром и узкой горловиной. Сосуд покрыт шелушащимся ангобом и лощением. Не менее интересен шаровидный кувшинчик с шестигранником в нижней части. Обнаружен небольшой сосуд сплюснутой формы с двумя петлеобразными ручками на горловине. Две последние формы несколько сходны с керамикой Таксилы (Marshall, 1951, vol. II, *pl.* 123—128), что, очевидно, указывает на тесные культурные связи Северной Бактрии с юго-восточными областями Кушанской империи.

Бронзовые изделия Аккургана — ложки, шумовки — имеют прямое сходство с бронзовыми изделиями Таксилы (Marshall, 1951, vol. III, *pl.* 175—176; Gharshman, 1946, *pl.* XVI, 16). На Зартепа найдена бронзовая шумовка, аналогичная нашим. В других памятниках Северной Бактрии их пока не находили.

По форме сосудов и приемам декора наш комплекс керамики близок комплексам Южной Бактрии. И для Северной, и для Южной Бактрии характерно наличие одинаковых курильниц, кувшинов и чаш с перегибом у венчика. Покрытие сосудов ангобом, сетчатым, сводчатым лощением, штампы геометрического и растительного характера, налепы в виде головы львов также свидетельствуют о существенной близости керамики Северной Бактрии, в частности Аккургана, с керамикой Южной Бактрии. Комплекс керамики Аккургана аналогичен керамике слоя Беграм III (середина III — вторая половина IV вв. н. э.), Емшитепа и Дильберджин (Кругликова, Сарианиди, 1971, с. 112—117).

Таким образом, есть основания считать, что в первую очередь комплекс керамики Аккургана очень похож на керамику памятников Сурхандарьинской области, во вторую очередь — на керамику Яванской долины и далее на памятники Южной Бактрии и юго-восточных областей кушанской державы (Ghirshman, 1946) и Балх II—III (Gardin, 1957).

Вопросы абсолютной хронологии

Несколько сложнее вопрос абсолютной хронологии рассматриваемых комплексов*. Как говорилось выше, в процессе ра-

* При предложении абсолютной датировки для этих комплексов придерживались даты правления Канишки (конец I в. н. э. — начало II в. н. э.).

боты на Мирзакултепа было обнаружено четыре монеты: 2 монеты отчеканены по типу тетрадрахм Гелиокла и 2 — группы «Сотер Мегас». К сожалению, сохранность их не очень хорошая. Однако сам состав монет весьма выразителен и дает достаточно конкретные представления о хронологических рамках изучаемого памятника.

Первая монета — медь, вес 8,3 *г*, диаметр 27 *мм* (рис. 31). На аверсе изображен бюст государя вправо. Лицо мясистое, грубое. Волосы перетянуты двойной диадемой с ниспадающими поза-

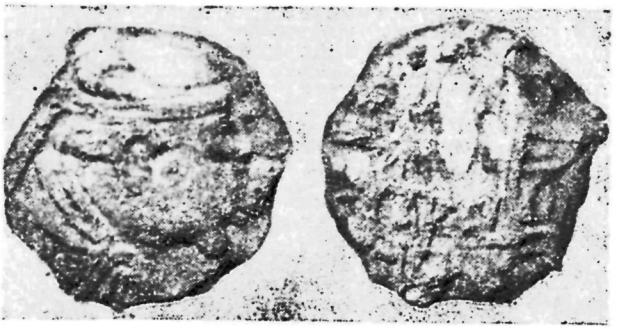

Рис. 31. Мирзакултепа. Монета, чеканенная по типу тетрадрахм Гелиокла.

ди концами. Шея государя массивная, плечи окутаны складчатым плащом. Реверс монеты сильно стерт, тем не менее здесь слегка различимо изображение стоящего Зевса. В правой руке — связка молний, под ней $\{\overline{\text{A}}\}$-образная монограмма. Вторая — медь, вес 13,2 *г*, диаметр 34 *мм*. Сохранность монеты плохая. Изображение неразличимо.

По типу описания монета относится к числу тех, которые чеканили относительно рано, так как считается, что на реверсе более поздних монет этой группы вместо Зевса дано изображение коня влево (В. Массон, 1956, с. 70).

Характерно, что монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, и «Сотер Мегас» на Мирзакултепа происходят из одного культурного слоя. Аналогичный случай нам известен по раскопкам на Айртаме, где рядом с двумя монетами группы «Сотер Мегас» была найдена одна монета, чеканенная по типу тетрадрахм Гелиокла (Пугаченкова, 1966*а*, с. 112; Пугаченкова, Э. В. Ртвеладзе, 1971, с. 104). Это весьма важно для установления хронологических рамок обращения монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла, и для решения вопроса отождествления монет группы «Сотер Мегас».

Рассмотрим вопрос о времени обращения монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла. По мнению многих исследователей, время начала их обращения относится к концу II в. до н. э., а ко-

нец обращения — к первой половине I в. н. э. (В. Массон, 1955, с. 63; В. Массон, 1956, с. 74; Пугаченкова, 1966*а*, с. 113; и т. д.) Существуют и другие предложения относительно времени обращения таких монет. В частности Т. И. Зеймаль допускает, что они были в обращении с I в. до н. э. по II в. н. э. (1969, с. 4). Наша находка еще раз подчеркнула, что монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, находились в обращении вплоть до появления монет «Сотер Мегас» и даже вместе с ними. Однако это существование было непродолжительным и вскоре их полностью вытеснили из обращения (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1971, с. 103). Нам пока не известен случай обнаружения монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла, с монетами таких кушанских царей, как Вима Кадфиз или Канишка (в данном случае принимаются во внимание монеты, найденные в надежных стратиграфических обстоятельствах).

Интересно, что монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла, встречаются в основном на территории Северной Бактрии, особенно в той части древней Бактрии, которая в настоящее время входит в состав Сурхандарьинской области Узбекской ССР. В этом плане очень заманчива гипотеза Г. А. Пугаченковой и Э. В. Ртвеладзе. Они пишут, что «к концу II в. до н. э. юечжийские племена занимают области Северной Бактрии и оседают здесь на десятилетия. В сфере денежного обращения они сохраняют привычный для местного населения тип монет последнего для этих областей греко-бактрийского царя. Но, оставляя на аверсе его огрубленный портрет, они со временем заменяют на реверсе греческого бога более близким им образом коня, культ которого был всегда очень силен у народов полукочевнического уклада. Причем замена эта происходит в основном в тех районах, где формируется первоначальное ядро Кушанской державы» (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1971, с. 104).

Следовательно, можно допустить, что эти монеты, по крайней мере с конем на реверсе, чеканили в одном из монетных дворов города, расположенного в долине р. Сурхандарьи. Топография находок монет группы, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла с конем на реверсе, не исключает подобного предположения. Местом их чеканки могла быть столица княжества или государства, и если гипотеза Г. А. Пугаченковой относительно локализации первоначальной столицы Кушанской державы окажется верной, то этим городом может оказаться Дальверзинтепа (Пугаченкова, 1966*а*, с. 247—248; 1971, с. 302). Судя по небольшому количеству известных монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла с конем на реверсе, они занимали промежуточное положение между монетами группы, чеканенной по типу тетрадрахм Гелиокла с Зевсом на реверсе, и монетами «Герая» и «Сотер Мегас», чеканились в незначительном количестве и, возможно, весьма непродолжительное время. Изображение лошади на этих монетах, как еще указывал А. Н. Зограф и другие исследователи, очень сходно с изображением лошади на монетах «Герая». В свою очередь изображе-

ние лошади на монетах «Герая» близко ее изображению на монетах группы «Сотер Мегас» (Зограф, 1937, с. 26—27). Таким образом, можно наметить схему эволюции чекана юечжийской Бактрии параллельно с упрочением новой самостоятельной государственной власти.

По письменным источникам известно, что когда Дом Юечжи был уничтожен хуннами, то он переселился в Дахя (Бактрия.— *Ш. Л.*) и разделился на пять княжеских домов: Хюми, Шунми, Гуйшуан, Хисе и Думи (Бичурин, 1950, с. 227). Остается не ясным вопрос о том, все ли мелкие юечжийские правители чеканили типологически сходные монеты или же они чеканились одним, более могущественным правителем и монеты имели хождение на территории всех юечжийских княжеств. В настоящее время по этому вопросу существует две противоположные точки зрения. Так, Г. А. Пугаченкова допускала возможность чекана типологически сходных монет во всех мелких владениях юечжийской Бактрии (1966 а, с. 113). Иной точки зрения придерживается В. М. Массон. Он полагает, что монеты чеканились правителем наиболее сильного княжества, в частности гуйшуанского или Кушанского (1957, с. 113). Мы считаем наиболее приемлемым предположение В. М. Массона. Интересно, что в Гиссарской и Кафирниганской долинах наряду с монетами группы, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла (около 10 шт.), находили монеты, выпущенные по образцу оболов Евкратида. В памятниках долины р. Сурхандарьи такие монеты не обнаружены. Не свидетельствует ли это о территориальном расположении и существовании здесь какое-то время двух сильных княжеств, правители которых стремились подкрепить свои права на престол рекламируемыми связями с двумя разными царями Греко-Бактрийского государства. Конечно, в настоящее время эти предположения не выходят за рамки гипотезы.

Из двух публикуемых монет группы «Сотер Мегас» одна сохранилась плохо. Первая монета — медь, изображение неразличимо, вес 7,3 *г*, диаметр 19 *мм*. Вторая сохранилась довольно хорошо. Она из меди, вес 6,9 *г*, диаметр 20 *мм*. Аверс — в точечном ободке задрапированный бюст государя в диадеме со скипетром в правой приподнятой руке. За головой трехзубчатая тамга на кружке с перекрестием — $\frac{\text{Ш}}{\text{б}}$. Реверс — изображение всадника, обычно помещаемого в поле, плохо различимо. В поле справа тамга в виде $\frac{\text{б}}{\text{I}}$. Следы круговой легенды—...E...NT... Интересно, что после N на монете сразу идет Т, т. е. пропущены две буквы — ΣШ.

Наибольший интерес на данной монете представляет тамга на реверсе в поле справа, резко отличающаяся от помещаемых на монетах группы «Сотер Мегас». Сходная тамга известна по моне-

* В 1976 г. В. М. Массон опубликовал описываемую монету (с. 14). К сожалению, в статье изображение тамги дано несколько неточно.

те, хранящейся в Государственном Эрмитаже, чеканенной по образцу тетрадрахм Евкратида и датированной первой половиной II в. до н. э. (В. М. Массон, 1953, с. 167—169). Похожие тамги отмечены и на раннехорезмийских монетах и в согдийском чекане бухарского оазиса, которые изготовляли по образцу тетрадрахм Евкратида. В. М. Массон предполагает, что эти тамги кангюйского происхождения, а появление их на монетах он объясняет тем, что какое-то время Бактрия и Согд подчинялись Кангюйскому объединению (1953, с. 169). Подчинение Согда сомнений не вызывает, подчинение Бактрии мало вероятно. Вряд ли Куджула Кадфиз, с чеканом которого отождествляются монеты группы «Сотер Мегас», ставший монархом и присвоивший высокий эпитет «Царь царей, великий спаситель», был политически зависим от Кангюйского объединения. В своей последней статье В. М. Массон так интерпретирует наличие данной тамги на монете группы «Сотер Мегас»: «Появление этого знака на раннекушанском чекане, по-видимому, свидетельствует о каких-то династийных или иных политических претензиях правителя новой державы на владения, где эта тамга могла рассматриваться как официальная эмблема» (1976, с. 14).

Находка монет «Сотер Мегас» на Мирзакултепа весьма важна и в другом аспекте. Как мы говорили выше, они обнаружены вместе с монетами, чеканенными по типу тетрадрахм Гелиокла; это подтверждает вывод о том, что монеты «Сотер Мегас» действительно монеты основателя Кушанской державы Каджула Кадфиза, а не другого кушанского царя, в частности Вимы Кадфиза, Канишки или его наместника, с чеканом которых отдельные исследователи (van Lahuizende Leeuw, 1949, p. 375; Marshall, 1951, p. 68—69; Grirshman, 1957, p. 259—267; Mac Dowall, 1968, 1974, p. 246—264; Зеймаль, 1960, с. 118—123; 1965, с. 5; Литвинский, 1963, с. 544; Ставиский, 1961, с. 113) отождествляют монеты «Сотер Мегас». На нашем поселении монеты этих поздних царей пока не найдены. Соответственно монеты «Сотер Мегас» хронологически занимают последующий этап после монет, чеканенных по типу тетрадрахм Гелиокла, и предшествуют монетам Вимы Кадфиза. По мнению большинства исследователей царствование этого правителя относится к первой половине I в. н. э. (Массон, Ромодин, 1964, с. 163; Пугаченкова, 1966а).

Наличие на Мирзакултепа тарелок с клювовидным венчиком («рыбные блюда») и цилиндроконических кубков на плоской ножке, характерных для слоев III—II вв. до н. э. Бактрии, Согда, Маргианы, Хорезма и других областей, указывает на относительно раннюю датировку данного комплекса, а единичность их на раскопе — на более позднюю, видимо, рубеж нашей эры, поскольку в период обживания верхнего горизонта Мирзакултепа они еще не исчезли полностью. Следует остановиться еще на одной небольшой детали. Для цилиндроконического кубка раннего периода характерна более округлая стенка и вытянутая форма. Бесспор-

но, это — форма переходного этапа от ранних кубков с прямыми стенками на высокой ножке с конусообразным выемом внутри, которые на Мирзакултепа представлены очень большим количеством. Все это позволяет нам датировать комплекс верхнего горизонта Мирзакултепа первой половиной I в. н. э. Аналогии керамических комплексов также подводят к этой дате. Таким образом, устанавливается верхняя граница комплекса верхнего горизонта Мирзакултепа, после которой памятник не существовал. Поскольку среднюю продолжительность существования глинобитных построек обычно определяют в 50 лет (Массон, 1971, с. 59—60), то нижняя дата времени возникновения построек верхнего горизонта соответствует концу I в. до н. э. Следовательно, постройка нижнего горизонта и керамика, полученная из шурфа, датируются I в. до н. э. Приблизительный допуск предложенных абсолютных дат для комплекса Мирзакултепа, видимо, соответствует ±20—30 лет.

Теперь рассмотрим вопрос абсолютной хронологии верхнего горизонта Аккургана. Благодаря сплошному вскрытию всей территории поселения в этом горизонте обнаружено большое (более 150 экз.)количество монет. Здесь были представлены монеты кушанских царей — Куджулы Кадфиза, Вимы Кадфиза, Канишки, Хувишки, Васудевы, подражания его эмиссиям и монеты группы «кушано-сасанидские». Монеты первых кушанских царей найдены в единичном количестве. Однако наличие их в слое, где преобладают монеты Васудевы и «кушано-сасанидские», констатирует тот факт, что с появлением монет новых правителей эти монеты не изымались из оборота. Поэтому при установлении нижней датировки верхнего горизонта нельзя ссылаться на монеты первых кушанских царей, хотя в горизонте они — самые древние.

Весьма сложен и вопрос установления верхней границы верхнего горизонта Аккургана. Самыми поздними из серии представленных на поселении монет оказались кушано-сасанидские. Несмотря на большое (82 экз.) их количество, ни одной монеты определить не удалось из-за плохой сохранности. Поэтому для установления датировки верхнего горизонта Аккургана мы решили использовать другие способы. В данном случае мы сочли нужным обратиться к материалам Каратепа. Этот выбор объясняется, во-первых, тем, что керамический комплекс Каратепа датирован наиболее точно, причем и с помощью эпиграфических памятников, и, во-вторых, близостью расположения Аккургана и Каратепа, т. е. различия, вызванные расстоянием, будут минимальны. Как мы неоднократно говорили, керамический комплекс Аккургана наиболее схож с керамикой Каратепа, датированной Н. С. Сычевой концом III — началом IV вв. н. э., и менее — с керамикой второй половины и конца IV вв. н. э. (Сычева, 1972, с. 11—12). На Каратепа выделено два комплекса — ранний и поздний, для которых характерны одинаковые формы посуды. Однако качество керамических изделий к позднему комплексу относи-

тельно ухудшается. Форма тагора та же, что и в ранний период, но сами они становятся грубее. Появляются тагора с желтым ангобом. В кувшинах меняется форма венчика. Появляются венчики с внутренней профилировкой и скосом внутрь. Иногда употребляется малиновый ангоб. Кувшины украшали более мелким и частым штампом, чаще цветочным (Сычева, 1972, с. 11—12). Из приведенных признаков два (украшение кувшинов мелким частым штампом и наличие венчика с внутренней профилировкой и скосом) в определенной степени отразились на керамике Аккургана. Следует, однако, отметить, что первый признак зафиксирован лишь в двух сосудах, а второй — выражен менее отчетливо. На Аккургане найдены единичные хумы с примесью в тесте дресвы и фигурным венчиком, более характерными для второй половины IV в. н. э. и позднее. Суммирование всех этих различий позволяет считать керамику Аккургана более ранней, чем керамика Каратепа второй половины конца IV в. н. э. К тому же в керамическом комплексе Аккургана обнаружены ножки бокалов и два невыразительных фрагмента сероглиняной керамики, наличие которых также указывает на более раннюю дату. Таким образом, снизу керамика верхнего горизонта Аккургана может быть зажата ранней керамикой Каратепа, а сверху — поздней. Следовательно, керамический комплекс построек верхнего горизонта датируется первой половиной IV в. н. э.

Позднее, как и многие памятники античности, Аккурган использовали под захоронения. Как мы уже упоминали, здесь обнаружено три погребения. Судя по характеру погребального обряда они несколько сходны с погребениями городища Халчаян, датированного на основании погребального инвентаря и монет началом XIV в. (Пугаченкова, 1966 *а*, с. 74). Сходные по обряду погребения сделаны и на городище Дальверзин в Ферганской долине (Заднепровский, 1975, с. 276, 280), в Пскентском могильнике (В. Массон, 1953, с. 25) и в ряде могильников Казахстана (Максимова, 1965) и Восточной Европы (Федоров-Давыдов, 1966). Все эти памятники датируются на основании находок XIII—XIV вв. Однако следует отметить, что Аккурганские захоронения от упомянутых погребений отличаются ориентацией. Известно, что погребения Халчаяна, Дальверзина, Пскентского могильника и других имеют северное, а Аккурганское южное направление. В настоящее время объяснить это очень трудно. Всех их объединяет наличие погребального инвентаря; этим они отличаются от мусульманских погребений того времени. Вместе с тем Аккурганские захоронения существенно различаются по характеру погребального инвентаря. Во всех известных нам погребениях основным сопровождающим покойников инвентарем было оружие и детали конской сбруи, а в Аккурганских погребениях найдены только две золотые серьги и бронзовое зеркало. Такая дифференциация в погребальном инвентаре, видимо, связана с полом покойников. Как правило, мужчин-воинов сопровождало оружие и

детали конской сбруи, женщин — предметы женского туалета. Золотые серьги Аккургана несколько сходны с серебряными серьгами из Часовенной горы в Кудыргынском могильнике, датируемом XIII—XIV вв. (Теплаухов, 1929, табл. II; рис. 14, *1, 2*; Гаврилова, 1965, с. 74). Следует отметить, что генетически серьги восходят к еще более раннему периоду, чем монгольские. Близкие по форме серьги встречали в памятниках таштыкского времени (Теплаухов, 1929, табл. II, *10*). Этническая принадлежность погребенных в Часовенной горе точно еще не установлена. В настоящее время ясна только их принадлежность к кочевому населению. По предложению Г. А. Пугаченковой, погребенный на Халчаяне «принадлежал к монгольской или, во всяком случае, монголизированной среде» (1967, с. 256). На основании детального сопоставления найденных вещей в Халчаянском погребении с материалами Казахстанских памятников Ю. А. Заднепровский предложил считать данное погребение принадлежащим кипчакам (1975, с. 280). Пскентские и дальверзинские погребения он также определил как кипчакские. Относительно этнического состава погребенных на Аккургане пока трудно сказать что-либо определенное.

Стратиграфия и относительная хронология кушанских комплексов Северной Бактрии

В дальнейшем при детальной разработке керамических материалов кушанских памятников, возможно, удастся наметить более четкую схему их трехчленной хронологической группировки. В настоящее время на основании данных корреляции керамических материалов памятников Северной Бактрии можно сказать, что к раннекушанскому периоду стратиграфически относятся два нижних слоя Зартепа, III—IV слои Термеза и Ю—З—II Халчаяна, Айртам раннекушанского периода, Дальверзин юечжийско-кушанского периода, нижний слой Каменного городища, могильники Тулхар, Аруктау и др. Для этих слоев характерно наличие цилиндроконических кубков на ножке и поддоне, бокалов колоколовидной и рюмкообразной форм, чаш на ножках с отогнутым и вогнутым краем, фиалы, горшки, кувшины с невысоким горлом и подтреугольной закраиной, плоским дном и ручкой. Преобладают кувшины одноручные. Котлы обычно шаровидной формы, тагора — конической с треугольным и клювовидным венчиком. Все эти формы, кроме кухонной посуды, как правило, ангобировали различными оттенками красного и реже коричневого ангоба. Появляется штампованный орнамент в виде стилизованного изображения дерева, трехлучевого вихревого знака, свастики и стрелы. По фактурно-технологическим признакам керамика этого периода делится на две категории — красноглиняная и сероглиняная. Ассортимент последней менее разнообразен: это в основном чаши и тарелки. Возможно, к этому же периоду можно

отнести слой Яван VI—V, где найдены отдельные упомянутые формы керамической посуды.

К среднекушанскому периоду можно отнести VI—V—IV—III слои Зартепа, III и частично IV слои Термеза, нижний слой Фаязтепа, Айртам кушанского периода, Дальверзин великокушанского периода, слой Яван IV—III и слой Кобадиан II—III. По фактурно-технологическим признакам керамика этого периода также делится на красноглиняную и сероглиняную группы. Красноглиняная керамика этого периода дает наибольшее разнообразие форм: это красноангобированные бокалы на высоких профилированных полых внутри ножках, чаши, фиалы, поильники, кубки, горшки, кувшины, столовые тагора, котлы, хумы, хумча и др. В этот период керамическое производство Северной Бактрии достигло наивысшего расцвета. Вместе с тем отдельные формы (тарелки с клювовидным венчиком, цилиндрические кубки на ножке и поддоне), характерные для предшествующего периода, видимо, исчезают или резко сокращается их количество. Однако увеличиваются количество двуручных кувшинов, мотивы штампованного орнамента, в частности геометрических — «ступки Будды», «колесо Будды». Появляются чаши с характерным перегибом у венчика. К концу периода качество керамики ухудшается. К следующему позднекушанскому периоду стратиграфически можно отнести слой II—1б—1а Зартепа, V слой Термеза, слой Яван II, Кобадиан IV—V, позднекушанский Айртам и Дальверзин. Для этого периода характерно обилие красноангобированных и лощеных кубкообразных чаш с ручками и без ручек, чаш с характерным перегибом у венчика, чаш с вогнутым краем, двуручных и одноручных кувшинов, столовых тагора с насыщенным орнаментом и вертикальными ручками, горшков, хумов, котлов и др. Много ручек-налепов антропоморфного и зооморфного характера. Однако в этот период исчезает сероглиняная керамика, количество бокалов резко сокращается.

Безусловно, накопленный огромный материал по стратиграфии памятников Северной Бактрии может стать темой специального монографического исследования, которое сыграет важную роль в решении вопросов кушанской хронологии, при этом материалы комплексов Мирзакултепа и Аккургана займут не последнее место.

При всех возможных расхождениях в вопросах хронологии можно заключить, что поселения первого типа не только наиболее распространены в Северной Бактрии, но и существовали там на протяжении всей Кушанской эпохи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАЛЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Функциональный анализ мелких поселений сельского типа

В результате анализа планировки для Аккургана установлено три строительных структуры, представляющие своеобразную иерархическую пирамиду: само поселение в целом, хозяйственно-жилые комплексы и многокомнатные дома. Для исследования имеющихся в этих структурах информациях о древних общественных единицах был проведен функциональный анализ.

Определить назначение помещений всегда чрезвычайно трудно. Первые разработки в этом плане были сделаны Ж. Хилом (1968) на материалах Пуэбло и И. Масимовым (1970) на Алтынтепе. В нашем случае небольшая толщина культурного слоя несколько увеличила трудность определения и не позволила с большой точностью распределить помещения. Следует, однако, отметить, что незначительная толщина культурного слоя в помещениях помогла сохраниться материалам, лежащим непосредственно на полу и являющимся более информативными.

Еще во время раскопок поселений были замечены различия, обусловленные функциональными особенностями помещений. Для того чтобы объяснить эту формальную, на первый взгляд, изменчивость, необходимо было определить критерии для их характеристики. Мы выбрали следующие: 1) расположение и размер помещений; 2) структура заполнения; 3) оформление интерьера; 4) характер находок.

Размеры и расположение помещений — один из основных критериев в определении его функций. Как известно, древние строители не определяли размеры помещений наугад, а учитывали их будущее назначение в хозяйственной и общественной жизни. Интерьер помещения также был связан с его назначением, экономическим положением семьи или общественным назначением данного помещения. Не менее важную роль в определении функции помещений играют археологические находки и структура заполнения. Эти четыре критерия взаимосвязаны, всегда дополняют друг друга; их качественное и количественное соотношение дает основу для функционального определения этих помещений.

Небольшое количество раскопанных помещений и соответственно сведений по общей планировке поселений затрудняет распределение раскопанных комнат Мирзакултепа по функциональному назначению. Отсутствие во многих помещениях дверных проемов наводит на мысль, что дома Мирзакултепа были двухэтажными, следовательно, комнаты нижнего этажа служили хозяйственными помещениями. Это будто подтверждается и наличием почти во всех помещениях хумов, вкопанных в пол или стоящих на полу и используемых обычно в качестве сосудов для хранения продуктов.

Аналогичный случай нам известен по раскопкам Яванского городища, где был вскрыт ряд изолированных друг от друга помещений. Однако в отличие от Мирзакултепа там были расчищены и остатки лестниц, связывающих нижний этаж с верхним. Это позволило Т. И. Зеймаль, исследовавшей этот памятник, предположить, что постройки были двухэтажные, а раскопанные помещения являются остатками первого этажа, где располагались хозяйственные помещения (Зеймаль, 1969*а*, с. 121). Тем не менее вопрос о назначении построек Мирзакултепа еще не изучен. По нашему мнению, не все помещения нижнего этажа были хозяйственными. Их могли использовать и как жилые помещения (см. постройки Кой-крылган-кала в Хорезме, Толстов, 1967). В пользу такого довода свидетельствует наличие огромного количества столовой посуды в помещениях Мирзакултепа, найденной преимущественно на полу. Наличие хумов еще не достаточный критерий, указывающий на хозяйственное назначение данных помещений: их могли держать и в жилых комнатах. Видимо, этим и объясняется наличие хумов и их фрагментов в помещениях Мирзакултепа.

В результате применения указанных критериев установлено функциональное назначение нескольких помещений Мирзакултепа. Следует отметить, что некоторые из них включены в ту или иную категорию условно. При распределении помещений в основном ориентировались на керамический материал и соотношение столовой и кухонной посуды. В жилых помещениях обычной кухонной посуды (котлы, сковородки) не замечено. Другие критерии здесь выражены менее отчетливо. Остеологический материал учитывали лишь тогда, когда количество особей превышало 5 экз. в каждом помещении, так как единичные находки их могли быть случайными. Мы выделили две категории помещений — жилые (Р-1—3, 4, 5, 6, 7, 9, 12 (?), 14 (?) 15, 16, (?), 17, 18) и хозяйственные; хозяйственные делятся на две группы — кухни (2, 5*а*) и склады (6*а*). Расположенный к востоку от построек Р-1 коридор, видимо, выполнял функцию и кухни, и коридора.

При определении функционального назначения помещений верхнего горизонта Аккургана при помощи указанных критериев удалось выявить четыре категории помещений: жилые (большие), хозяйственные (маленькие и коридоры), производственные и осо-

бого назначения. Распределение помещений по этим критериям представлено в табл. 2 (термины даны условно, лишь для передачи функции помещений).

Мы не включили сюда помещения юго-восточного комплекса, так как определить функциональное назначение их по единичным находкам и плохой сохранности самих помещений было невозможно.

В первую категорию помещений вошли те комнаты, которые мы определили как жилые помещения. Они характеризуются относительно большой площадью—8—40 $м^2$, что обусловлено потребностью именно в таких комнатах, так как ими пользовались чаще остальных, следовательно, наличие достаточного пространства и интенсивной циркуляции воздуха в них позволяло свобод-

Таблица 2

Комплекс	Жилое	Хозяйственное		Производственное	Особого назначения
		мал.	корид.		
Южный	2, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 16, 17, 18	8, 14. 15, 16	3, 4	7	1, 3
Центральный	19, 21, 22, 24, 27, 29, 30, 31	20, 23, 25, 32, 35		28	34
Северный	6, 7, 8, 10, 12 (?)	1, 2, 3, 5	9	4	11 (?)
Восточный	1, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12, 13, 20, 21, 27 (?), 28 (?)	2, 2¹, 7, 15, 17, 18, 22, 23, 25, 26 (?)	9, 14		16, 19

но ориентироваться в помещении. Кроме того, они отличались простотой и рациональностью интерьера. Так, большинство помещений с весьма скромным метражом (например, пом. 24 центрального комплекса, около 8 $м^2$) выглядят очень просторными. Стены отделаны лишь одним видом декора — глиняной штукатуркой, ганчевой или побелкой. Отсутствие очагов в жилых помещениях не случайно. Подобное явление характерно и для парфянских сельских поселений (Пилипко, 1971, с. 14). Следует отметить, что не всегда большие помещения выполняли роль жилых.

В выявлении функции этих помещений особенно важную роль сыграл набор находок. Как правило, в помещениях жилого характера в основном представлена столовая посуда, монеты, украшения, в единичных случаях — отдельные фрагменты хумов, кости животных, пряслица, полностью отсутствуют жернова, зернотерки и кухонная посуда. Так, по характеру находок помещение 35 «центрального» комплекса несмотря на большую занимаемую площадь было включено в состав хозяйственных помещений, по-

скольку в нем в большом количестве представлена кухонная посуда, котлы, фрагменты хумов, очаги, зольные скопления и др.

Ко второй категории мы отнесли небольшие (4—7 $м^2$) по площади помещения. Как правило, стены их оштукатурены ганчем поверх глиняной обмазки и лишь на некоторых из них обнаружена глиняная штукатурка. Керамический материал представлен в основном столовой посудой и в значительно меньшей степени кухонной, найдены монеты и зернотерки. Судя по всему, такие помещения выполняли роль хозяйственных и были очень удобны для хранения продуктов. Так, в помещении 16 «южного» комплекса, кроме котлов и крышек, отмечено три хума, являющихся, видимо, сосудами для хранения сыпучих продуктов. В таких помещениях держали и лишнюю посуду. Этим, возможно, объясняются небольшие размеры данных помещений. Повседневная деятельность человека в таких помещениях была ограничена, ими пользовались не так часто, как помещениями первой категории, а наличие ганчевой штукатурки, видимо, объясняется санитарно-гигиеническими соображениями. Однако в отдельных помещениях (1, 2 «северного» комплекса и 23 «центрального») этой категории, очевидно, мололи зерно, о чем свидетельствуют найденные зернотерки.

В эту же категорию условно включили помещения, выполняющие роль «вестибюля», в которых обычно не бывает находок (помещение 3 «южного» комплекса, 9 «северного», 9, 4 «восточного» и коридоры). Коридоры резко отличаются набором находок. В них в основном представлена кухонная посуда (котлы, очажки, чиракдоны, хумы и др.) и в очень небольшом количестве столовая. Все это, по-видимому, подтверждает предположение о двойном назначении коридора. Констатирует этот факт и заполнение коридоров. Обычно они заполнены толстым слоем золы. В коридорах, вероятно, не только готовили пищу, но и пекли хлеб. На это указывают остатки тандыра, зачищенного в коридоре «южного» комплекса.

К третьей категории мы отнесли помещения, отличающиеся от первых и вторых по назначению, планировкой и набором находок. Так, помещение 7 «южного» комплекса и 28 «центрального» — винодельни, помещение 4 «северного» комплекса — камнетесная мастерская.

Четвертая, последняя, категория включает помещения особого назначения. К ним относится помещение 1 «южного» комплекса, отличающееся размером и парадным интерьером, монументальностью. Сочетание этих признаков указывает на значимость данного помещения в общественной жизни поселения. Очевидно, оно было «приемной старосты» поселения Аккурган. Судя по характеру планировки и наличию атрибутов, свойственных культовым помещениям, помещение 14 «южного» комплекса, 34 «центрального» и 16, 19 «восточного» определили как культовые. Так, в помещении 19 «восточного» комплекса между двумя стенками.

пристроенными к середине южной стены помещения, найдена статуэтка Будды. Видимо, ее установили в нише, вырубленной в толще южной стены и не сохранившейся, а вертикальные стены пристроили, чтобы направить взгляд входящего человека на Будду. В этом случае найденные здесь уникальные по форме кувшин и деревянный сосудик являлись культовыми сосудами, и именно поэтому аналогичные сосуды в других помещениях не обнаружены.

В помещениях 13 и 34 (Р-1) зачищены алтари, а в помещении 16 «восточного» комплекса отмечены ритуальные курильницы. Все это указывает на культовое назначение этих помещений. В пользу этого свидетельствует полное отсутствие здесь всякой посуды, кроме ритуальных сосудов. Таким образом, при определении функции помещений Аккургана общее число больших помещений оказалось равным 38, маленьких — 28, производственных —3 и особого назначения—6. Относительно большое количество помещений первой категории было получено в результате удвоения функции коридоров, использовавшихся как жилые и хозяйственные.

Раскопки поселений Мирзакултепа и Аккурган дали конкретные, хотя и предварительные, археологические материалы, позволяющие в определенной степени судить о социально-экономической структуре данных поселений и данного общества в целом.

Наиболее исчерпывающий в этом отношении материал мы получили на поселении Аккурган благодаря сплошному вскрытию всей территории на уровне верхнего строительного горизонта. Как оказалось, поселение состояло из нескольких многокомнатных домов, включающих преимущественно четыре—пять помещений. Однако существовали и двухкомнатные дома. Такое относительно равномерное распределение позволяет считать все пять комплексов равнозначными в функциональном отношении величинами. В составляющих эти комплексы многокомнатных домах как обязательный элемент представлены помещения двух категорий — жилые и хозяйственные.

Многокомнатные (2—6) дома, видимо, следует считать местом обитания индивидуальных семей. Изменение количества помещений объясняется, очевидно, разницей в количестве членов семьи. Судя по характеру планировки и размерам, такие дома принадлежали индивидуальным семьям, объединенным в более крупный коллектив, скорее всего в большесемейную общину, занимавшую отдельный хозяйственно-жилой комплекс. Вполне возможно сопоставить такие хозяйственно-жилые комплексы Аккургана с «домами-семьями», о которых упоминается в надписях, датируемых концом II—началом III вв. н. э., из Топрак-калы (Лившиц, 1971, с. 102—104) и «домами», раскопанными на Гарры-Кяризе в северной Парфии, принадлежавшими, по мнению исследователя, «одной большой семье или нескольким неразделенным семьям братьев» из одной общины (Пилипко, 1971, с. 14—15).

Размеры домов в последнем поселении почти соответствуют размерам раскопанных на Аккургане хозяйственно-жилых комплексов. Следует отметить, что эти индивидуальные семьи еще не выступали в качестве полноправной экономической единицы, на что указывает отсутствие в помещениях очагов и наличие одного хозяйственного двора или коридора, которые, видимо, были общими для нескольких семей. Естественно в таком случае предположить, что каждый раскопанный на Аккургане хозяйственно-жилой комплекс принадлежал большесемейной общине или одной большой патриархальной семье.

Всего на памятнике раскопаны остатки примерно 15—17 домов, и если считать в составе одной семьи в среднем по 5—6 членов, то численность жителей поселения будет равна около 85—100 человек. Организмом, объединявшим в единый коллектив все большесемейные общины Аккургана, можно считать сельскую общину, которой в археологическом плане и соответствует все поселение в целом.

Археологические памятники и проблема общины в структуре кушанской державы

Занятие жителей сельским хозяйством определялось рядом факторов — географическим местоположением поселений, ландшафтом, наличием ирригационных сооружений, плодородием почвы и, конечно, потребностью населения страны в продуктах сельского хозяйства. В результате рекогносцировочного обследования памятников Сурхандарьинской области установлено, что характерной особенностью Шерабадского района является сосредоточение здесь значительного количества сельских поселений. Это, видимо, объясняется наличием в этом районе всех перечисленных факторов, особенно последнего. Потребность в сельских продуктах здесь была весьма велика, так как они снабжали не только городское население Жандавлаттепа — главного города этого района, но, видимо, и население Термеза, в округе которого сельских поселений, по данным археологических исследований, было мало и удовлетворить потребность населения Термеза в продуктах сельского хозяйства они не могли.

Часть сельскохозяйственной продукции жители Шерабадских поселков могли вывозить в Термез, а оттуда ввозить предметы ремесленного производства, в частности керамику, украшения и т. д. Близость материальных культур, особенно ярко выраженная в керамике, также подтверждает подобный вывод. По всей вероятности, данный процесс осуществлялся при помощи денег, о чем свидетельствуют найденные почти во всех сельских поселениях монеты. Сочетание таких археологических компонентов, как существование поселений на одном месте в течение длительного времени (что в определенной степени связано с максимальным использованием орошаемого земельного участка под посев), отно-

сительная качественность построек и набор находок (зернотерки, жернова, железные серпы, огромное количество хумов), свидетельствует о земледельческом характере поселения Аккурган.

Судя по топографии, земледелие было основано на искусственном орошении. Поля орошали водой Шерабаддарьи при помощи канала протяженностью не менее 20 *км*. На этом расстоянии вдоль канала, кроме Аккургана, было расположено еще восемь поселений. Головное сооружение канала скорее всего находилось в той части реки, где она выходит на равнину из горных ущелий.

Единичные находки зерен и их отпечатков указывают на то, что жители Аккургана выращивали пшеницу, ячмень и, видимо, просо. О выращиваемых здесь «сортах» пшеницы мы можем судить по античным источникам. Так, Плиний, ссылающийся на свидетельства очевидцев, сообщает, что в Бактрии хлебные зерна величиной с наши колосья (Plinius, XVIII, 7), а Теофраст пишет, что иногда величина зерна в Бактрии достигала величины оливковых зерен (Theophrast, VIII, 4, 5).

К сожалению, в настоящее время мы не можем судить о структуре земельных отношений, существовавших между жителями поселения, и о размере обрабатываемой земли. Однако близкое расположение поселений Ходжакия, Мазарбабатепа и Аккурган дает основание предположить, что принадлежавший Аккургану земельный участок был не столь значителен и определялся количеством жителей.

Интересно наличие производств, обеспечивающих потребности земледельческого хозяйства, в частности изготовление зернотерок и жерновов. Как мы уже отмечали в главе III, помещение 4 «северного» комплекса резко отличается от других структурой заполнения и составом находок. Оно было заполнено песком, накопившимся в результате обработки камня, служившего сырьем для изготовления зернотерок и жерновов. Здесь найдено очень много различных по конфигурации каменных глыб. Кроме сырья, в помещении обнаружена и готовая продукция — 9 целых зернотерок и несколько обломков жерновов, 25 известняковых пряслиц и сырье для их изготовления. Судя по количеству зернотерок и жерновов в мастерской, их изготовляли не только для нужд данного поселения, но и для рынка. Товарообмен осуществлялся при помощи денег. Количество (30 шт.) найденных в мастерской монет наводит на мысль, что торговля происходила в самой мастерской. Возможно, базы для колонн также изготовляли здесь.

Наличие на Аккургане этого вида ремесла, видимо, объясняется расположением поселения непосредственно в отрогах Кугитангтау, служивших местом добычи сырья. Следовательно, на вывоз его затрачивали меньше усилий, чем другие, более отдаленные поселения.

О работе в мастерской специалистов-каменотесов говорит их продукция, найденная на поселении. В этом случае можно до-

пустить следующую интерпретацию всего «северного» комплекса. Он принадлежал довольно зажиточной патриархальной семье, члены которой специализировались в изготовлении каменных изделий. Возможно, этим объясняется добротность построек, о чем мы уже говорили, наличие качественной керамической посуды, украшений и обилие монет, сделанных в помещениях «северного» комплекса.

Одно из первых мест в жизни жителей занимало, видимо, и садоводство. Они выращивали в частности виноград, преимущественно винных сортов, о чем свидетельствует наличие виноделен на Аккургане. На широкое развитие виноделия в городах и селах Бактрии указывает обилие находок виноделен на этой территории. Они известны в Калаи-мире, Дальверзинтепа, Шортепа и во многих других. Из письменных источников мы узнаем, что «в некоторых местах (в Бактрии.—*Ш. П.*) многочисленные деревья и виноградная лоза дают в изобилии сочные плоды» (Курций Руф, 1963, VII, IV, 26).

Не менее важную роль в хозяйственной жизни жителей поселения играло скотоводство. Судя по остеологическим остаткам, они разводили мелкий (преобладал) и крупный рогатый скот и лошадей. Благоприятные природные условия и местонахождение поселения в предгорной зоне — естественной откормочной базе в течение года — способствовали быстрому увеличению поголовья скота. Обилие костных остатков указывает на широкое употребление в повседневной жизни мясомолочных продуктов.

Из числа второстепенных подсобных домашних специальностей следует отметить ткачество, о наличии которого в поселении говорят находки многочисленных каменных и керамических пряслиц и грузил. Здесь найдено много необожженных глиняных грузил различной конфигурации и около 200 экз. пряслиц.

Определенное количество кухонной посуды, судя по ее качеству (она грубая и сделана от руки), также изготовляли в самом поселении в домашних условиях. Основную же часть керамических изделий, представленных на Аккургане, жители поселения приобретали на стороне, так как поблизости не обнаружено следов гончарного производства. Керамика, бесспорно,— продукция высококвалифицированного ремесленника-керамиста.

О развитии торговли при помощи денег свидетельствует найденное на поселении огромное (152 экз.) количество монет, в основном мелкого номинала. Эта весьма высокая цифра для такого маленького сельского поселения лишний раз указывает на широкое распространение денежного обращения среди населения страны и на важную его роль в экономике. Известно, что в кушанский период Бактрия занимала первое место по денежному обращению среди других областей Средней Азии (В. Массон, 1955, с. 40).

Материалы Мирзакултепа также свидетельствуют о земледельческом характере данного поселения. Земледелие здесь, как и в

Аккургане, было основано на искусственном орошении. Воду для орошения полей брали из Сурхандарьи, о чем свидетельствует близкое расположение Мирзакултепа к руслу реки. Однако в настоящее время трудно говорить о месте нахождения головного сооружения и о том, как проходил канал, из-за сильного изменения рельефа местности в результате освоения всей территории под хлопок.

Прямых данных, указывающих на виды злаков, выращиваемых жителями Мирзакултепа, пока нет. Однако во многих хумах, расчищенных в помещениях 5 и 6 (Р-2), обнаружены остатки муки, видимо, пшеничной. Как известно, основным видом выращиваемых злаков в Бактрии была пшеница. Важную роль в жизни жителей Мирзакултепа играло скотоводство, о чем свидетельствует большое количество остеологического материала. Жители держали мелкий и крупный рогатый скот, причем, видимо, преобладал первый. О занятиях ремеслом сведений сравнительно мало. Можно предположить, что жители занимались ткачеством (найдено небольшое количество пряслиц).

Таким образом, земледельческий характер поселений Аккурган и Мирзакултепа совершенно очевиден, а сами поселения, видимо, в целом можно рассматривать как общину, функционирование которой определялось коллективным трудом земледельцев, обеспечивавшим устойчивое ведение ирригационного земледелия.

В результате рекогносцировочного обследования Южного Узбекистана установлено, что памятники типа Мирзакултепа и Аккурган, которые, как нам кажется, следует считать общинными поселениями, здесь были широко распространены в кушанский период. Так, в результате изучения Шерабадского оазиса обнаружено, что именно в кушанское время он был густо заселен; особенно часто здесь встречаются небольшие поселения типа Аккурган.

Функционирование сельских общин в описываемый нами период было исторической необходимостью. Во-первых, они являлись составной частью классовой формации (Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 362), во-вторых, бурный рост городских центров и, следовательно, городского населения, увеличил потребность в сельских продуктах, что обусловило увеличение контингента земледельцев и освоения новых земельных угодий. При тогдашнем уровне технической вооруженности земледельцев отдельной семье это было не под силу и требовало кооперации труда.

Ниже мы рассмотрим некоторые стороны внутриобщинных и межобщинных связей, насколько это позволяют археологические раскопки Аккургана, набор находок и дифференциация их. Вхождение Бактрии вместе с северными областями Индостана в общественно-политическую систему Кушанской державы позволяет привлекать материалы об общине древней Индии в качестве косвенной аналогии. Для характеристики общей социально-экономи-

ческой ситуации на Ближнем и Среднем Востоке мы использовали материалы об общине Парфянской империи и Малой Азии.

Разная степень состояния отдельных комплексов Аккургана и дифференциация археологических материалов, видимо, указывают на то, что уже в III—IV вв. из общей массы общинников выделились отдельные патриархальные семьи особого хозяйственного и общественного положения. По нашему мнению, к ним относятся обитатели «южного» и «северного» комплексов. При земледельческом характере хозяйств этих семей выделение их из общины было обусловлено излишками сельскохозяйственных продуктов, которые они, видимо, реализовывали на рынке. Следовательно, для получения прибавочного продукта они должны были увеличить эффективность производства, в данном случае земледельческого, чего они добивались скорее всего усовершенствованием орудий производства, умелой организацией разделения труда и, возможно, использованием рабского труда.

Итак, в «основе деятельности совокупного человека, поднимающей его над природой, делающей субъектом общества, лежит его производственная деятельность, его процесс труда» (Перфильев, 1974, с. 69). Важную роль в этом процессе, вероятно, играли размеры земельных угодий этих семей. Естественно, это наводит на мысль о разделе общинных земель между общинниками и индивидуальной обработке. Однако община, видимо, контролировала их использование и отчуждение, что характерно для Индии (Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 364), Малой Азии (Свенцицкая, 1961, с. 56) и для Ирана парфянского времени (Периханян, 1952, с. 22—23). Пастбищами, очевидно, пользовались все члены общины, как и в Индии (Законы Ману, 1960, IV, 3; VIII, 237; Артхашастра или Наука политики, 1959, II, 2; III, 10). В данном случае община выступала в качестве собственника. До настоящего времени у многих горных таджиков сохранилось аналогичное отношение к пастбищам (Кондауров, 1940, с. 16—20).

Отдельные семьи обрабатывали пахотные земли и в то же время поддерживали постоянные производственные контакты между собой (внутри общины) и с другими общинами. Они обязаны были участвовать в коллективных работах, организуемых общиной, в частности расчищать ирригационные сооружения, содержать их в пригодном состоянии, строить дороги и возводить культовые сооружения. Общинники были связаны и религиозным единством.

Община Аккургана объединяла не только земледельцев, но и ремесленников, обеспечивающих потребности общинников в зернотерках, пряслицах и т. д. Подобное разделение труда внутри общины было выгодно и земледельцам, и ремесленникам. Кроме того, оно указывало на особенность общины как коллективного производственного объединения. В этом отношении внутренняя структура общины Аккургана более близка структуре общины античного Хорезма (Е. Е. Неразик, 1976, с. 218), Индии (Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 365) и Малой Азии (Голубцова, 1972,

.с 32). Так, в Хорезме в сельских поселениях Турпак-кала и Джанбас-кала установлено наличие гончарного производства. Работавшие в гончарных мастерских ремесленники обеспечивали потребности односельчан и, кроме того, сбывали товар на рынок (Неразик, 1976, с. 218). Следует, видимо, отметить и то, что в хозяйстве поселений земледелие не всегда было главным занятием жителей. Известны случаи, когда в хозяйстве поселений доминирующее положение занимало ремесло. В качестве примера можно привести поселение Туз-гыр в левобережном Хорезме, жители которого специализировались в изготовлении гончарных изделий (Неразик, 1976, с. 217).

Высшим должностным лицом в общине, видимо, был «староста» (Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 367—368), в обязанности которого входили сбор налогов, разрешение споров, возникающих внутри общины и между общинами. В Индии староста обычно выступал в роли жреца. В целом сфера действия старосты была многообразной и разносторонней, следовательно, престиж старосты среди общинников был весьма высок. Мы предполагаем, что на Аккургане своеобразной «приемной старосты» было помещение 1. Наличие такого помещения отмечено в общинах Малой Азии, но лишь в тех, которые обладали достаточной экономической самостоятельностью (Голубцова, 1972, с. 143). Возможно, аналогичным было и положение на Аккургане. Планировка и интерьер помещения 1 подтверждают это заключение.

Таким образом, раскопки поселений Аккургана в определенной степени дали представление о структуре сельской общины в Северной Бактрии. Можно предположить, что в III—IV вв. н. э. здесь шел процесс разложения общины. В этот период существовали различные по характеру обстоятельства, влиявшие на социальную жизнь общины и способствовавшие выделению местной знати из числа глав патриархальных семей с достаточным экономическим и общественным статусом. В свою очередь это вело к разложению патриархальных семей на индивидуальные семьи, которые в этот период еще не обладали достаточным экономическим статусом. Аналогичная картина отмечена в соседнем парфянском государстве (Пилипко, 1971, с. 14), и в развитых частях Индии (Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 363). По нашему мнению, вывод М. Г. Воробьевой, считающей, что в Хорезме малая семья становится полноправной экономической единицей уже в конце первой четверти I тыс. до н. э., несколько поспешен (Воробьева, 1970, с. 79—80). В настоящее время мы не располагаем весомыми доказательствами в пользу подобного заключения. К тому же М. Г. Воробьева в своей работе не приводит данных об уровне распространения жилых построек, принадлежавших малым семьям, что справедливо было отмечено Е. Е. Неразик. В специальной монографии, посвященной сельским жилищам Хорезма I—XIV вв. н. э., Е. Е. Неразик допускает возможность выделения

малой семьи как самостоятельной экономической единицы лишь в позднеантичное время (Неразик, 1976, с. 213—219).

В результате рекогносцировочного обследования Северной Бактрии установлено, что в кушанский период здесь повсеместно были распространены поселения типа Аккурган и, следовательно, их можно рассматривать как места обитания сельских общин, ибо общность в типах поселений в определенной степени указывает на сходство их в социально-экономическом плане.

Общины кушанской Бактрии не характеризуются замкнутостью: они поддерживали тесные экономические и общественные связи с городом и другими соседними общинами, что отразилось на многих предметах материальной и духовной культуры и, наверное, ускорило разложение общины. В настоящее время мы не располагаем данными об использовании общинами или отдельными ее богатыми членами труда рабов, хотя развитие товарно-денежных отношений способствовало этому.

В заключение можно сказать, что общины, видимо, являлись составной частью Кушанской империи, были опорой империи в сельских местностях и играли главную роль при интеграции всей экономики страны и ее стабилизации в период возвышения. В последующий период по мере развития рабовладельческих отношений община постепенно утрачивала свой экономический и общественный статус и была вынуждена приспосабливаться к требованиям классовой формации и ее идеологическим представлениям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате рекогносцировочного обследования памятников Сурхандарьинской области кушанского времени установлено, что появление многочисленных поселений и интенсивное освоение земель падает на раннекушанский период. Все поселения, видимо, были земледельческие и располагались вдоль каналов и рек. В это время возникает ряд мелких каналов (Шерабадский) и огромные магистральные каналы, например, Занг. Всего здесь можно выделить пять основных ирригационных районов.

В настоящее время в Сурхандарьинской области на основании подъемного материала, небольших зачисток и стратиграфических шурфовок установлено около 110 памятников, содержащих слои кушанского времени. Для этих памятников мы разработали первичную типологию; основным критерием для нее выбрали величину поселений, так как только она является в настоящее время археологической реальностью, другие же критерии можно будет использовать лишь после детального исследования всех памятников. По величине поселений выделяются четыре группы памятников. Памятники первой и второй групп можно условно отнести к числу сельских поселений, третьей и четвертой—к числу городов. В данном случае памятники третьей группы выступали как хозяйственно-политические и идеологические центры отдельных районов, а памятники четвертой группы, видимо, в роли центров областей, включающих несколько районов, как, например, Старый Термез. В ходе раскопочных работ основным объектом нашего внимания были памятники двух первых групп, из числа которых стратиграфически исследовали около 15 памятников, а на поселениях Мирзакултепа в Правобережье Амударьи и Аккурган в Шерабадском районе произвели стационарные раскопки на больших площадях. В результате стратиграфического изучения в исследованных памятниках установлена очень большая мощность культурных напластований кушанского времени. В некоторых

памятниках она достигает толщины 7—8 *м*, что указывает на интенсивное их обживание в этот период.

В результате археологического изучения поселений Северной Бактрии расширился диапазон источников по материальной культуре и социально-экономической истории. Появились первые сведения об устройстве сельских жилых домов кушанского времени, строительных материалах и технических приемах; археологические находки показали культуру, быт и занятия жителей этих поселений. Большой ассортимент посуды, отличное ее качество свидетельствуют о высокой материальной культуре, в статуэтках, налепах, украшениях отразился духовный мир и религиозные верования населения. Например, найденная на поселении Аккурган статуэтка Будды указывала на распространение буддизма не только среди городского населения (В. Массон, 1974, с. 11), но и в широких кругах населения всей страны, в том числе сельского.

В результате исследования Мирзакултепа и Аккургана получен, хотя и не столь значительный, но весьма содержательный и конкретный археологический материал, позволяющий судить об экономической и социальной структуре не только данных поселений, но и всего общества в целом. Так, обилие монетных находок в сельских поселениях, особенно в слоях позднекушанского времени, свидетельствует о высоком развитии товарно-денежных отношений в среде всего населения страны и об их кардинальной роли в экономике. Это лишний раз подтверждает тот факт, что в кушанский период Бактрия занимала первое место по денежному обращению в Средней Азии (В. Массон, 1955, с. 40). Здесь важно отметить характерную деталь — в раннекушанский период товарно-денежные отношения, видимо, были менее развиты, чем в позднекушанский. Так, на раскопанном участке Мирзакултепа с общей площадью более 1000 $м^2$ обнаружено всего 4 монеты, а на такой же площади в Аккургане найдено более 40 экз.

На основании рекогносцировочных обследований и раскопок поселений ставится вопрос о роли сельских общин в структуре кушанской державы. Характер планировки Аккургана и распределение сделанных в нем находок позволяют считать, что Аккурган и значительную часть поселений этого типа можно рассматривать как места обитания сельских земледельческих общин. К сожалению, подобная интерпретация не подтверждается письменными источниками, в которых отсутствуют данные о социальном строе народов Бактрии. Поэтому во многом наши заключения могут показаться гипотетическими. Однако в результате сопоставления их с данными общин Малой Азии, Парфии и особенно Индии отмечено большое сходство сельских общин этих стран. Этнографические данные также свидетельствуют в пользу предполагаемого заключения. Обилие в Северной Бактрии памятников типа Аккурган, трактуемых нами как место обитания сельских общин, видимо, указывает на то, что они выступая как самостоятельный экономический и общественный институт играли весьма

важную роль в интенсивной стабилизации экономики страны и в обеспечении в определенной степени военно-политического успеха кушан на мировой арене. Мы надеемся, что при дальнейшем изучении памятников типа Аккурган появятся новые археологические материалы, позволяющие более конкретно реконструировать социальный строй кушанской Бактрии.

В результате раскопок Мирзакултепа и Аккургана получен комплекс археологических материалов ранне- и позднекушанского периода, в связи с чем ценность этих исследований еще более возросла. В дальнейших исследованиях эти комплексы вполне можно использовать как эталон при изучении других археологических памятников, особенно при идентификации подъемных и маловыразительных материалов. Надежность полученных комплексов обусловлена их стерильностью в определенном пространстве и времени.

Комплекс археологических материалов Мирзакултепа синхронен материалам Тулхарского и Айртамского могильников, слоям Яван VI, Кобадиан II—III, нижнему слою Каменного городища, слою III—IV Халчаяна, Термезу I и II периодов, Айртаму раннекушанского времени, Дальверзину юечжийско-кушанского периода, слоям VII—VIII Зартепа, а Аккурган — комплексам Яван I, Кобадиан IV, верхнему слою Дальверзинтепа, Зартепа, пятому слою Термеза, Каратепа, Айртаму «позднекушанского» времени и т. д. и в то же время существенно дополняют их, так как ни на одном из перечисленных памятников еще не получали такой богатый и разнообразный материал, как на Мирзакултепа и Аккургане. Кроме того, при сопоставлении этих комплексов, основанном на материалах Мирзакултепа и Аккургана, можно будет выделить более ранние среди них комплексы.

В результате археологических исследований поселений установлено, что расцвет культуры в Бактрии в кушанский период отмечался не только в крупных городских центрах, но и в мелких и средних населенных пунктах. В настоящее время на основании имеющихся данных можно утверждать, что поселения кушанского времени, особенно позднекушанского, имели много общих черт с городами. Это отразилось и на внешних признаках (общая планировка, укрепление, наличие цитадели) и в материальной культуре (керамика, терракота, монета, украшения и т. п.). Подобная адекватность свидетельствует по меньшей мере о тесных контактах, существовавших между городами и поселениями. В более широком плане, возможно, следует предполагать воздействие городского образа жизни на земледельческую округу. Следовательно, кушанская Бактрия характеризуется интенсивным сближением и слиянием двух противоположных общественных форм. Это был закономерный исторический процесс, связанный с высокой степенью урбанизации общества.

Большая общность в материальной культуре кушанской Северной Бактрии указывает на тесные экономические и культурные

связи, существовавшие внутри данной области, и на определенную общность в этнокультурном отношении. Сопоставление материальной культуры Северной Бактрии с культурой Южной Бактрии и Индии указывает в определенной степени на культурное и идеологическое единство и одинаковый уровень общественного развития, что обусловлено вхождением всей этой огромной территории в состав единой державы — кушанской.

На основании данных о Кушанской империи и исследований Бактрийской экспедиции в Северной Бактрии можно кратко охарактеризовать динамику развития Бактрии. В кушанский период она достигла в своем развитии апогея, что отразилось на материальной, художественной культуре и экономической жизни. Рассмотрим в качестве примера керамическое ремесло. Для керамики того времени характерны большой ассортимент, высокое качество и вычурная внешность. В среднекушанский период в жизни страны отмечен определенный регресс, что, видимо, связано с военными столкновениями между кушанской империей и сасанидским Ираном, завоевавшим Бактрию. К тому времени керамика стала немного грубее. В тесте отмечено много примеси мелкого песка, что значительно ухудшило качество. В позднекушанский период Бактрия переживает новый подъем. Освобождение от владычества сасанидского Ирана способствовало нормализации жизни в стране. Для керамики позднекушанского периода опять характерны большой ассортимент, первосортное качество, вычурная внешность и богатый декор. Вскоре Бактрия приходит в упадок уже надолго; это связано с происходившими изменениями в общественном строе, политическим и экономическим кризисом Кушанской державы.

Общественно-политический и экономический кризис внутри Кушанской империи в конце III—IV вв. н. э. сказался и на населенных пунктах Северной Бактрии. В первую очередь в результате кризиса пришли в упадок большие городские центры. В одних из них (Жандавлаттепа, Зартепа и др.) жизнь полностью замерла, а в других (Термез, Хаитабадтепа, Дальверзинтепа и др.) резко сократилась обжитая площадь. Кризис не обошел стороной и сельские поселения. В результате предварительного изучения поселений Северной Бактрии установлено, что большинство поселений области прекратило существование в конце III—IV вв. н. э., в том числе и Аккурган. Вероятно, это в определенной степени обусловлено тем, что центральная власть не способна была содержать каналы в пригодном состоянии. Аккурган был, видимо, расположен где-то в конце канала. Как показало рекогносцировочное и стратиграфическое изучение, сначала приходили в упадок поселения, расположенные в низовьях канала, в том числе Аккурган, Хаджакия и Мазарбабатепа. Поселения же, расположенные выше по каналу, ближе к головному сооружению, определенное время обживались и в раннем средневековье, что подтверждено материалами раннего средневековья в этих памятни-

ках. В XIII—XIV вв. Аккурган, как и многие памятники античности, использовали под захоронения.

Сложен вопрос о причине замирания жизни на Мирзакултепа. Его забросили в тот период, когда шла стабилизация экономики всей страны, осваивались новые участки, сооружались каналы, появлялись новые населенные пункты; это было время и военно-политических успехов кушан. Мы надеемся, что при дальнейшем изучении этого памятника появятся новые данные, позволяющие судить о причине замирания жизни на Мирзакултепа.

Раскопки Мирзакултепа и Аккургана, стратиграфическое изучение памятников их типа дали весьма ценные и конкретные археологические материалы, позволяющие, хотя и предварительно, реконструировать жизнь и быт непосредственных производителей кушанского общества, подлинную роль которых часто забывают исследователи, увлеченные внешним блеском древних культур и цивилизаций.

ЛИТЕРАТУРА

Альбаум Л. И., 1955*а*. Некоторые данные по изучению ангорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.). Тр. ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент.

Альбаум Л. И., 1955*б*. Некоторые результаты изучения ангорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг. ИАН УзССР, № 7.

Альбаум Л. И., 1960. Балалык-тепе. Ташкент.

Альбаум Л. И., 1965. Занг-тепа (раскопки 1962 г.). ИМКУ, вып. 6, Ташкент.

Альбаум Л. И., 1966. Городище Дальверзин-тепа, ИМКУ, вып. 6, Ташкент.

Альбаум Л. И., 1974. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе. В сб. «Древняя Бактрия», Л.

Артхашастра или Наука политики, 1959, М.—Л.

Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф. 1969. Древняя Индия, М.

Бичурин Н. Я., 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. I—III, М.—Л.

Бородай Ю. М., 1972. К вопросу о социально-психологических аспектах происхождения первобытнородовой общины. В сб. «Принцип историзма в познании социальных явлений», М.

Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. 1972. Наследие Карла Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма. В сб. «Принцип историзма в познании социальных явлений», М.

Букинич Д. Д., 1945. Каналы древнего Термеза, Тр. ТАКЭ, т. II, Ташкент.

Вайнберг Б. И., 1972. Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. В сб. «Кара-тепе», М.

Вайнберг Б. И., 1974. Археологические материалы из Хорезма в связи с проблемой кушанской хронологии. В сб. «Центральная Азия в кушанскую эпоху», М.

Воробьева М. Г., 1959. Керамика Хорезма античного периода. Тр. ХАЭЭ, т. IV, М.

Воробьева М. Г., 1968. Ранние терракоты древнего Хорезма. В сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М.

Воробьева М. Г., 1970. Археологические памятники античного Хорезма как источник для реконструкции социально-экономических процессов. КСИА, вып. 122.

Воронец М. Э., 1947. Древнейшие терракоты Музея истории АН Узбекской ССР. Бюлл. АН УзССР, № 5.

Вязьмитина М. И., 1945а. Раскопки на городище Айртам. Тр. ТАКЭ, т. II, Ташкент.

Вязьмитина М. И., 1945б. Керамика Айртама времени кушанов. Тр. ТАКЭ, т. II, Ташкент.

Гаврилова А. А., 1965. Могильник Кудырге как источник по истории алтайских племен. М.—Л.

Гафуров Б. Г., 1949. История таджикского народа, т. I, М.
Гафуров Б. Г., 1974. Кушанская эпоха и мировая цивилизация. В сб. «Центральная Азия в кушанскую эпоху, М.
Геродот, 1972. История в девяти книгах, перевод и примечания Г. А. Стратановского, Л.
Голубцова Е. С., 1962. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв., М.
Голубцова Е. С., 1972. Сельская община Малой Азии III в. до н. э.— III в. н. э., М.
Грек Т. В., Лившиц В. А., 1972. Двуязычная надпись из Каратепе. В сб. «Кара-тепе», М.
Гулямов Я. Г., 1974. Кушанское царство и древняя ирригация Средней Азии. В сб. «Центральная Азия в кушанскую эпоху», М.
Данге Ш. А., 1975. Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя, М.
Денике Б. П., 1928*а*. Экспедиция Музея восточных культур в Среднюю Азию 1927 г. В сб. «Культура Востока», т. 2, М.
Денике Б. П., 1928*б*. Термез (работы экспедиции Музея восточных культур в 1927 г.). НВ, № 22.
Дилигенский Г. Г., 1975. Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших социальных групп. В сб. «Методологические проблемы социальной психологии», М.
Дьяконов И. М., 1963. Общины на древнем Востоке в работах советских исследователей. ВДИ, № 1.
Дьяконов М. М., 1950. Работы Кафирниганского отряда. МИА, № 15, М.—Л.
Дьяконов М. М., 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.), МИА, № 37, М.—Л.
Дьяконов М. М., 1954. Сложение классового общества в северной Бактрии. СА, XIX.
Дьяконова Н. В., Сорокин С. С., 1960. Хотанские древности, Л.
Жуков В. Д., 1945. Стратиграфический разрез части крепостной ограды калы древнего Термеза. Тр. ТАКЭ, т. II, Ташкент.
Забелина Н. Н., 1953. Раскопки на городище Калаи-мир. МИА, № 37, М.—Л.
Заднепровский Ю. А., 1954. Древняя Фергана. Автореф. канд. дисс., Л.
Заднепровский Ю. А., 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118.
Заднепровский Ю. А. и Массон В. М., 1955. Новые материалы по археологии Таджикистана. ВДИ, № 1.
Законы Ману, 1960, М.
Зеймаль Е. В., 1960. Кушанские монеты из собрания Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Известия отделения наук ТаджССР, вып. 1 (22).
Зеймаль Е. В., 1965. Кушанское царство по нумизматическим данным. Автореф. канд. дисс., Л.
Зеймаль Е. В., 1967. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже. Тр. Государственного Эрмитажа, т. IX, Л.
Зеймаль Е. В., 1968. Кушанская хронология, М.
Зеймаль Е. В., 1974. Начальная дата Канишки — 278 г. н. э. В сб. «Центральная Азия в кушанскую эпоху», М.
Зеймаль Т. И., 1959*а*. Работы Вахшской группы хуттальского отряда в 1957 г. Тр. АН ТаджССР, т. CIII.
Зеймаль Т. И., 1959*б*. Из прошлого Вахшской долины. В сб. «Археологи рассказывают», Сталинабад.
Зеймаль Т. И., 1961*а*. Разведывательные работы в Вахшской долине в 1959 г. Тр. ИМ АН ТаджССР, т. XXXI.
Зеймаль Т. И., 1961*б*. Античное поселение в урочище Халкаджар, Тр. ИИ АН ТаджССР, т. 27, Сталинабад.

Зеймаль Т. И., 1969. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дисс., Л.
Кабанов С. К., 1964. Ареал и эволюция двух древних керамических форм, СА, № 3.
Кабанов С. К., 1973. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. В сб. «Афрасиаб», вып. II, Ташкент.
Калмыков А. Д., 1908. Аму-Дарьинский клад и греко-бактрийское искусство. «Протоколы заседания Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент.
Качановский Ю. В., 1971. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства, М.
Козлов В. И., 1968. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития. «Вопросы истории», № 9.
Кой-Крылган-кала, 1967 (под общей редакцией С. П. Толстова), М.
Кондауров А. Н., 1940. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягновцев, М.—Л.
Королев С. И., 1975. Элементы духовной культуры в этнической психологии. В сб. «Методологические проблемы социальной психологии», М.
Кошеленко Г. А., 1966. Культура Парфии, М.
Кошеленко Г. А., Лисовская Н. Б., Мешкерис В. А., 1968. Краткое изложение концепции Д. Шлюмберже о несредиземноморских преемниках греческого искусства. ИАН ТаджССР, отделение общественных наук 2(52), Душанбе.
Крыжицкий С. Д., 1971. Жилые ансамбли древней Ольвии, Киев.
Кругликова И. Т., 1973. Кушанское городище Емши-тепе в Северном Афганистане. КСИА, № 36.
Кругликова И. Т., 1974. Дильберджин, М.
Кругликова И. Т., Сарианиди В. И., 1971. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, № 4.
Курций Руф, 1963. История Александра Македонского, М.
Лившиц В. А., 1964. Бактрийские надписи из Кара-тепе. Тез. докладов сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 г., М.
Лившиц В. А., 1969. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе, В сб. «Кара-тепе», М.
Лившиц В. А., 1971. Землевладение и аграрные отношения в Туркменистане в период раннего средневековья в IV—VII в.
Литвинский Б. А., 1956. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. 37, Сталинабад.
Литвинский Б. А., 1963. История Таджикского народа, М.
Литвинский Б. А., 1967*а*. Археологические открытия в Таджикистане за годы советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии. ВДИ, № 4.
Литвинский Б. А., 1967*б*. Археологические работы Института истории АН ТаджССР, АО, 1966.
Литвинский Б. А., 1968. Среднеазиатские народы и распространение буддизма. В сб. «История, Археология и этнография Средней Азии», М.
Литвинский Б. А. и Давидович Е. А., 1954. Предварительный отчет о работах Хуттальского отряда (Таджикской археологической экспедиции) на территории Вахшской долины в 1953 г. ДАН ТаджССР, вып. 11, Сталинабад.
Литвинский Б. А. и Мухитдинов Х. Ю., 1969. Античное городище Саксонахур, СА, № 2.
Луконин В. Г. 1961. Иран в эпоху первых Сасанидов, Л.
Луконин В. Г., 1967. Кушано-сасанидские монеты. ЭВ, XVIII, Л.
Луконин В. Г., 1969. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. ВДИ, № 2.
Луконин В. Г., 1974. Завоевания сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. В сб. «Центральная Азия в Кушанскую эпоху», М.

Маев Н. А., 1876. Географический очерк Гиссарского края и Кулябского бекства. ИРГО, т. 12, вып. 4.
Маев Н. А., 1879. Долина Сурхана. ТВ, № 36.
Мандельштам А. М., 1954*а*. Предварительный отчет о работах Кафирниганского отряда в 1953 г. ДАН АН ТаджССР, вып. 11, Сталинабад.
Мандельштам А. М., 1954*б*. О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане. СА, XXI.
Мандельштам А. М., 1956. О работах Кобадианского отряда в 1955 г. Тр. АН ТаджССР, т. XIII, Сталинабад.
Мандельштам А. М., 1959*а*. Археологические работы в 1956 г. в Бишкентской долине. Тр. АН ТаджССР, т. 91, Сталинабад.
Мандельштам А. М., 1959*б*. Археологические работы в Бишкентской долине в 1957 г. Тр. АН ТаджССР, т. 103, Ленинабад.
Мандельштам А. М., 1959*в*. Могильник Арук-Тау в Бишкентской долине (Южный Таджикистан). КСИИМК, вып. 76.
Мандельштам А. М., 1961*а*. Новые данные о Тулхарском могильнике по работам 1958 г. Тр. ИИ АН ТаджССР, т. 27, Сталинабад.
Мандельштам А. М., 1961*б*. Хангаза (из результатов работы кафирниганского отряда ТАЭ в 1958—1959 гг.). Тр. ИИ АН ТаджССР, т. 31.
Мандельштам А. М., 1964. К истории Бактрии — Тохаристана (некоторые археологические наблюдения). КСИА, вып. 98.
Мандельштам А. М., 1966. Кочевники на пути в Индию. МИА, № 136, М.—Л.
Мандельштам А. М., 1974. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных. В сб. «Центральная Азия в кушанскую эпоху», М.
Мандельштам А. М., 1975. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии, Л.,
Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б., 1958. Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. МИА, № 66, М.—Л.
Масимов И. С., 1973. Керамическое производство южного Туркменистана эпохи бронзы. Автореф. канд. дисс., Л.
Массон В. М., 1953. Редкая среднеазиатская монета из собрания Государственного Эрмитажа, ВДИ, № 2.
Массон В. М., 1955. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. ВДИ, № 2.
Массон В. М., 1956. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. ЭВ, XI.
Массон В. М. 1957. К вопросу о чекане юечжийской Бактрии. ИООН АН ТаджССР, вып. 14, Сталинабад.
Массон В. М., 1958. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал. СА, № 2.
Массон В. М., 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73.
Массон В. М., 1967. Становление раннекушанского общества на древнем Востоке. «Вопросы истории», № 5.
Массон В. М., 1968. К вопросу об общественном строе древней Средней Азии. В сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М.
Массон В. М., 1971*а*. Поселение Джейтун. МИА, № 180.
Массон В. М., 1971*б*. Земледелие и аграрный строй Туркменистана в эпоху развития рабовладельческих отношений. В кн. «Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане», Ашхабад.
Массон В. М., 1974. Проблема Древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. В сб. «Древняя Бактрия», Л.
Массон В. М., 1976. Кушанские поселения и кушанская археология. В сб. «Бактрийские древности», Л.
Массон В. М., Ромодин В. А., 1964. История Афганистана, т. I, М.
Массон М. Е., 1933. Находка фрагмента скульптурного карниза I в. н. э., Ташкент.
Массон М. Е., 1935. Скульптура Айртама. «Искусство», № 2.

Массон М. Е., 1936. Новый пункт местонахождения греко-бактрийских памятников. СОНАТ, № 1, Ташкент.
Массон М. Е., 1938. Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1937 гг. СОНАТ, № 7.
Массон М. Е., 1940*а*. Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). КСИИМК, № 8.
Массон М. Е., 1940*б*. Городища Старого Термеза и их изучение. Тр. ТАКЭ, т. I, Ташкент.
Массон М. Е., 1950. Происхождение безымянного «царя царей великого спасителя». Тр. САГУ, вып. XI, Ташкент.
Массон М. Е., 1951. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, № 4.
Мешкерис В. А., 1962. Терракоты Самаркандского Музея, Л.
Мешкерис В. А., 1968. Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху. ИАН ТаджССР, отделение общественных наук, 2 (52).
Мешкерис В. А., 1969. Терракоты из Кара-тепе. В сб. «Кара-тепе», М.
Моль А., 1973. Социодинамика культуры, М.
Мухитдинов Х. Ю., 1968. Гончарный квартал Саксонахура. ИАН ТаджССР, № 3.
Мухитдинов Х. Ю., 1973*а*. Терракоты Саксонахура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Автореф. канд. дисс., Душанбе.
Мухитдинов Х. Ю. 1973*б*. Терракоты и их интерпретация. Тез. докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР, Ташкент.
Мушкетов И. В., 1886. Туркестан, СПб.
Некрасова Е. Г., 1974. К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии. В сб. «Древняя Бактрия», Л.
Неразик Е. Е., 1976. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв. н. э.), М.
Неуструев С., 1915. Путешествие в Южную Бухару и исследование Шерабадской долины, Пг.
Периханян А. Г., 1952. Рабовладение и землевладение в Иране парфянского времени. ВДИ, № 4.
Перфильев М. Н., 1974. Общественные отношения, Л.
Пидаев Ш. Р., 1973. Открытие нового памятника середины I тысячелетия до нашей эры. ОНУ, № 11.
Пидаев Ш. Р., 1974. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии. В сб. «Древняя Бактрия», Л.
Пидаев Ш. Р., 1975. О генезисе штампованных орнаментов на керамике античной Бактрианы. ОНУ, № 1.
Пидаев Ш. Р., 1975. Кушанская терракота Мирзакултепа. ОНУ, № 8.
Пидаев Ш. Р., 1976. Некоторые данные о раскопках кушанского поселения Аккурган в Северной Бактрии. СА, № 1.
Пилипко В. Н., 1971. Поселения Северной Парфии (III в. до н. э. — III в. н. э.). Автореф. канд. дисс., Л.
Пиотровский Б. Б., 1940. Раскопки на Чингиз-тепе. Тр. ТАКЭ, т. I, Ташкент.
Полибий, 1890. Всеобщая история, пер. Ф. Г. Мищенко.
Пугаченкова Г. А., 1945. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана. Тр. ТАКЭ, т. II, Ташкент.
Пугаченкова Г. А., 1958. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. VI, М.
Пугаченкова Г. А., 1960. Археологическая разведка у села Халчаян. ИАН УзССР, сер. общ. наук, № 3, Ташкент.
Пугаченкова Г. А., 1961. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР в 1960 г. ОНУ, № 3.
Пугаченкова Г. А., 1962*а*. Образ чаганианского правителя на терракотовом медальоне из Халчаяна. ВДИ, № 2.
Пугаченкова Г. А., 1962*б*. Коропластика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад.
Пугаченкова Г. А., 1963*а*. Халчаянская Афина. ВДИ, № 2.

Пугаченкова Г. А., 1963*б*. К истории античной строительной техники Бактрии Тохаристана. СА, № 4.
Пугаченкова Г. А., 1963*в*. К исторической топографии Чаганиана. Тр. ТашГУ, вып. 200.
Пугаченкова Г. А. 1963*г*. К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 года. ОНУ, № 4.
Пугаченкова Г. А., 1964*а*. К проблеме искусства Северной Парфии и Северной Бактрии. ОНУ, № 6.
Пугаченкова Г. А., 1964*б*. Скульптура Халчаяна. «Искусство», № 6.
Пугаченкова Г. А., 1966*а*. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент.
Пугаченкова Г. А., 1966*б*. Девушка с лютней в скульптуре Халчаяна. В сб. «Культура античного мира», М.
Пугаченкова Г. А., 1966*в*. К дискуссии о «Сотере Мегасе». Тр. ТашГУ, 295.
Пугаченкова Г. А., 1967*а*. Погребение монгольского времени в Халчаяне. СА, № 2.
Пугаченкова Г. А., 1967*б*. Материалы по коропластике Бактрии Тохаристана. В сб. «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», М.
Пугаченкова Г. А., 1967*в*. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии. ВДИ, № 3.
Пугаченкова Г. А., 1971*а*. Скульптура Халчаяна, М.
Пугаченкова Г. А., 1971*б*. Новое в изучении Дальверзинтепе (К истории бактрийско-кушанской городской культуры). СА, № 4.
Пугаченкова Г. А., 1973*а*. В поисках позабытой цивилизации. В сб. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент.
Пугаченкова Г. А., 1973*б*. Керамические печи эпохи Кушан в Южном Узбекистане. СА, № 2.
Пугаченкова Г. А., 1973*в*. Исследования и открытия Узбекистанской искусствоведческой экспедиции в 1972 г. Тез. докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР, Ташкент.
Пугаченкова Г. А., 1973*г*. Работы в Шурчинском районе Узбекской ССР. Археологические открытия 1972 г., М.
Пугаченкова Г. А., 1973*д*. Изучение культуры бактрийских городов в Южном Узбекистане. «Вестник АН СССР», № 3.
Пугаченкова Г. А., 1973*е*. Новые данные о художественной культуре Бактрии. В сб. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент.
Пугаченкова Г. А., 1974. О культуре Бактрии в свете археологии. ВДИ, № 3.
Пугаченкова Г. А., Э. В. Ртвеладзе, 1971. Новые монетные находки из правобережной Бактрии. ВДИ, № 4.
Пугаченкова Г. А. и Тургунов Б. А., 1974. Исследование Дальверзинтепе в 1972 г. В сб. «Древняя Бактрия», Л.
Ремпель Л. И. 1949. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад.
Ремпель Л. И., 1953. Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении, Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад.
Ртвеладзе Э. В., 1974. Разведочные изучения Бактрийских памятников на юге Узбекистана. В сб. «Древняя Бактрия», Л.
Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А., 1973. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии. В сб. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент.
Румянцев А. М., 1972. Урбанизация и общество. В сб. «Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс», М.
Рутковская Л. М., 1962. Античная керамика древнего Мерва. Тр. ЮТАКЭ, т. XI.
Сабиров К. С. и Пилипко В. Н., 1974. Раскопки оборонительных сооружений Зар-тепе. В сб. «Древняя Бактрия», Л.
Савицкий Г. И., 1941. Известия античных писателей о Средней Азии, «Древняя Бактриана», вып. 1, Самарканд.

Салтовская Е. Д., 1971. Северо-западная Фергана в древности и раннем средневековье. Автореф. канд. дисс., Душанбе.
Саркисян Г. Х., 1955. Из истории городской общины в Армении. ВДИ, № 3.
Свенцицкая И. С., 1961. Сельская община Малой Азии в I—III вв. н. э. ВДИ, № 3.
Солодухо Ю. А., 1945. Концентрация земли и обезземеление мелких землевладельцев в Ираке во II—V вв. н. э. (по талмудическим данным). ВДИ, № 2.
Ставиский Б. Я., 1961. О северных границах Кушанского государства, ВДИ, № 1.
Ставиский Б. Я., 1964. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг. В сб. «Кара-тепе», вып. 1, М.
Ставиский Б. Я., 1969. Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг. В сб. «Кара-тепе», вып. 2, М.
Ставиский Б. Я., 1972*а*. Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг. В сб. «Кара-тепе», вып. 3, М.
Ставиский Б. Я., 1972*б*. О характерных особенностях искусства кушанской Бактрии. СГМИНВ, вып. VI, М.
Страбон, 1974. География, пер. Г. А. Стратановского, М.
Стрелков А. С., 1927. Зурмала или Катта-тепе около Термеза. В сб. «Культура Востока», т. I, М.
Стрелков А. С., 1928. Доисламские памятники древнего Термеза. В сб. «Культура Востока», т. 2, М.
Юдочина-Сычева Н. С., 1968. Керамика Кара-тепе. Тез. докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии, Л.
Сычева Н. С., 1969*а*. Сравнительный анализ керамики из комплексов «А» и «Б» Кара-тепе в Старом Термезе. СГМИНВ, вып. I, М.
Сычева Н. С., 1969*б*. Керамика из кельи пещерного храма II—III. СГМИНВ, вып. II, М.
Сычева Н. С., 1970. История изучения керамики Северной Бактрии кушанского времени. СГМИНВ, вып. III, М.
Сычева Н. С., 1972. Керамика нижней Сурхандарьи в кушанское время. Автореф. канд. дисс., М.
Теплаухов С. А., 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. МЭ, IV, вып. 2, Л.
Тереножкин А. И., 1950. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, М.—Л.
Тереножкин А. И., 1972. Вопросы периодизации и хронологии древнейшего Самарканда. СА, № 3.
Толстов С. П., 1938. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ, вып. I.
Толстов С. П., 1948*а*. Древний Хорезм, М.
Толстов С. П., 1948*б*. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л.
Толстов С. П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта, М.
Тревер К. В., 1940. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л.
Тургунов Б. А., 1968. Айртамский могильник. ОНУ, № 8.
Тургунов Б. А., 1973. К изучению Айртама. В сб. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент.
Тургунов Б. А., 1974. Айртам. К проблеме античной культуры юга Узбекистана, Автореф. канд. дисс., Ташкент.
Умняков И. И., 1929. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование, ремонт, реставрация, 1920—1928, Ташкент.
Усманова З. И., 1963*а*. Эрк-кала. Тр. ЮТАКЭ, т. XII.
Усманова З. И., 1963*б*. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала. Тр. ЮТАКЭ, т. XII.
Харматта Я., 1969*а*. К интерпретации индийских надписей на керамике из Кара-тепе. В *сб.* «Кара-тепе», М.
Хлопин А. Д., 1972. Проблема адаптации сельских мигрантов к городской среде. В сб. «Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс», М.
Чангли И. И., 1973. Труд, М.

Шишкин В. А., 1940. К исторической топографии Старого Термеза. Тр. ТАКЭ, т. I, Ташкент.
Шишкин В. А., 1963. Варахша, М.
Шишкина Г. В., 1969. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. В сб. «Афрасиаб», вып. I, Ташкент.
Шишкина Г. В., 1974. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб). В сб. «Афрасиаб», вып. III, Ташкент.
Щеглов О. М., 1972. Исследования Кара-тепе в 1961—1970 гг. в освещении печати. В сб. «Кара-тепе», М.
Щетенко А. Я., 1974. Раскопки монументального архитектурного комплекса Зар-тепе. В сб. «Древняя Бактрия», Л.
Теофраст, 1951. Исследования о растениях, пер. с греч. с прим. М. Н. Сергеенко, М.
Юркевич Э. А., 1965. Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии. СА, № 4.
Юркевич Э. А., 1968. Кушанская культура на территории Афганистана, Пакистана и Индии. Автореф. канд. дисс., М.
Юсифов Ю. Б., 1968, Элам, М.
Adams R. C., 1966. The Evolution of urban society. Early Mesopotamia and Prehistories Mexico, Chicago.
Adams R. C. and Nissen H. J., 1972. The Uruk countryside. The natural setting of urban societies, Chicago—London.
Ahmed S. S. 1968. Geogwaphy of Bactria in Greek sources, Afghanistan, vol. 20, No. 4.
Allchin F. R., 1960. The culture sequence of Bactria. Afghanistan, vol. 15, No. 1.
Bernard P., 1968. Chapiteux corinthiens hellenistigues d'Asie centrale decoriverts a Ai Khanoum, Suria, Revue d'art oriental et d'archeologue, publiee, par l' Institut francais d'archeologue de Beyrouth, t. XLV, Paris.
Bernard P., 1970. Campagne de Fouilles 1969 a Al Khanoum en Afghanistan, Academie des inscriptions Belles—Lettres, 1970, April—Juin, Paris.
Bernard P., 1973. Fouilles d'Al Khanoum, MDAFA, t. XXI, vol. I—II, Paris.
Bivar A. D. H., 1956. The Kushano-Sassanian coin Series, The Journal of the Numismatic Society of India, XVIII, I, Bombay.
Carl J., 1959. Fouolles dans le site de Shapr-i Banu ot sondages au Zaker-Tepe. MDAFA, t. VIII.
Curiel R. et Fussman G., 1965. Le tresor monetaire de Qundu. MDAFA, t. XX, Paris.
Dalton O. M. 1905. The Treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work, London.
Dani A. H. 1965—1966. Shaikhan Dheri Excavation. Ancient Pakistan, vol. II, Peshawar.
Dani A., Khan F., 1974. Kushan civilisation in Pakistan, В сб. «Центральная Азия в кушанскую эпоху», М.
Foth E., 1965. Terracottas of the Kushan period (Az iparmuves z eti mu eumevkonyvei), 165.
Frye R. N., 1966. A Greek city in Afghanistan. American journal of archaeology, vol. 70, No. 3.
Gardin J., 1957. Ceramique de Bactres. MDAFA, t. XV, Paris.
Gardin J., 1973. Les ceramiques. В сб. «Fouilles d'Ai Khanoum», Vols. I—II, Paris.
Gardner P. 1886. The Coins of the Greek and Scythik Rings in the British Museum, Longon.
Ghirshman R. 1946, Begram, MDAFA, t. XII, Le Caire.
Göbl R., 1961. Grundriss einer historischen Paläographie der Kusanmünzen (iranica antiqua), vol. I, 1961.
Göbl R., 1968. Numismatic evidence relating to the date of Kaniska. В сб. «Papers on the date of Kaniska», Leiden.
Hallade M., 1968. Gandharan Art of North India, New York.

Harmatta J., 1969. The Bactrian Wall — inscription from Karatepe. В сб. «Каратепа», М.
Herzfeld E., 1930. Kushano-Sasanian coins, Calcutta.
Jonatihon E., Ericson and Gary Stickel E., 1973. A proposed classification system for ceramics, World Archaeology, vol. 4, No. 3.
Kosambi D. D., 1968. Kaniska and the Saka era. В сб. «Papers on the data of Kaniska», Leiden.
Krouglikova I. T. et Sarianidy V. S., 1971. La Bactrian ancienne dans l'optigue de nouvelles recherches archaeologiques. Kushan culture and History, Dec., No. 2, Kabyl.
Leshnik L. S. 1967. Kushano-sassanian ceramics A preliminary note. Berliner Janhrbutj für Vor- und Früngeschichte, BD 7.
Van. Lohnizen de Leeuw J. E., 1949. The «Scythion» period, Leiden.
Lohnizen J. E., 1968. The data of Kaniska and some recently published images. В сб. «Papers of the date of Kaniska», Leiden.
Macdowall D. W., 1968*a*. Numismatic evidence for date of Kaniska. В сб. «Papers on the date of Kaniska», Leiden.
Macdowall D. W. 1968*b*. Soter Megas the king of kings the kushuna, J. N. 51.
Macdowall D. W., 1974. Implications for kushan chronology of the munismatic context of the Namoless King. В сб. «Центральная Азия в кушанскую эпоху», М.
Marshali J., 1951, Taxila, 3 vols. Cambridge.
Mustamandi S., 1968*a*. Kushanids art. «Afghanistan», vol. 22, 1969. No 1.
Moustamindy C., 1968*b*. Vestiges boudhiques a Koh-i-Mori. «Afghanistan», No 25.
Mustamandi S., 1968*c*. Greco-Bactrian art. «Afghanistan», vol. 21, No. 3.
Mustamandi S., 1969. The conquests of the Kushanids. «Afghanistan», vol. 21, No 4.
Narain A. K. 1957. The Indo-Greeks, Oxford. Clarendin press.
Perkins A. L., 1959. The comparative archeology of early Mesopotamia, Chicago.
Plinius Sesundus. 1826. Calus. C. Plinü Secundi Matural is historiae libri, XXXVII, vol. 1—14, Londini, Valpy.
Rawlinson H., 1912. Bactria, London.
Rosenfield J. 1967. The Dynastic Art of the Kushans. Berkley and Los. Angelos.
Schlumberger D., 1947. La prospection archeologique de Balkh, CRAIBL.
Schlumberger D., 1949. La prospection archeologique de Bactres. Syria, 26, No 3/4.
Schlumberger D., 1953. Surkh Katal. A late hellenistic temple in Bactria, Archeaology, vol. VI, No 4.
Schlumberger D., 1961. The Excavations at Surk Ketal und Problem of Hellenism in Bactria and India. «Proceedings of the British Academy», London.
Smith V. 1906. Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta, Oxford.
Tarn W. W., 1951. The Greeks in Bactria and India, Cambridge.
Thapar B. 1974. The kushan civilisation in India.
Tomaschek W. Zentralasiatische Studien, I Sogdiana, Wien, 1877.
Uerpmann Hans-Peter, 1973. Animal bone finds and economic archaeology: a critical study of «osteo-archaeological» method, World Archaeology, vol. 4, No. 3.

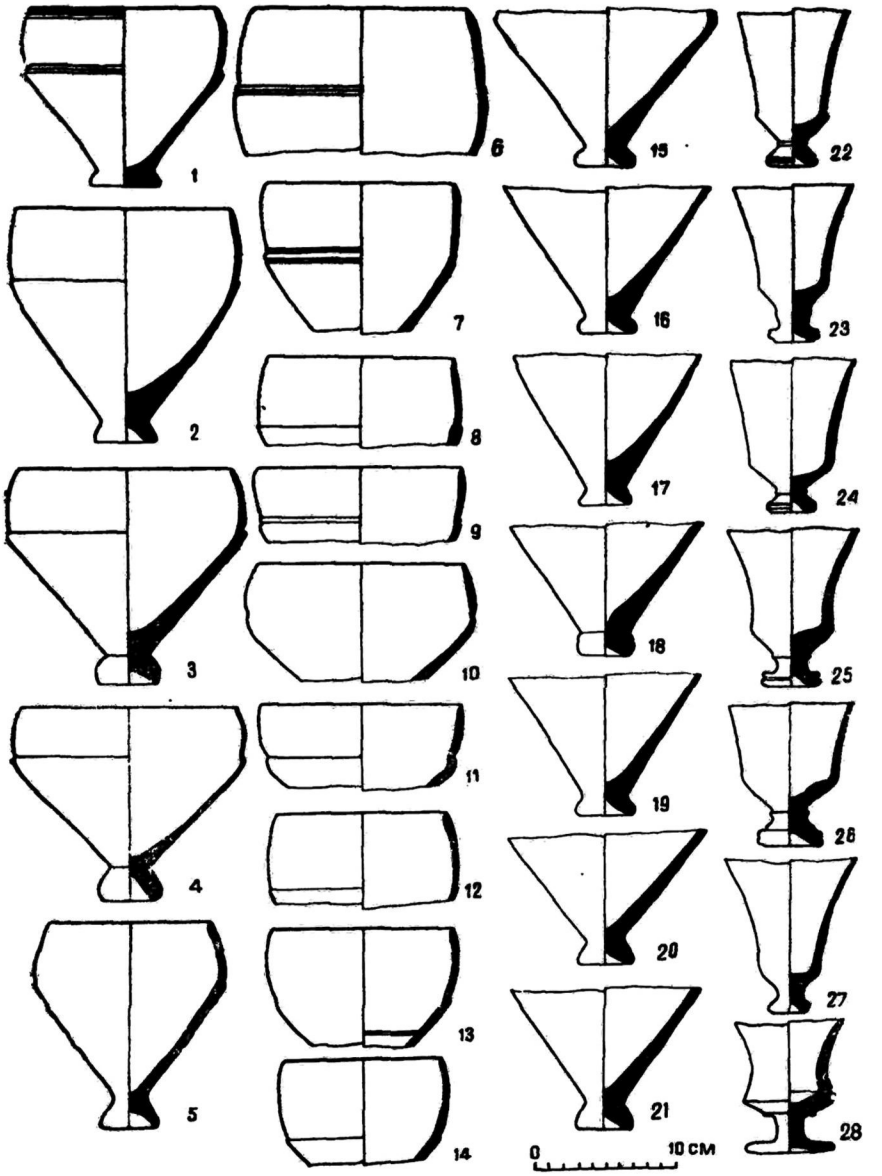

Табл. I. Мирзакултепа. Цилиндрические кубки, бокалы.

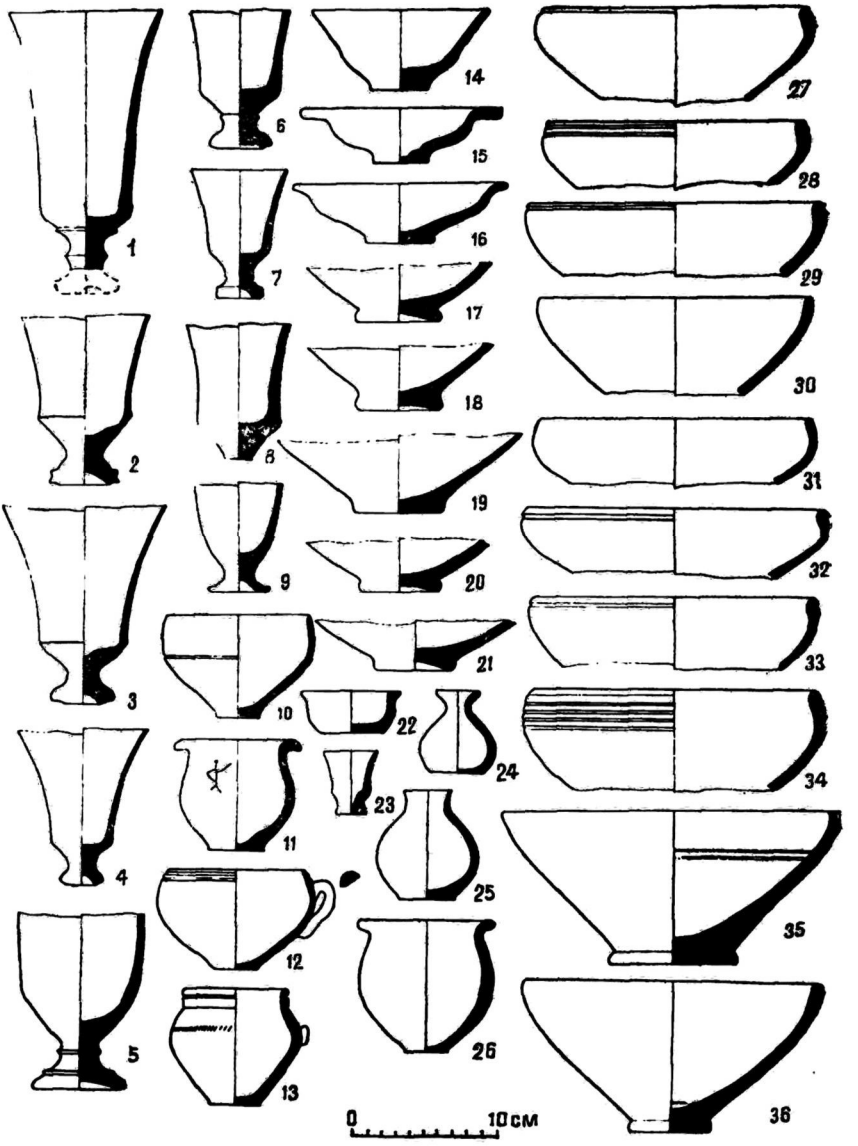

Табл. II. Мирзакултепа. Бокалы, чаши, косметические сосудики, пиалы, тарелки.

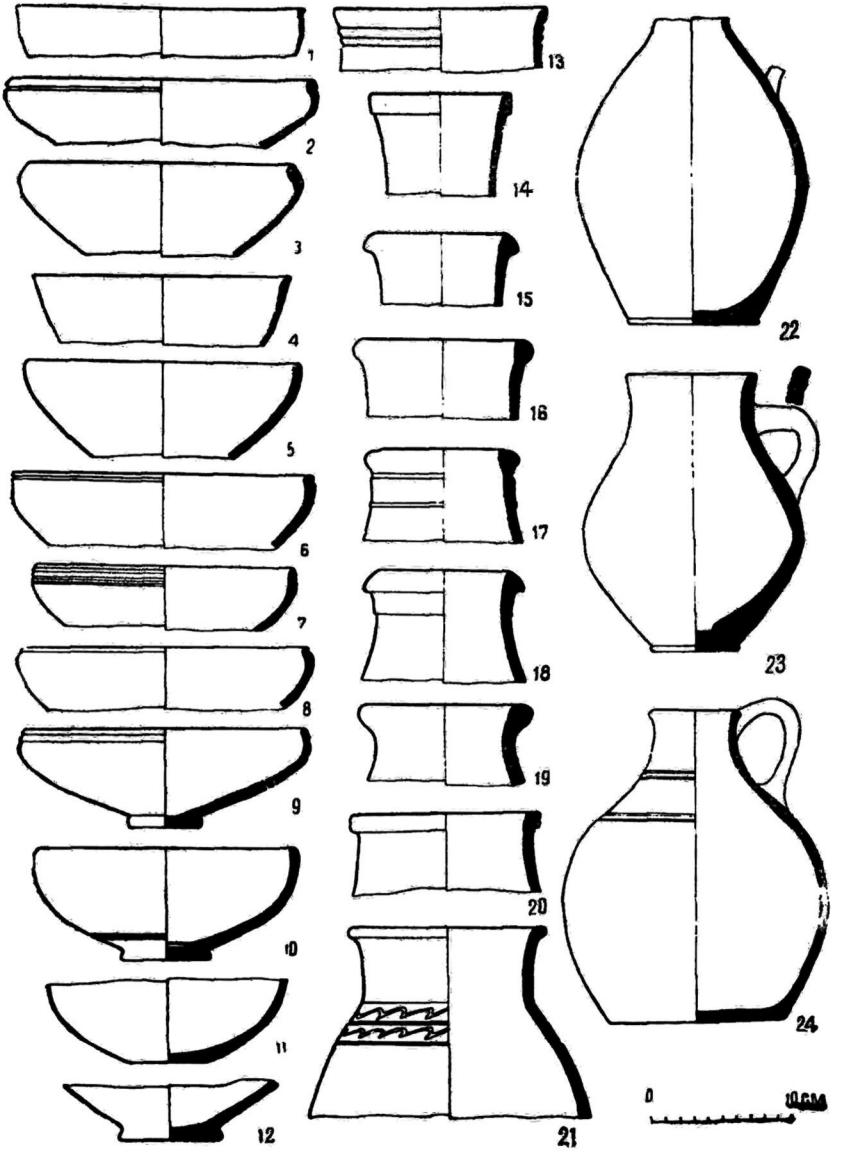

Табл. III. Мирзакултепа. Чаши и кувшины.

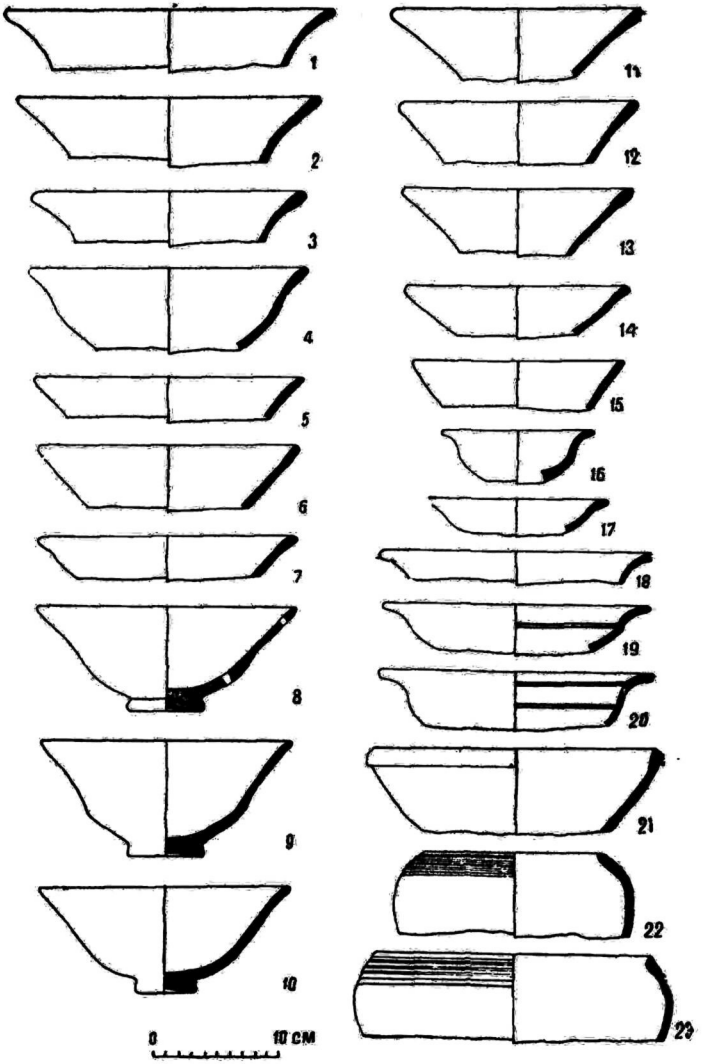

Табл. IV. Мирзакултепа. Сероглиняная керамика. Чаши, тарелки, горшки.

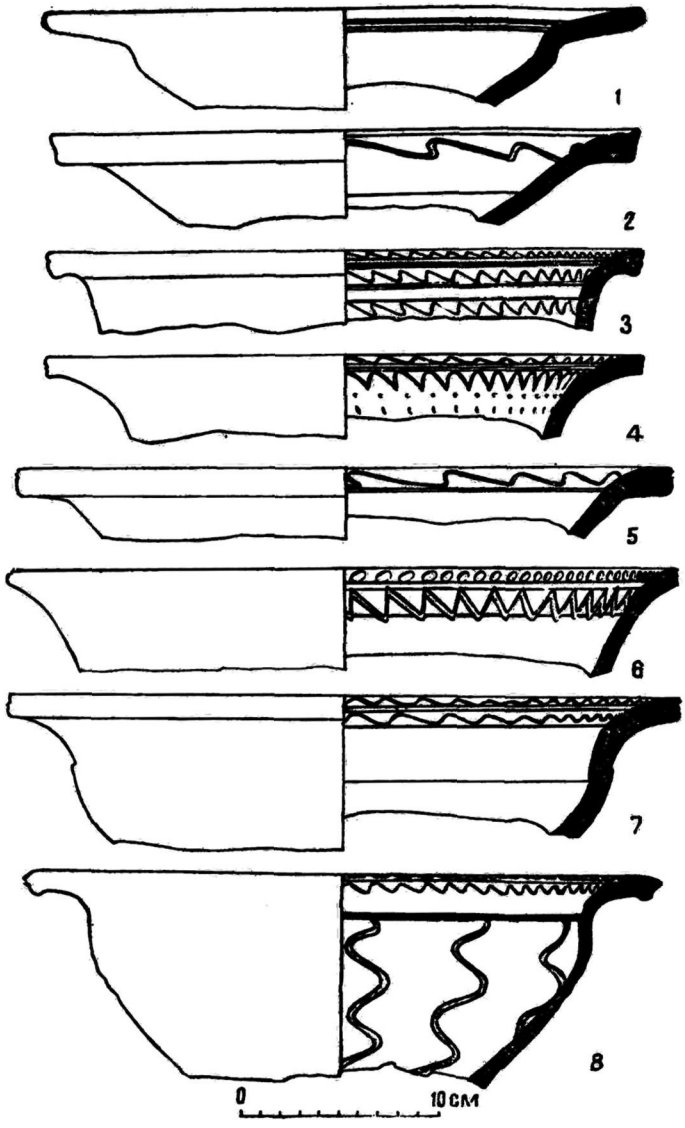

Табл. V. Мирзакултепа. Столовые тагора.

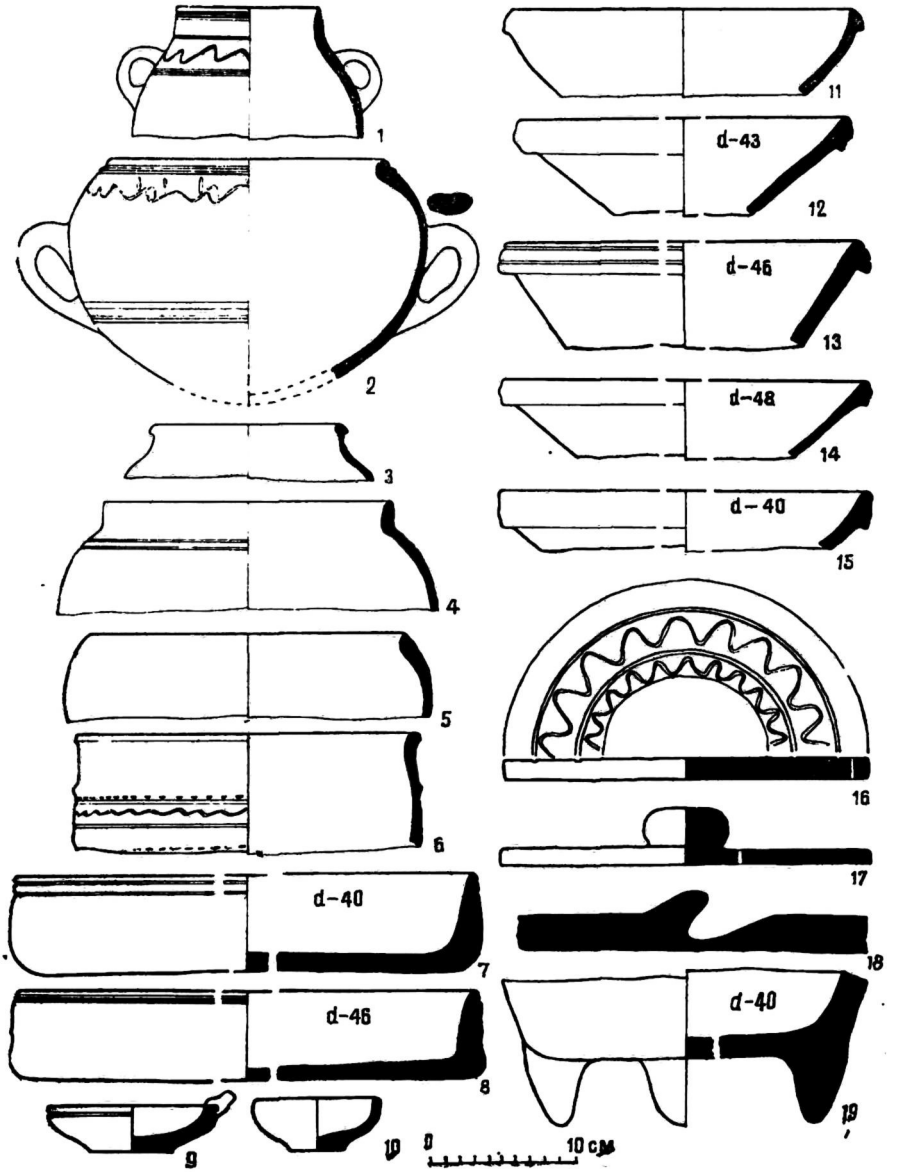

Табл. VI. Мирзакултепа. Котлы, тагора, крышки, хумы на ножке, хумча, жаровни.

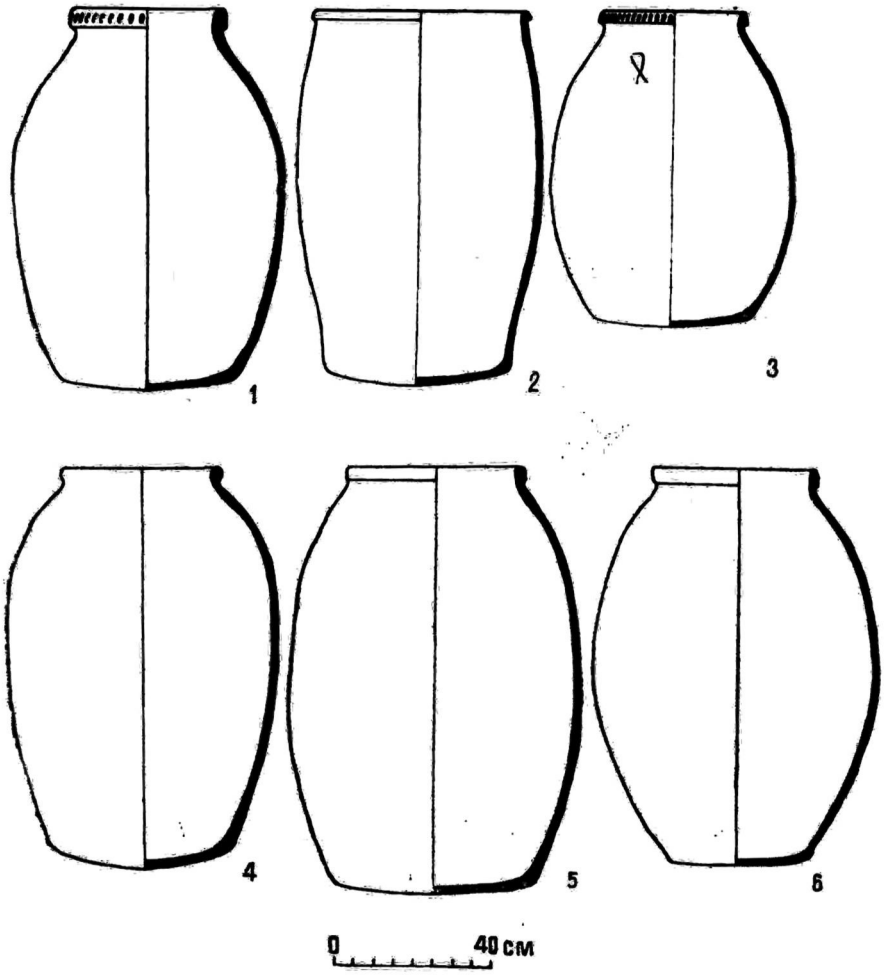

Табл. VII. Мирзакултепа. Хумы.

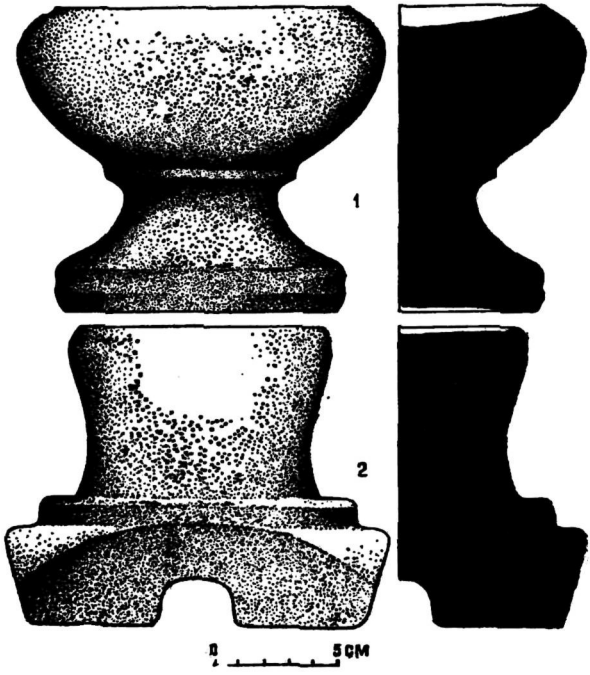

Табл. VIII. Мирзакултепа. «Алтарики».

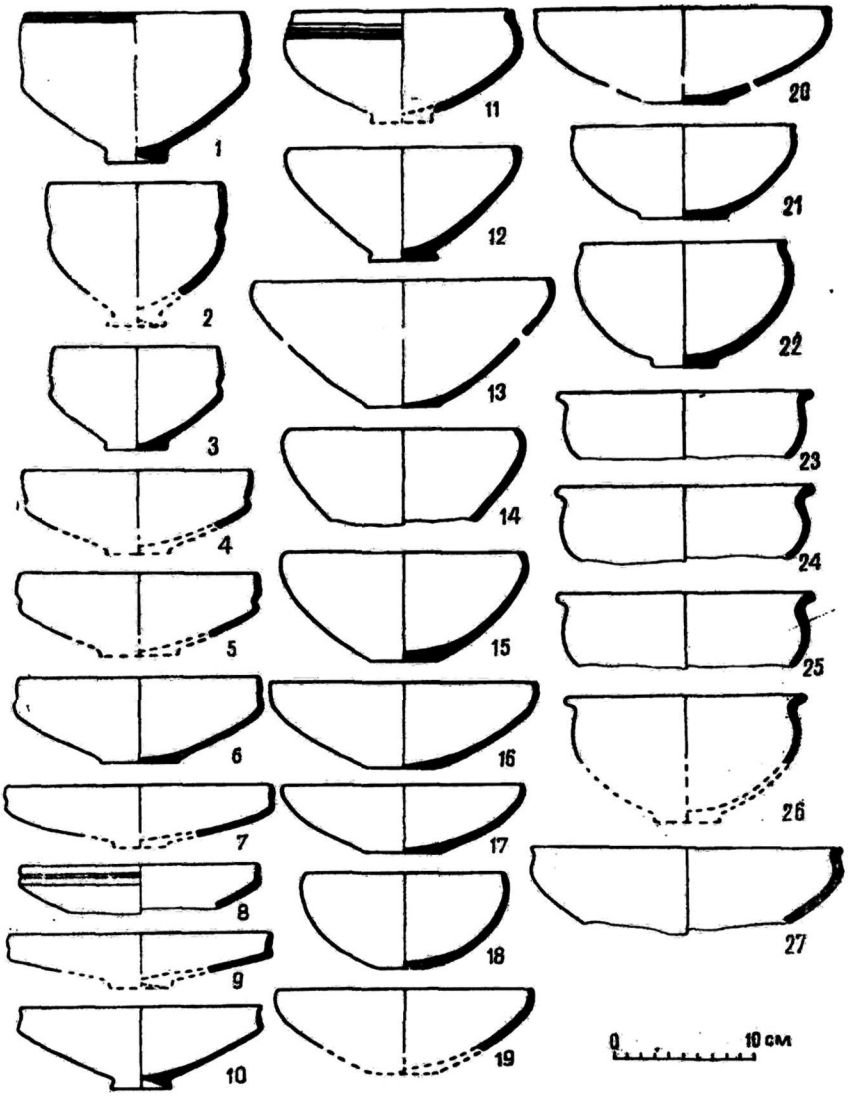

Табл. IX. Аккурган. Кубкообразные чаши, чаши с характерным перегибом у венчика, чаши.

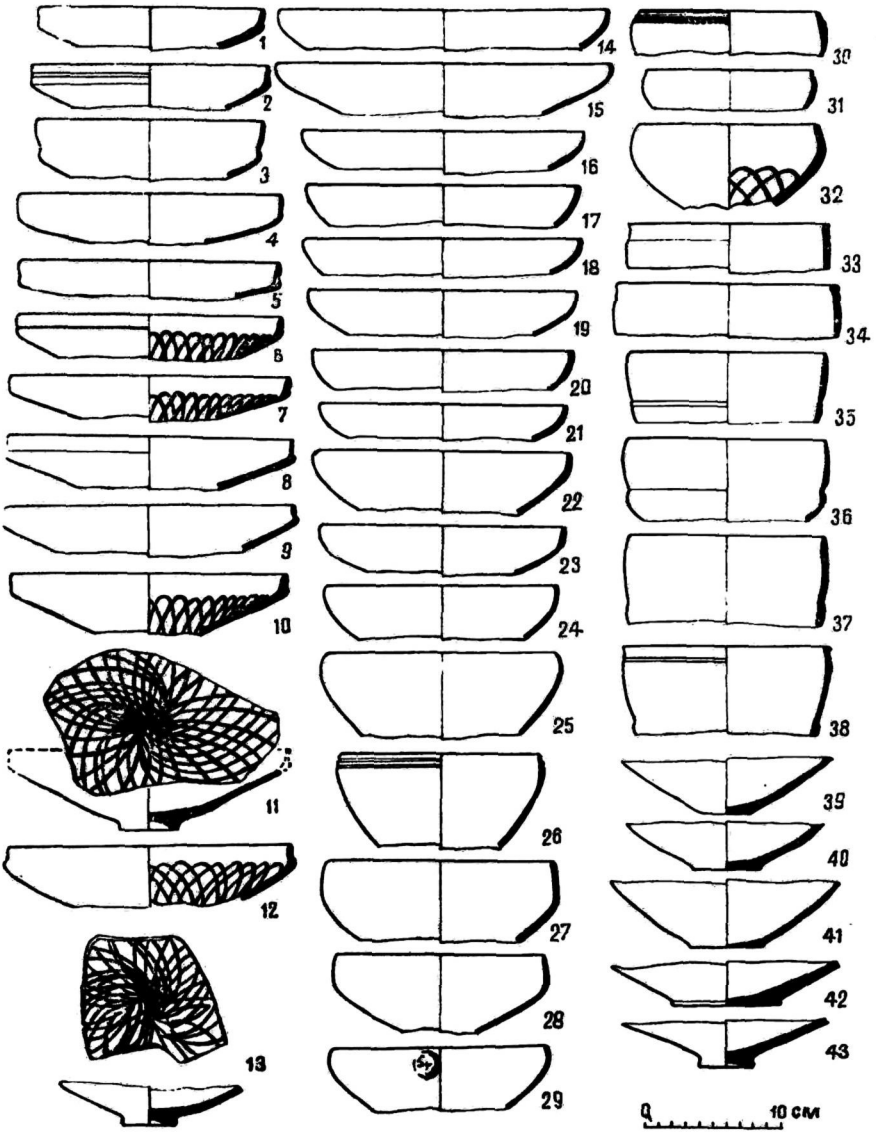

Табл. X. Аккурган. Кубкообразные чаши, чаши с характерным перегибом у венчика, чаши.

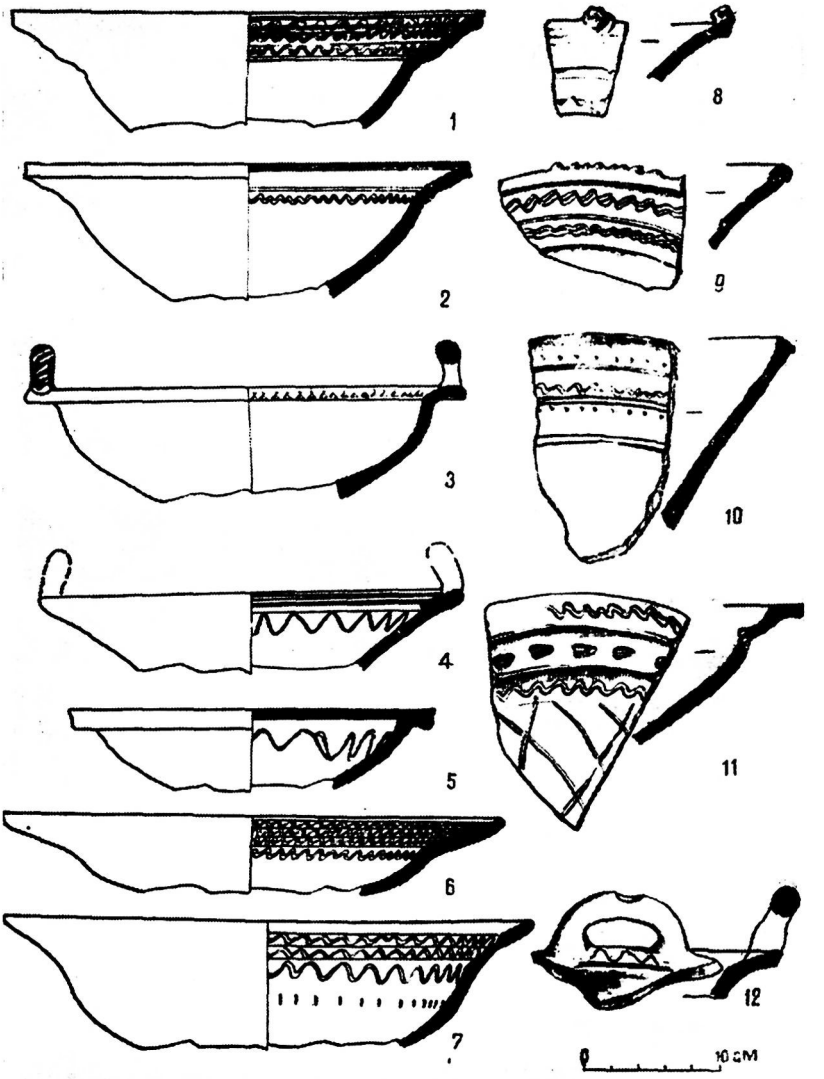

Табл. XI. Аккурган. Столовые тагора.

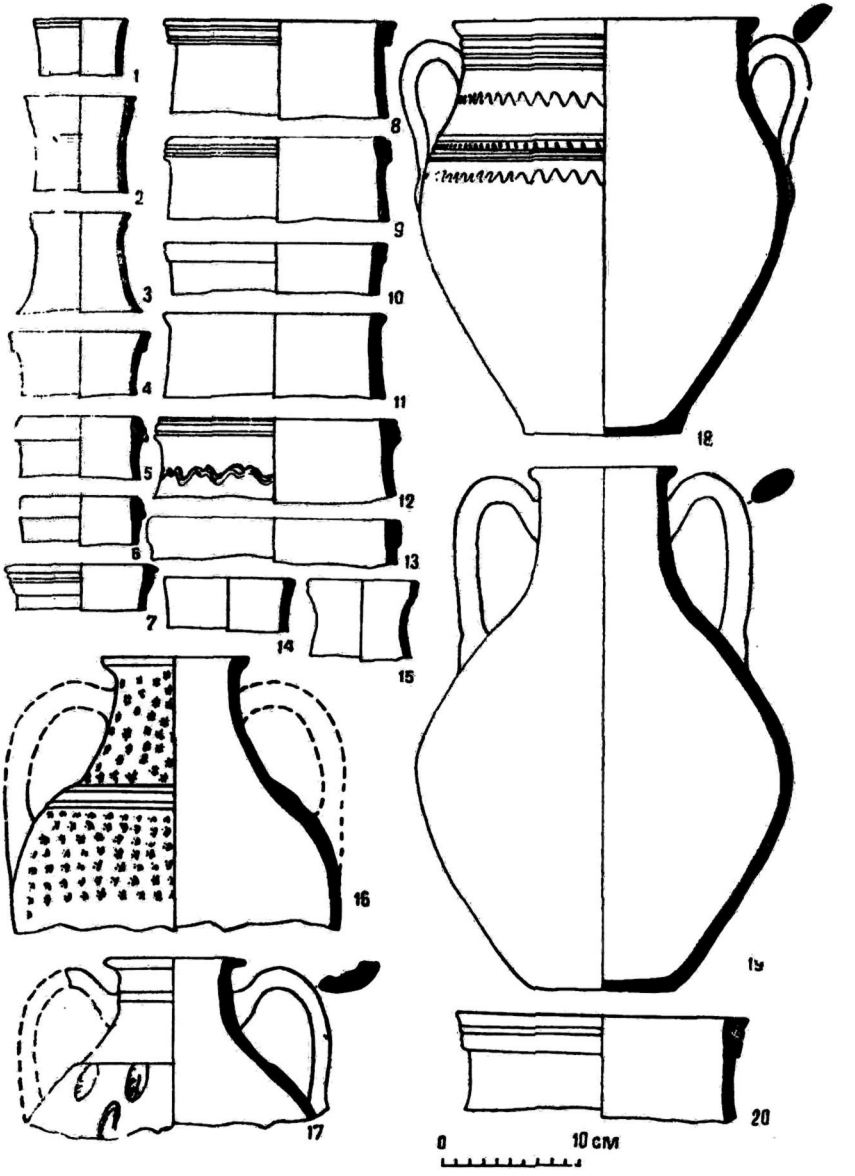

Табл. XII. Аккурган. Кувшины, хумчи.

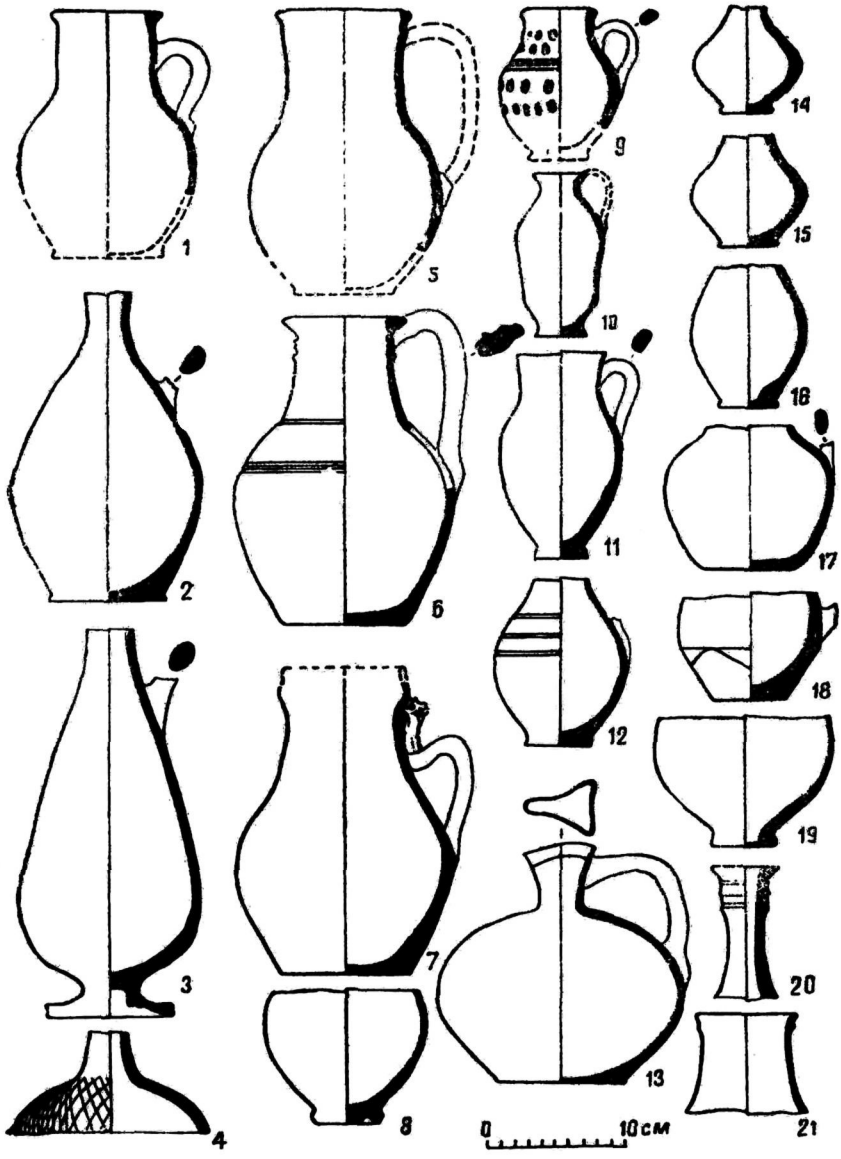

Табл. XIII. Аккурган. Кувшины.

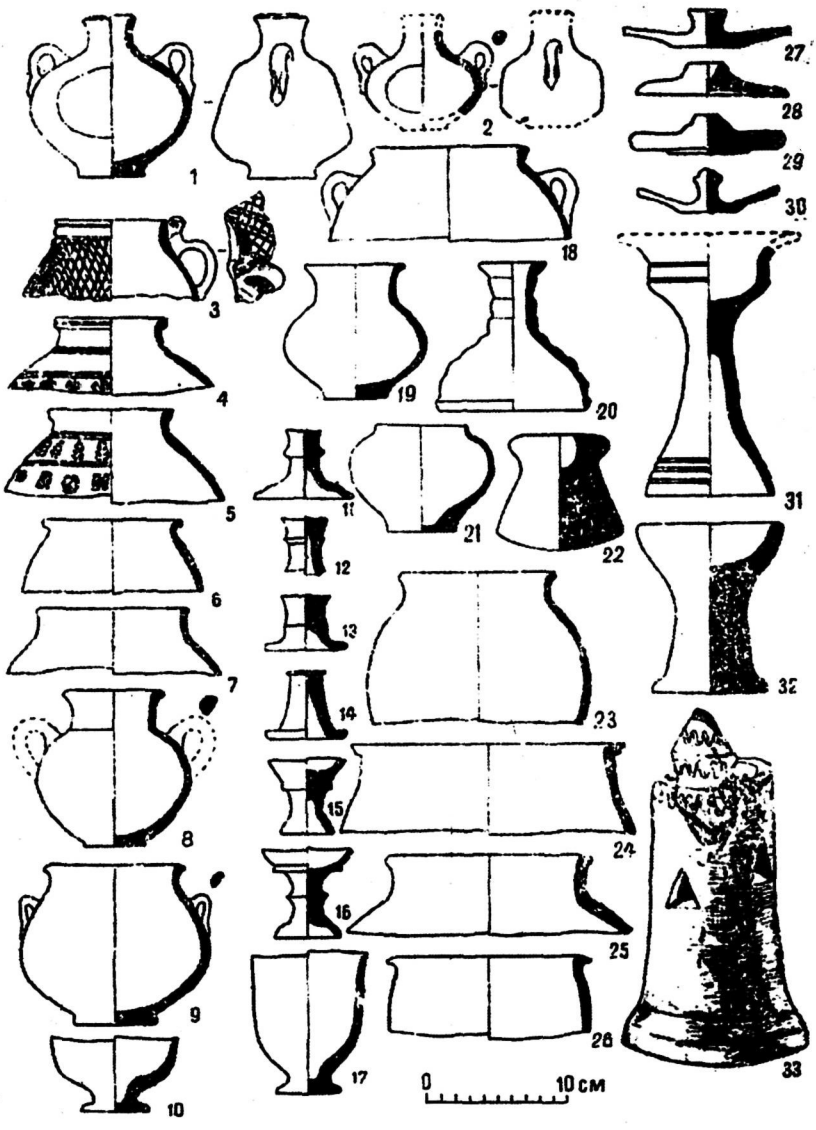

Табл. XIV. Аккурган. Кувшины, горшки, ножки бокалов, крышки, курильницы и др.

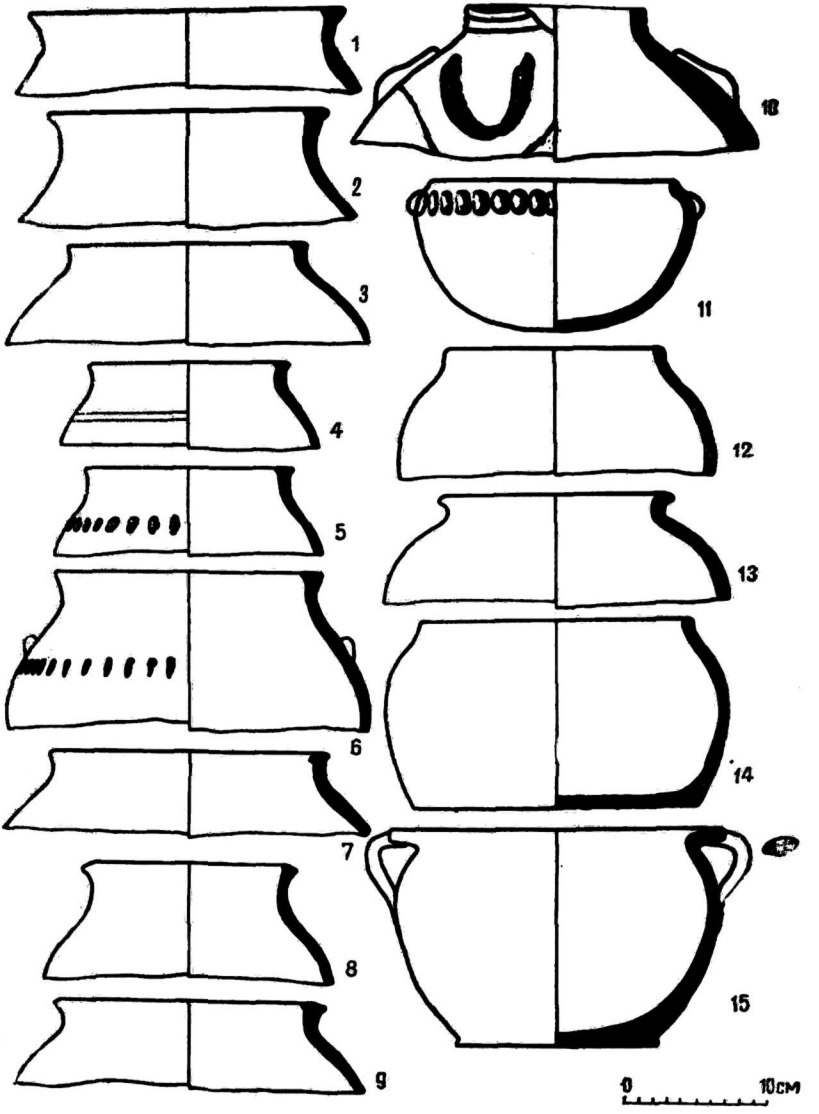

Табл. XV. Аккурган. Котлы.

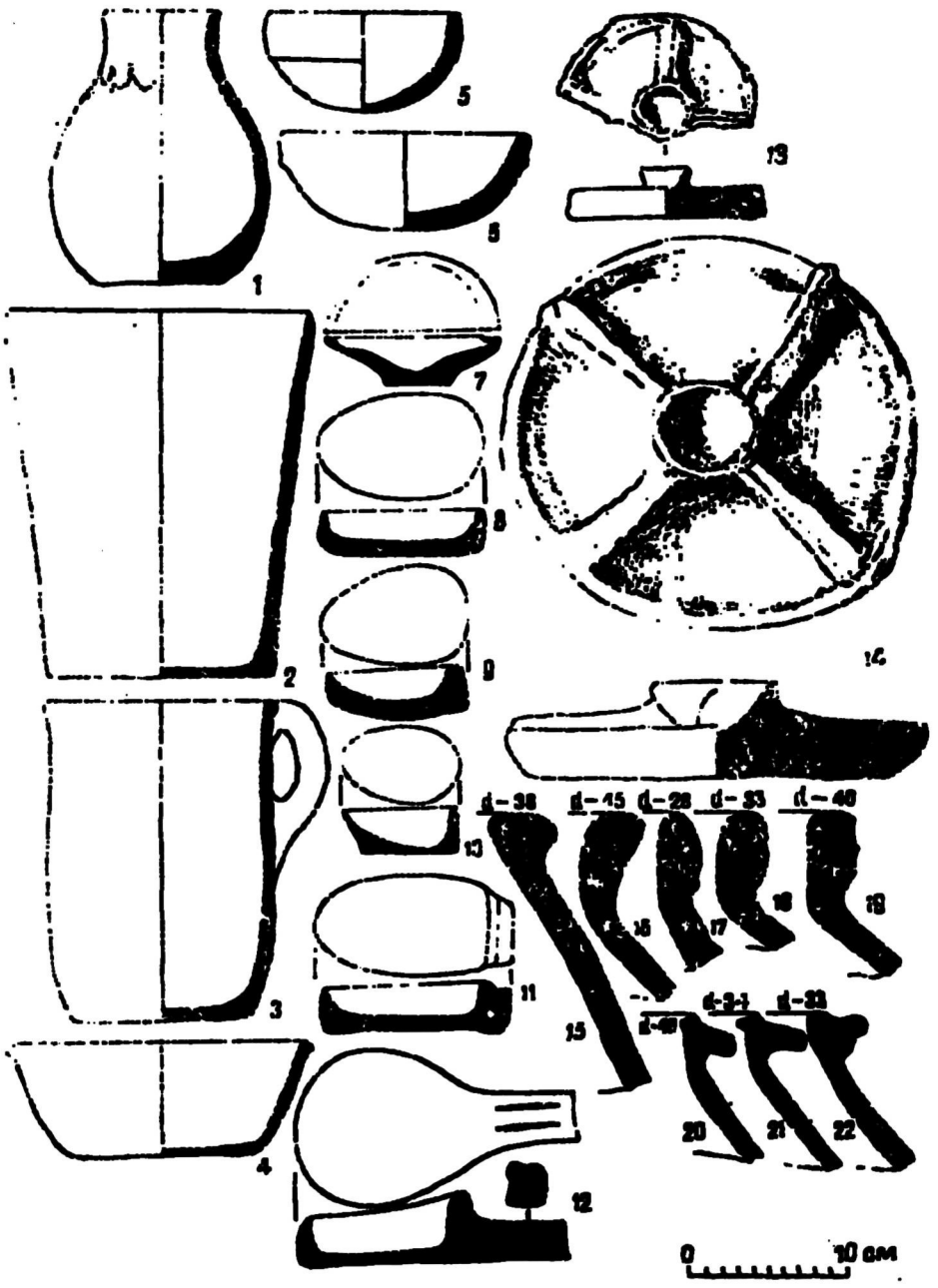

Табл. XVI. Аккурган. Сосуды для кипячения воды, чиракдоны, светильники.

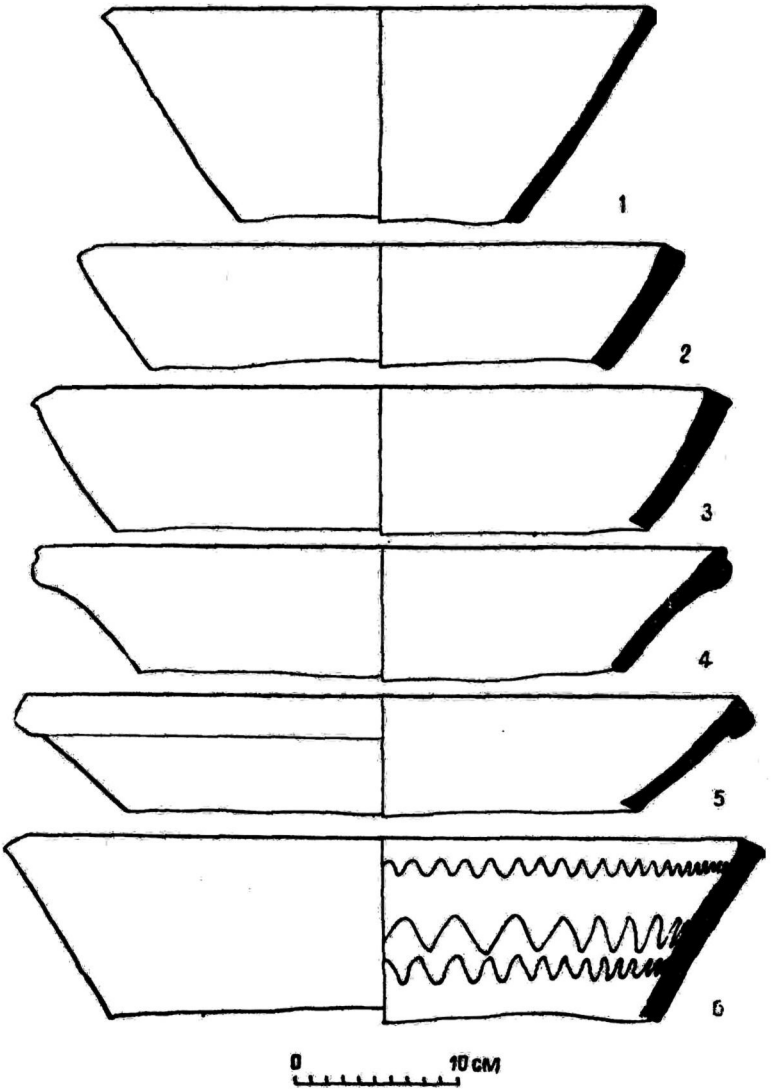

Табл. XVII. Аккурган. Кухонные тагора.

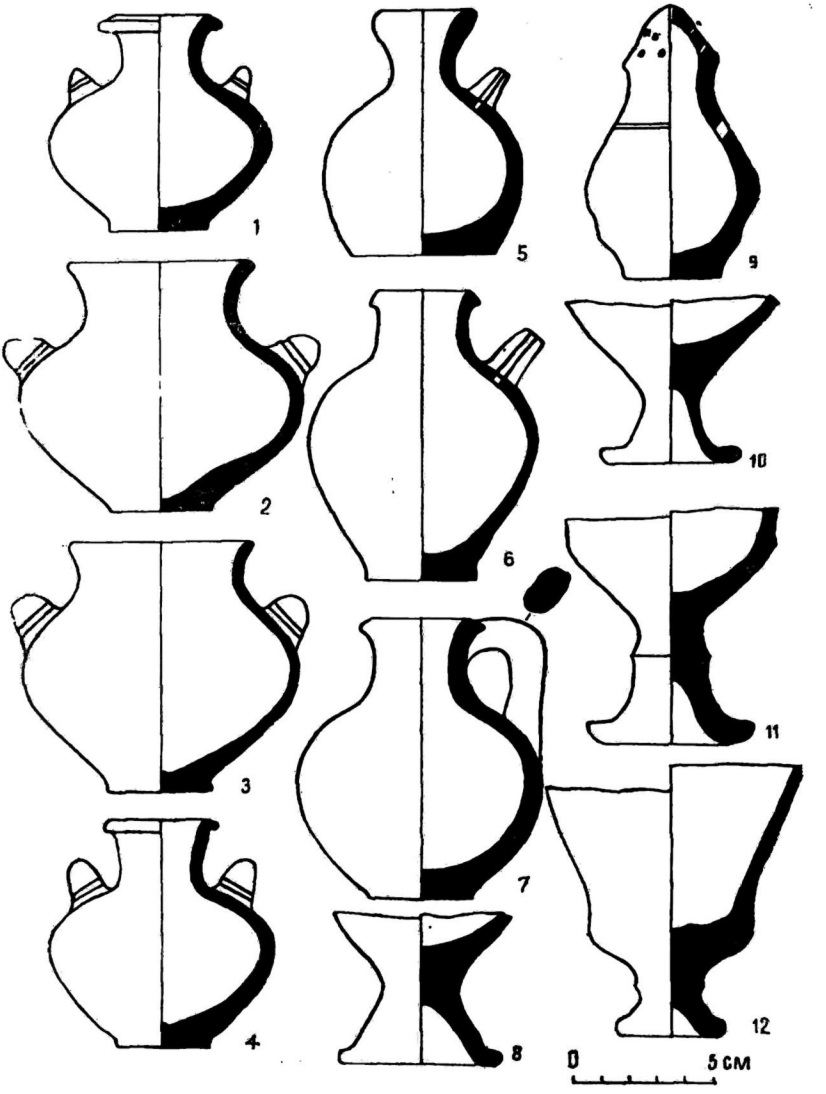

Табл. XVIII. Аккурган. Поильники, бокалы, «солонка», кувшинчик и сосудики с ручками.

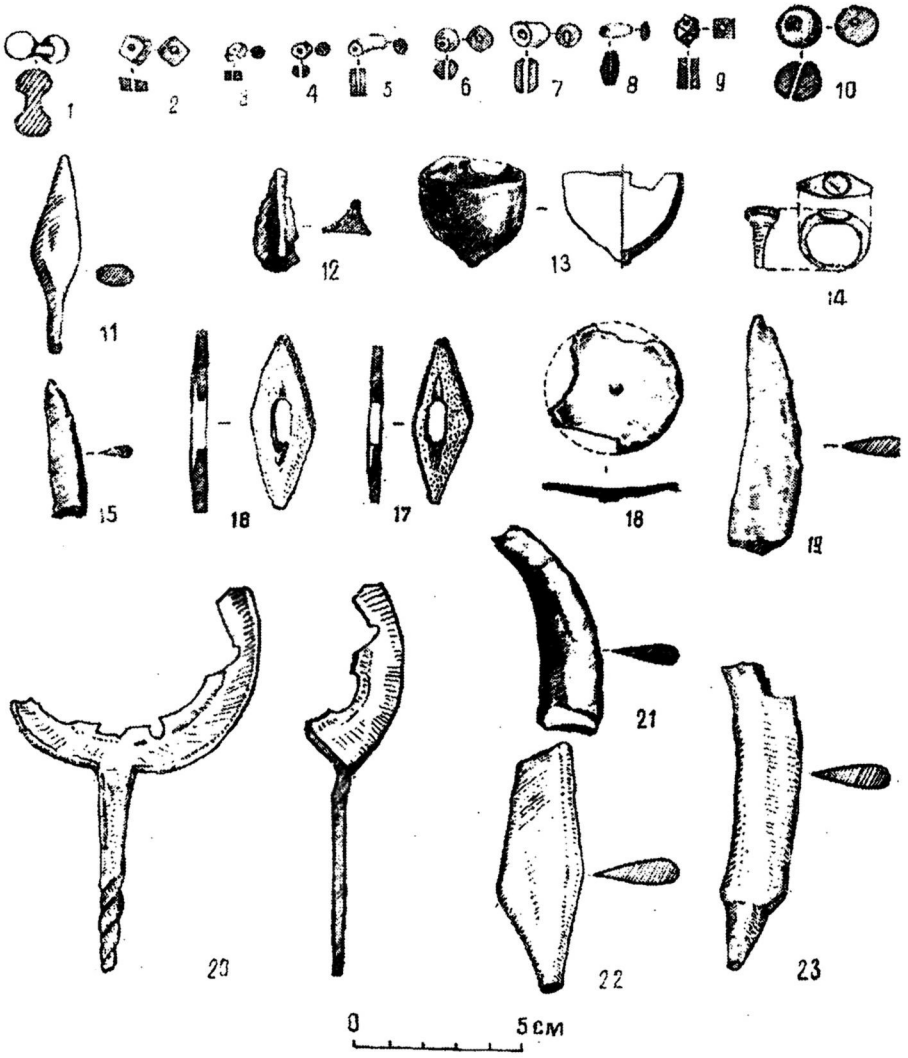

Табл. XIX. Аккурган. Украшения, наконечники стрел, серьги, ножи, перекрестья кинжала.

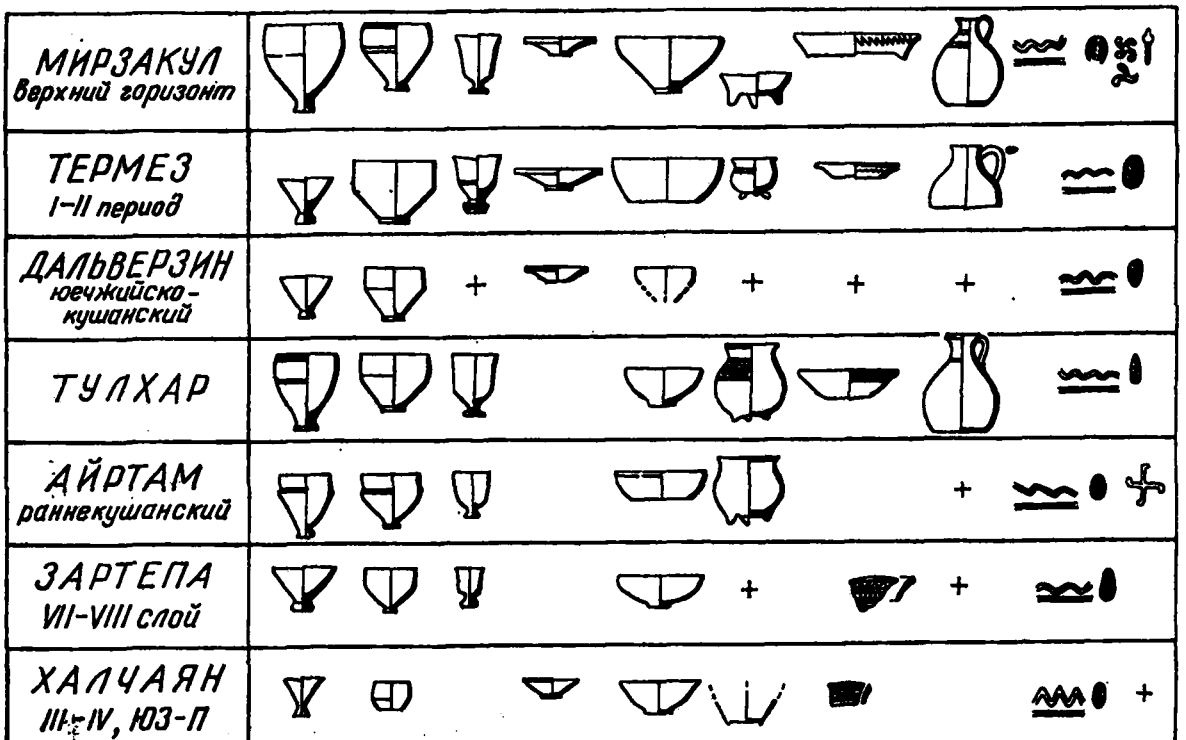

Табл. XX. Сводная таблица.

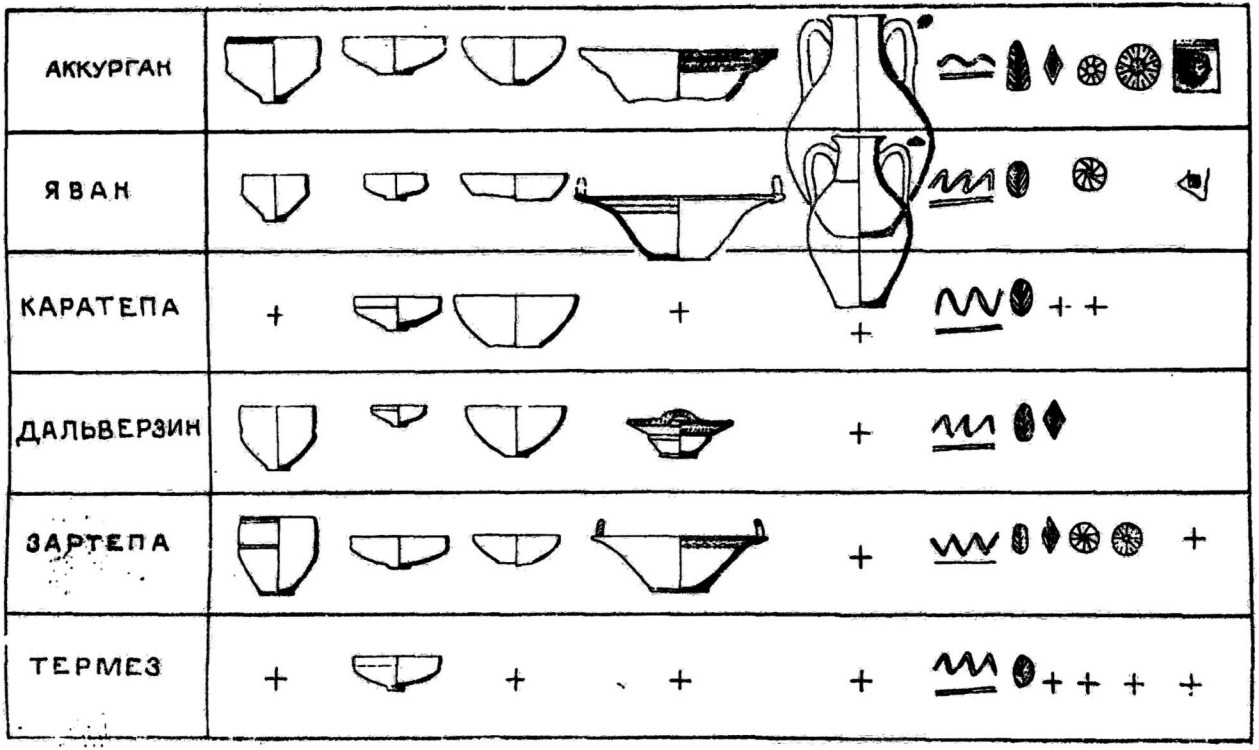

Табл. XXI. Сводная таблица.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение.	3
Глава I. Краткий очерк по истории изучения памятников кушанского времени на юге Средней Азии.	6
Глава II. Общий обзор памятников кушанского времени Сурхандарьинской области (по ирригационным районам).	15
Глава III. Раскопки мелких поселений.	29
Раскопки поселения Мирзакултепа и характеристика находок. .	29
Раскопки поселения Аккурган и характеристика находок. . .	50
Глава IV. Вопросы хронологии.	82
Синхронизация комплексов и относительная хронология верхнего слоя Мирзакултепа и Аккургана.	83
Вопросы абсолютной хронологии.	88
Стратиграфия и относительная хронология кушанских комплексов Северной Бактрии.	95
Глава V. Историческая интерпретация малых поселений. . . .	97
Функциональный анализ мелких поселений сельского типа. .	97
Археологические памятники и проблема общины в структуре кушанской державы.	102
Заключение.	109
Литература.	114
Иллюстративные таблицы	123

Пидаев Шакирджан Расульевич

ПОСЕЛЕНИЯ КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОЙ БАКТРИИ

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии, Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР

Редактор *Э. Р. Балаян*
Художник *И. А. Цыганов*
Художественный редактор *А. М. Расулев*
Технический редактор *В. М. Тарахович*
Корректор *Л. В. Водолазская*

ИБ 430

Р05227. Сдано в набор 5/I-78 г. Подписано к печати 2/II-78 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Бум. л. 4.5. Печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 9,8. Изд. № 650. Тираж 1000., Цена 1 р. 60 к. Заказ 7.

Типография издательства «Фан» УзССР, г. Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70

Цена 1 р. 60 к.

·ФАН·